СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СССР — ВЕНЕРА. ТРИУМФ ТРУДА И ГЕНИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 22 (2187)

31 МАЯ 1969

Основан 1 апреля 1923 года

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

27 мая в Москве открылась Декада украинской литературы и искусства в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике.

2 200 участников декады представят культуру братской республики. В числе их — писатели, артисты, ученые, новаторы производства, знаменитые мастера урожаев.

Семью маршрутами участники декады разъедутся по Российской Федерации: в Ленинград, в Воронеж — Тамбов — Липецк, в Куйбышев — Оренбург, в Волгоград — Саратов, в Челябинск — Уфу, в Томск — Омск — Тюмень, в Хабаровск — Владивосток.

Горячий привет посланцам солнечной Советской Украины!

ПАЛКЕ ВІТАННЯ ПОСЛАНЦЯМ СОНЯЧНОЇ РАДЯНСЬКОЇ УКРАЇНИ!

Памятник Тарасу Григорьевичу Шевченко в Москве. Авторы памятника — скульпторы М. Грицюк, Ю. Синькевич, А. Фуженко и архитекторы А. Сницарев и Ю. Чеканюк. Фото Б. Дмитриева.

27 мая международную выставку «Автоматизация-69» посетили товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, Ф. Д. Кулаков, М. С. Соломенцев.

Более четырех часов руководители Коммунистической партии и Советского государства знакомились с выставкой. Они побывали в павильонах и осмотрели экспозиции Советского Союза, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, Италии, Швеции, Финляндии, Японии, Австрии, Швейцарии, Великобритании, ФРГ, Франции, Дании, США, Бельгии, Нидерландов, Лихтенштейна, а также фирм Западного Берлина.

Во время осмотра чехословацкого раздела Л. И. Брежнев сердечно поздравил организаторов выставки с проведением национального дня ЧССР на международном смотре. Он высоко оценил экспозицию Чехословакии, пожелал чехословацкому народу дальнейших успехов в социалистическом строительстве и выразил уверенность, что выставка «Автоматизация-69» послужит дальнейшему расширению всестороннего сотрудничества и укреплению братской дружбы между Советским Союзом и Чехословакией.

На снимке: руководители партии и правительства на международной выставке «Автоматизация-69».

Фото А. Устинова.

Москва. 27 мая. Торжественное открытие Декады украинской литературы и искусства в РСФСР. Концерт в Колонном зале Дома союзов.

Фото Д. Ухтомского.

ЕДИНСТВО И

По приглашению Председателя Президиума Великого Народного хурала Монгольской Народной Республики Жамсарангийна Самбу с 20 по 24 мая 1969 года в Монгольской Народной Республике находился с официальным дружеским визитом Председатель Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик Н. В. Подгорный.

Во время визита, который протекал в обстановке братской дружбы, Председатель Президиума Верховного Совета СССР и сопровождавшие его лица ознакомились с достижениями монгольского народа в социалистическом строительстве, побывали на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях и в культурных учреждениях. Посланцам советского народа повсюду был оказан горячий и сердечный прием, вылившийся в яркую демонстрацию нерушимой дружбы, братства и интернациональной солидарности монгольского и советского народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный имел встречи и беседы с Председателем Президиума Вели-

С ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

26 мая в Кабул по приглашению Премьер-Министра Афганистана Нур Ахмеда Эттемади с официальным дружественным визитом прибыл Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Вместе с главой Советского правительства в Кабул прибыли Председатель Совета Министров Киргизской ССР А. С. Суюмбаев, Председатель Совета Министров Молдавской ССР А. Ф. Диордица, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков, заместитель министра иностранных дел СССР В. М. Виноградов и другие. Тепло и дружественно встречает высоких советских гостей Афганистан, отметивший полвека своей независимости.

На снимке: А. Н. Косыгин и Н. А. Эттемади во время встречи в кабульском аэропорту.

Фото А. Стужина (ТАСС).

Исполнилось пятьдесят лет Главному политическому управлению Советской Армии и Военно-Морского Флота. 26 мая в театре Советской Армии состоялось торжественное собрание, на котором секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов огласил встреченное бурными аплодисментами приветствие ЦК КПСС политорганам, командирам и политработникам Советской Армии и Военно-Морского Флота. С докладом выступил начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев.

Участники собрания единодушно приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС.

СОЛДАТЫ ПАРТИИ

В памяти каждого, кто служил в армии, непременно живет имя комиссара. С первых же шагов новобранец чувствует на себе его пристальное внимание в новой, еще незнакомой солдатской жизни.

В той части, где я начинал действительную, политическим руководителем был полковой комиссар Артюхин. Этот невысокий, светловолосый человек с четырьмя шпалами в петлицах для нас, новобранцев, казался недосягаемым начальником.

Но комиссар держал себя просто и доброжелательно. Постоянно находился среди нас, был в курсе всех дел. Мы видели его и во время подъема, и перед отбоем, и на стрельбище, и на учениях. Вскоре он почти всех нас знал по имени и по фамилии. И ежели он одобрял наши действия, не было для нас выше награды.

— Да, воинская наука нелегкая,— говорил комиссар.— Но без нее не будет победы, если нападет враг. Партия от нас требует постичь военную премудрость. Партия и народ...

А вот другой комиссар — Владимир Николаевич Дружинин, с которым судьба столкнула меня на партизанской тропе. До войны он был секретарем Тернопольского обкома партии. В день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз ушел в армию, служил в политотделе дивизии в звании батальонного комиссара. А потом стал комиссаром нашего партизанского соединения. Не очень-то многословный и всегда уравновешенный, как бы трудно нам ни приходилось, комиссар замечал все и не оставлял без внимания ни труса, ни героя, ни того, кому привалила радость, ни того, кто попал в беду. И, ежели комиссар был в чем-то убежден, он не отступал от своего ни на шаг. Соврать ему было просто невозможно. Даже самый отчаянный враль, заранее приготовивший оправдания и готовый без запинки отбарабанить их любому, говорил ему правду.

Летом сорок второго, когда радио приносило безрадостные сводки, когда фронт неудержимо катился к Волге, к Сталинграду, умел комиссар внушить уверенность в победе, в том, что фашистская ночь скоро кончится и мы встретимся наконец с родной Красной Армией. Он говорил про-

СПЛОЧЕННОСТЬ

кого Народного хурала Монгольской Народной Республики Ж. Самбу и Первым секретарем Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии, Председателем Совета Министров Монгольской Народной Республики Ю. Цеденбалом.

Беседы вновь подтвердили полное единство взглядов и практических действий МНРП и КПСС, правительства МНР и правительства СССР по всем обсуждавшимся вопросам.

Этот визит явится важным вкладом в дальнейшее укрепление братской дружбы и всестороннего сотрудничества между СССР и МНР, в укрепление боевого единства и сплоченности социалистического содружества.

На снимке: визит члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного Первому секретарю ЦК МНРП, Председателю Совета Министров МНР Ю. Цеденбалу и члену Политбюро ЦК МНРП, Председателю Президиума Великого Народного хурала МНР Ж. Самбу.

Фото В. Соболева (ТАСС).

сто, буднично, без единой капли пафоса, но находил слова, берущие за сердце и заставлявшие верить, что не он, комиссар, а сама партия говорит с нами. И от этого мы делались удачливее и увереннее в бою, и отступала усталость, и голод казался не столь сильным...

Нелегок и внешне неприметен труд комиссаров и политорганов в армии. Но их неприметный, кропотливый, каждодневный труд с первых же дней существования Советских Вооруженных Сил, с первых же боев на фронтах гражданской войны и до нынешнего времени цементировал и сплачивал ряды солдат и командиров Армии и Флота, прививал им непоколебимую веру в правоту нашего ленинского дела, уверенность в непобедимости нашей Армии, готовность к подвигу и самопожертвованию.

«Высокий авторитет политорганов среди личного состава Вооруженных Сил СССР,— говорится в приветствии ЦК КПСС политорганам, командирам и политработникам Советской Армии и Военно-Морского Флота,— яркое свидетельство их огромной плодотворной деятельности как в мирное, так и в военное время».

Партия вырастила многих крупных полководцев, которые превзошли в искусстве вождения войск и царских, и японских, и гитлеровских генералов. Партия вдохновила на небывалые ратные подвиги бесчисленных героев. И в том, что совершили Чапаев и Котовский, Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, капитан Гастелло, двадцать восемь панфиловцев, в подвигах пограничников на острове Даманском есть доля самоотверженного труда партийных руководителей-комиссаров.

И сегодня, в дни, когда страна готовится достойно встретить столетие со дня рождения Ильича, мы горды тем, что выпестованные партией, вооруженные передовыми марксистско-ленинскими идеями, могучие и несокрушимые наши Армия и Флот готовы в любой момент преградить путь агрессору.

Герой Советского Союза
В. ПАВЛОВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

С АФРИКОЙ В СЕРДЦЕ

Олег ИГНАТЬЕВ

Как и всегда, прежде чем на бумагу ляжет первая строчка будущей статьи, перебираешь сообщения телеграфных агентств: телеграммы из Мали и Гвинеи, Ганы, Танзании, Кении, десятков других африканских стран. События приятные и огорчительные, разного калибра и политического звучания. Это жизнь континента, напряженное и полнокровное биение политического пульса одной из пяти частей света. Сегодняшняя Африка.

Те, кому сейчас за тридцать, помнят другую Африку. «Английскую» и «французскую», «бельгийскую» и «испанскую». Детьми мы все прошли через волну увлечения экзотикой. Собирали марки с маняще-таинственными названиями: «Золотой берег», «Берег Слоновой Кости», «Танганьика». Зачитывались «Питером Морицем — юным буром из Трансвааля». Была любовь к далекому и неизведанному, любовь в грезах, жажда познания миража.

Шли годы, и мы радовались появлению каждого нового государства на карте континента. Расширялись контакты между нашей страной и молодыми государствами Африки. Менялось и наше отношение к Африке. Нас теперь связывает значительно больше прочных дружеских уз, чем, скажем, пятнадцать лет назад. Наши чувства к Африке мужают вместе с расширением знаний о ней. И любовь к Африке крепнет, становится осязаемее и весомей, освобождаясь от таинственного покрова экзотики.

Несколько лет тому назад, возвращаясь из командировки по африканским странам, я разговорился с корреспондентом одной из английских буржуазных газет. «Я встречался с вашими советскими специалистами в различных африканских государствах,— сказал мой собеседник,— и я не могу понять, что их тянет в эти страны. Слоны и баобабы?» Этот журналист, воспитанный в другой жизненной среде, не мог уяснить мотивы, которыми руководствуются советские люди, отправляясь в далекую Африку. А они приходят сюда помогать. Конечно, интересно увидеть своими глазами и баобабы и слонов. Но как в сложнейшем агрегате есть второстепенные детали и существует сердцевина механизма, так и в тяге советских людей к Африке отчетливо виден главный стержень, имя которому — интернационализм.

В Африке наших дней мы наблюдаем столкновение двух идеологий, двух подходов к познанию мира и взглядов на будущее.

Когда мы видим лицо мальчугана, обожженное напалмом, сброшенным с американского самолета португальскими варварами, когда лидера мозамбикских патриотов Эдуардо Мондлане подло убивают бомбой, присланной из Западной Германии, когда южноафриканские расисты проводят политику геноцида, то и напалм, и взрывчатка, и геноцид — орудия их идеологии, идеологии отмирающей. Идеологии тех, кто усматривает будущее Африки в возврате к прошлому. Пусть перекрашенному и перелицованному, но все же вчерашнему дню.

Когда социалистические страны шлют в африканские джунгли врачей и педагогов, когда в госпитале, присланном из Советского Союза, лечатся раненые патриоты Армии освобождения «португальской» Гвинеи, когда советский «газик» пробирается по дорогам Замбии, то все эти капли в потоке нашей помощи Африке — свидетельство чувства глубокого интернационализма, которым мы руководствуемся в отношениях с африканскими странами.

Каждый год мир отмечает День освобождения Африки. Подводит итоги, подбивает баланс, окидывает взглядом оставшийся отрезок пути до полного освобождения континента. Потому что пока в Африке звучат не только фанфары победы, но и горны, зовущие в атаку и наступление. На наших глазах сужается плацдарм колонизаторов на африканской земле. Но они все еще яростно сопротивляются, не желая признавать поражение. Они берут на вооружение новые методы, пытаясь сохранить старое, расчленить, растлить и обескровить пробудившийся континент.

Представители американского «корпуса мира» подыскивают кандидатов в марионетки, бельгийские банкиры подсовывают займы местным квислингам, английская разведка плетет заговоры, направленные на раскол страны или свержение народных деятелей. Не выходит, и тогда к берегам бывшей испанской Гвинеи срочно посылаются военные корабли, в восточную часть Конго перебрасывается воздушный десант с наемниками, поток оружия перекачивается расистам ЮАР и Родезии. Колониализм не приобрел респектабельности, став неоколониализмом. Просто арсенал взломщика пополнился новыми инструментами для новых грабежей, и с их помощью колонизаторы пытаются оттянуть приход последнего часа своего хозяйничанья на африканской земле.

Все понимают, что колонизаторы добровольно не уступят оставшихся у них бастионов. Но агонию никто не примет за воскрешение. Последние битвы для победителей, возможно, окажутся самыми трудными. Историей уже выведена аксиома: окончательная победа народов Африки неизбежна. Долг интернационалистов — помочь Африке быстрее одержать ее. В День освобождения Африки мы от всего сердца желаем больших успехов народам пробудившегося континента и еще и еще раз торжественно подтверждаем свою решимость до конца, до полного торжества дела справедливости и свободы, до полного поражения колонизаторов помогать Африке в борьбе. Таково веление нашего сердца, таков наш интернациональный долг.

Слово о Леонове

К 70-летию со дня рождения.

Михаил **АЛЕКСЕЕВ**

Он пришел в литературу юношей, но с неюношеским пониманием ответственности, каковая приходит к человеку вместе с писательским званием. Он пришел в литературу для того, чтобы занять в ней свое, ни на чье другое не похожее место. Самый трудный и реже всего увенчивающийся победою поиск — поиск себя, то есть своего «я» — для Леонова-писателя был на удивление коротким. Иногда думается: а был ли Леонид Леонов «молодым», «начинающим», «подающим надежды», «многообещающим»,— говоря иначе, проходил ли он когда-нибудь через период настороженного и снисходительно-скептического ожидания старших, как проходят его почти все отважившиеся стать на литературную стезю люди? Не верится, чтобы это было так, ибо после появления уже второго крупного произведения его автор получил отзыв, от которого могло бы захватить дух у любого маститого. Человек, к коему на ту пору прислушивался весь просвещенный мир, торопится поделиться своей радостью:

«Дорогой Леонид Максимович, вчера прочитал «Соть», очень обрадован — превосходная книга! Такой широкий, смелый шаг вперед и — очень далеко вперед от «Вора», книги, кою тоже весьма высоко ценю». И далее строки, которых достало бы на то, чтобы увидеть с предельной ясностью, что же есть такое Леонов в русской советской литературе: «Анафемски хорош язык, такой «кондово» русский, яркий, басовитый, особенно — там, где Вы разыгрываете тему «стихии», напоминая таких музыкантов, как Бетховен и Бах».

Симфоническая стройность виделась Горькому и в том, как выстроилось все произведение, и в том, как звучит в нем всякая, отдельно взятая строка. «Лось пил воду из ручья. Ручей звонко бежал сквозь тишину. Была насыщена она радостью, как оправдавшаяся надежда».

Легкая, счастливая дрожь пробегает по телу, будто уж и сам ты на утренней заре выбежал к тому ручью и окунулся в его студеных струях и тебе хочется засмеяться бездумно и беспечально, как бывает, когда ты молод и весь как бы соткан из неясных еще, но непременно радостных предчувствий чего-то необыкновенного. Вот ведь что могут поделать с душой твоею обыкновенные, сотни и тысячи раз слышанные прежде слова! Отчего же не производили они на тебя такого же освежающего, электризующего действия раньше? Оттого, вероятно, что не были поставлены в такой ряд и в такой относительности друг к другу, что не сталкивались и не высекали искры, о которую обожглось твое сердце. Волшебство это под силу лишь истинному художнику.

Мы можем читать все подряд написанное Леоновым — будь то роман, повесть, пьеса, статья или даже частное письмо — и не перестанем удивляться поразительной яркости языка, каковой мы теперь уж называем просто леоновским. А почему, собственно? Разве он его изобрел? Разве в нем встречаются слова непонятные, привлеченные из других языков и наречий или сотворенные заново? Нет же, у Леонова воистину «все понятно, всё на русском языке». Зачем же тогда говорим: «леоновское»? Можно было бы ответить аналогией: из одной и той же древесной породы с помощью самого немудрого инструмента мастер создаст чудо, шедевр, подлинное произведение искусства, а рука бесталанная—некоего деревянного уродца. Но это еще лишь полуответ. С языком литературным дело обстоит посложнее. Перед нами бесконечною чредою проходят книги, которые можно различить лишь по именам их создателей, хотя в каждой наличествует и сюжет свой, иногда даже своя проблема, и модный ныне, но опять же свой подтекст. Но вот беда: текста-то своего и нету. Слова сиюсекундные, обиходные, как бы для всеобщего удобства расположенные где-то на самой поверхности головного мозга, пригоршнями берутся ленивою и нетребовательною рукою, и вот вам язык без языка, нечто среднеграмматическое, уныло-равнодушное и пресное, хотя восклицательных, вопросительных и прочих знаков препинания там более чем предостаточно. Такие же мастера, как Леонов, работают с языком — в данном случае с языком русским — на всю его историческую национальную глубину. Нередко поэтому слово, погребенное под вековыми напластованиями и, казалось бы, навсегда, намертво забытое современниками нашими, извлекается писателем из этих глубин и смело, столь же и умело ставится рядом с нынешним, привычным и знакомым нам, вроде бы уж примелькавшимся словом, и мы вдруг являемся счастливыми свидетелями удивительного преображения того и другого и тогда начинаем понимать, что кладезь-то, откуда черпает человек, не простой, но артезианский.

Из леоновского опыта, из его работы с русским словом мы могли бы сделать еще один, чрезвычайно важный уже в более широком смысле вывод: если мы считаем закономерным, естественным, а значит, и плодотворным, явление, которое именуем как преемственность поколений, то должны были бы признать закономерной и плодоносной преемственность и нашего родного русского слова, уходящего своими корнями в глубины веков или восходящего к тем далеким временам, где мы складывались как нация, где зарождалось, зачиналось то, что дало нам основание называться Россией и вкладывать в это слово бесконечно много. Говоря коротко: работа с русским словом — дело в высшей степени патриотическое. Во всяком случае, так и понимали его великие и мудрые предшественники наши на ниве просвещения, а стало быть, и на литературной ниве. Так понимает его Леонид Леонов, наш современник и соотечественник, яростный защитник и охранитель родной речи, писатель, готовый в любую минуту тревожно, набатно забить в рельсу, когда русскому языку угрожает опасность. Для Леонова русский язык есть величайшее народное достояние, за которое следует побороться, поможествовать на бранном литературном поле, что он и делает всякий раз, когда по злому или незлому (что нелегче!) умыслу иные радетели пытаются «упростить», «облегчить», точнее было бы сказать, «полегчить», стерилизовать, обескровить русский язык, лишить его живительных родниковых струй, вливающихся непрерывно из народной речи. Мы еще не полностью оценили подвиг Леонова только на одном этом поприще. Думается, у наших потомков, у благородных и благодарных наследников для этого достанет и времени и благоразумия.

На заре советской литературы, в которую Леонов вложил столь внушительный взнос, автора «Соти» и «Барсуков» причисляли к так называемым попутчикам. Не берусь судить, насколько сие справедливо, хотя в самом слове-то этом нет ничего порицательного, ежели иметь в виду, что писателю Леониду Леонову всегда было по пути с Советской властью, вот уже полвека отдает он ей все свои душевные ресурсы; все свои удивительные творения он посвятил Октябрьской революции, которую считает актом величайшим в истории не только России, но всего человечества. Ему до боли сердечной дорога пришедшая с Октябрем и с Лениным новь, потому-то он и бывает суров, яростен и нетерпим в случаях, когда встречается с явлениями, враждебными и противными этой нови, в частности, Леонов нередко обрушивает всю мощь своего слова, своего авторитета против тех, кто под предлогом борьбы со старым посягает на ценности, созданные предшествующими поколениями, на ценности, которые еще долго будут служить добрую службу новому нашему социалистическому обществу. Столь же часто поднимает он свой гневный меч в защиту Зеленого Друга, то есть в защиту неделимого фонда для всех наших народов как в прошлом, так и в самом отдаленном будущем. Делает он это и в своих монументальных полотнах и в газетных статьях, исполненных такой же испепеляющей страсти и неотразимой убедительности. Обокрасть своего современника — это гнусно. Но еще гнуснее обокрасть далекого потомка, каковой ничего не ведает, ничего не знает и не может вступиться за себя. Защитить его, стало быть, защитить будущее нашей Родины, должны мы, ныне здравствующие поколения,— такова философия Леонида Леонова. А это, собственно, и есть философия нашего времени, философия коммунистического, ленинского гуманизма.

Мы начали наше короткое слово с того, что Леонов, ставши на литературную стезю, отлично понимал, какую нелегкую ношу берет на свои плечи. И, сознавая это, накапливая обширнейшие познания мира сего, он одновременно запасался и великим, необычайным терпением и трудолюбием. Как-то в беседе с нами он сказал: «Я пишу каждый день, вот уже скоро пятьдесят лет — каждый день». А нам припомнился в ту минуту один его труд, удививший даже самых неленивых из пишущих: от строки до строки Леонов переделал ранний свой роман «Вор», книгу, которую, как вы помните, весьма высоко оценил Максим Горький. Такую требовательность не часто можно наблюдать даже у больших мастеров. Для Леонова же это в порядке вещей. Это его творческие будни. Для него тяжкие дни и годы изнурительного, подвижнического труда, для нас праздник от встречи с изумительными образцами настоящего искусства. А может быть, и для него тоже праздник? Муки созидания, муки творчества — не самые ли они сладкие для настоящего художника?! Для Леонова творчество не мгновенная вспышка, не наитие, а постоянное горение, которое он поддерживает все новым и новым горючим материалом, то есть изучением предмета изображения; об этом предмете Леонов-писатель должен знать во много раз больше того, что затем потребуется ему для строительства самого здания, для создания книги. Известно, например, что по прочтении повести «Взятие Великошумска» один прославленный полководец-танкист написал Леонову письмо, в котором признавался, что без колебания присвоил бы автору этой вещи звание военного инженера танковых войск.

Помянутое вначале письмо А. М. Горький заканчивает такими словами:

«Имею право думать и утверждать, что «Соть» — самое удачное вторжение подлинного искусства в подлинную действительность и что, если талантливая молодежь внимательно прочитает эту книгу, она — молодежь — должна будет понять, как надобно пользоваться материалом текущего дня, для того, чтоб создать из этого материала монумент текущему дню». С какою бы радостью повторил эти свои слова Горький, если б довелось ему видеть последующие творения Леонида Леонова!

Что касается нас, счастливых современников автора «Скутаревского» и «Русского леса», то мы должны будем сделать то, что должны, а именно низко поклониться Леониду Леонову и сказать ему спасибо. Спасибо, что он есть, и что он среди нас, и что нам рядом с ним покойнее работается.

Фото Дм. Бальтерманца.

ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ ПИСАТЕЛЯ

Н. П. АНУЧИН, академик ВАСХНИЛ

В своей статье о Л. М. Леонове мне хотелось бы осветить вопрос о том, какое влияние оказал его роман «Русский лес» на решение главнейших проблем лесного хозяйства. Мне посчастливилось на протяжении двух десятилетий довольно часто встречаться с Леонидом Максимовичем и детально обсуждать с ним проблемы, излагаемые им в романе «Русский лес». Вместе с тем я видел, как работает Леонов. Я хорошо знаком с той стороной жизни Леонида Максимовича, которая выходит за рамки его литературной деятельности.

Начну с первых дней знакомства с ним.

Шел 1948 год. Он для меня оказался роковым. В лесной литературе, на собраниях и конференциях специалистов мое имя часто склонялось как защитника «буржуазных и помещичьих теорий в лесном хозяйстве». Последние выражались в том, что я защищал необходимость размер рубки леса в нашей стране соразмерять с величиною прироста. Иными словами, ежегодно рубить леса в отдельных массивах столько, сколько за год в них прирастает. В этом случае запасы древесины в лесу не истощаются и лесное хозяйство непрерывно ежегодно может давать древесину. Эта идея многократно была формулирована нашими предшественниками и служила основополагающим принципом организации лесного хозяйства.

При таком нормировании рубки леса, считали наши оппоненты, якобы осложняется выполнение пятилеток, сдерживается бурный рост строительства в стране. Ограничительный подход к рубке леса они признавали заимствованным у немецких юнкеров и русских помещиков. По их утверждению, те и другие были заинтересованы в постоянстве дохода от лесов, а поэтому и устанавливали такого рода порядки в лесу. Оппоненты утверждали, что у нас в Советском Союзе лесов много и отсюда де нет необходимости их рубку лимитировать величиною прироста.

Изменить ход событий путем дискуссий в лесной, специальной печати не представлялось возможным.

После мучительных раздумий мы с Е. И. Лопуховым пришли к мысли попытаться найти защиту у крупнейшего писателя Л. М. Леонова.

Что привело нас к этой мысли, почему мы решили обратиться к Л. М. Леонову, а не к другому писателю?

Нам было известно, что Леонид Максимович является страстным любителем природы. Мы знали, что на небольшом клочке земли он творит чудеса, выращивая многие виды растений. Он хорошо знает растительный мир. За год или за два до описываемых событий в газете «Известия» он выступил с широко известной статьей в защиту зеленого друга.

Вместе с Е. И. Лопуховым мы поведали Л. М. Леонову нашу лесную печаль. Мы указали на то, что неразумная критика отвергает основу основ лесного хозяйства. Мы обращали внимание писателя на то, что защитить лес от бесхозяйственного подхода к нему можно лишь в том случае, когда лесная трагедия станет известна широкой общественности. А это может сделать лишь большой публицист, выдающийся писатель, могущий привлечь внимание к обсуждаемому вопросу. По нашему глубокому убеждению, таким писателем, публицистом в нашей стране является Л. М. Леонов. Наше предчувствие говорило, что лесная тема, насыщенная конфликтами и идейными расхождениями, может послужить хорошей основой для крупного художественного произведения. Леонид Максимович отшучивался, выслушивая наши дилетантские суждения о литературе. Однако на наши настойчивые просьбы не отвечал. Мы часто с ним беседовали. Он прощупывал нас и изучал обсуждаемую проблему. Прежде чем взяться за перо и писать что-либо о лесе, Леонид Максимович решил досконально изучить все то, что связано с ним. Он попросил у нас лесные журналы, вышедшие в свет в первой половине прошлого века. Он искал ответа на вопрос: был ли лес в давнем прошлом в наших южных степях, или они извечно были степями? Его волновала проблема зарождения лесной промышленности на Руси. Он выпытывал у меня все то, что я знаю по развитию лесопиления со времен Петра Первого, по созданию им пильных мельниц на берегах Белого моря.

В то время я был уже профессором — специалистом по лесу, читающим лекции не один десяток лет, но я испытывал определенные трудности от леоновских экзаменов. Они были необычны и убеждали меня в том, что мои познания леса слишком профессиональны и ограничены узкими рамками. Их необходимо пополнить широким народнохозяйственным и социальным аспектом. Лес — это не только древесина, это не только материальное богатство. Лес — это среда, влияющая сложнейшим путем на образ мышления, нрав, психологию и уклад жизни человека.

Таким образом, леоновские экзамены не прошли для меня даром. Они расширили мои горизонты, и я почувствовал, как под влиянием Леонова узкопрофессиональные явления преломляются в общенародные, волнующие людей любого призвания и разных сфер труда.

Не могу не отметить леоновского дара исследователя, своеобразного летописца. Приношу Леонову лесные журналы разных лет, начиная с сороковых годов прошлого века и кончая последними десятилетиями. Однако, помимо журнальных статей, для писателя живым источником оказались объявления старых времен, помещенные на обложках журналов. Объявления о лесных торгах позволили ему восстановить в романе дореволюционную картину лесного разбоя и лесоистребления.

Исключительно сложную задачу Леонид Максимович решил своим, ему лишь присущим оригинальным художническим методом. Знаменитая лекция профессора Вихрова, охватившая социальные, философские, нравственные стороны сложнейшей лесной проблемы, захватывает необыкновенной остротой конфликта, пламенностью и глубиной мысли. Читатель вместе с дочерью профессора Вихрова Полей вольно или невольно делается убежденным сторонником взглядов ученого-подвижника. Чтобы написать такую лекцию и органически связать ее с содержанием всего романа, действительно надо обладать леоновским талантом, его темпераментом и его безграничной эрудицией. Вихровская лекция стала литературным шедевром, жемчужиной, аккумулировавшей в каждой фразе историю, географию, природоведение и лесную специфику.

Противопоставление двух точек зрения на лес, двух подходов к решению лесной проблемы дано в дискуссии, вернее, публичном суде над профессором Вихровым.

Острая, весьма мучительная дискуссия по лесным проблемам велась на протяжении двух десятков лет. Труды выдающихся лесных деятелей нашей страны М. М. Орлова, Г. Ф. Морозова, М. Е. Ткаченко и других подвергались необоснованному порицанию. Вместе с этим преуспевали лица, названные в романе вертодоксами Грацианского: Андрейчик, Ейчик и просто Чик. Под этими именами выведены критики передовой лесной теории, имевшие фамилии, близкие к названным.

Мне представляется, что наивысшей отдачей, наивысшей полезностью труда писателя является достижение такого совершенства, когда художественное произведение дает не только эстетическое наслаждение, пищу для духовной жизни, но становится своего рода евангелием, настольной книгой, служащей руководством в жизни, в практической деятельности людей. Такая счастливая судьба выпала на долю романа «Русский лес». Через этот роман широкие общественные круги уяснили, что лес—это не только кубометры древесины, это не только место для сбора грибов. Каждый внимательно прочитавший это произведение свои представления пополнил знанием основ довольно сложной области народного хозяйства, регулирующей распределение благ между живущими людьми и грядущими поколениями. Для каждого читателя стало понятным, что неразумным отношением к лесу, неограниченной его рубкой можно принести непоправимый вред природе.

Социальная, философская, нравственная точка зрения Леонова стала для лесоводов мерилом профессиональной совести и чести.

Как известно, вершиной признания писателя, его триумфом является искренняя любовь читателей. Такую любовь к Леонову питают работники леса. В сфере труда, связанного с лесом, работают свыше 200 тысяч инженеров и техников. Число рабочих и служащих, занятых на посадке леса, на лесозаготовках и многих видах лесных работ, превышает 3 миллиона человек. Для всех этих людей Леонов является действительно любимым писателем. Имя Леонова они олицетворяют с бережным отношением к лесу. Вальщику-мотористу, производящему рубку леса и срубленными деревьями ломающему подрост (молодое поколение леса), в таких случаях говорят, что он работает не по-леоновски. Лесоруб, прочитавший роман «Русский лес», знает, что на месте срубленного

леса надо создать новое его поколение. Для этого следует сохранять подрост и заниматься посадкой и посевом леса.

Было бы ошибочно думать, что великий перелом в мышлении людей, связанных с лесом, произошел сам собою, без борьбы — сразу же после прочтения романа «Русский лес». Все обстояло несколько иначе. Первые главы романа были опубликованы в последних номерах за 1953 год журнала «Знамя». Лица, отвергавшие теорию непрерывного пользования лесом, соизмерения размера рубки с величиною прироста, увидели оценку их точки зрения как антигосударственную, антинародную. Это обстоятельство не могло их не волновать. Они стали прилагать все усилия к тому, чтобы дальнейшее печатание романа было приостановлено. Нам известно, что наиболее рьяный оппонент леоновского Вихрова профессор П. В. Васильев в беседе с писателем Л. М. Леоновым потребовал, чтобы он переделал роман и в конце его развенчал профессора Вихрова, как стоящего на ошибочных теориях.

Это беспрецедентное требование не могло не возмутить писателя, и естественно, что он его не выполнил. Тогда профессор Васильев решил претворить в жизнь свои угрозы. Будучи заместителем директора Института леса АН СССР, он добился решения ученого совета этого института, признавшего роман неудачей крупного писателя. Этим решением профессор П. В. Васильев не ограничился. Он попытался аналогичное решение провести в Ленинградской лесотехнической академии, в Поволжском лесотехническом институте (гор. Йошкар-Ола) и других институтах. Неудача постигла профессора П. В. Васильева лишь в Московском лесотехническом институте, где его точка зрения была решительно отвергнута. Свои развернутые возражения против романа профессор Васильев разослал по многим инстанциям и редакциям.

При этих условиях Союз писателей не мог пройти мимо той борьбы, которая началась вокруг романа. Весною 1954 года Союз писателей провел дискуссию по роману «Русский лес». Весьма бурные собрания в Союзе писателей проходили в течение нескольких дней. Дискуссией руководил писатель, певец природы Константин Паустовский.

В ней приняли участие многие писатели и критики. В своих выступлениях они подчеркивали несомненные достоинства романа как художественного произведения. Что касается его специальной части — лесной проблематики, то оценить ее предоставляли право лесным специалистам, приглашенным на дискуссию. Следует отметить, что на дискуссии были представлены сторонники обеих точек зрения на лес. Часть лесоводов решительно разделяла точку зрения, отстаиваемую в романе. Другие были в плену хлесткой критики, пытающейся обосновать хищническое отношение к лесу.

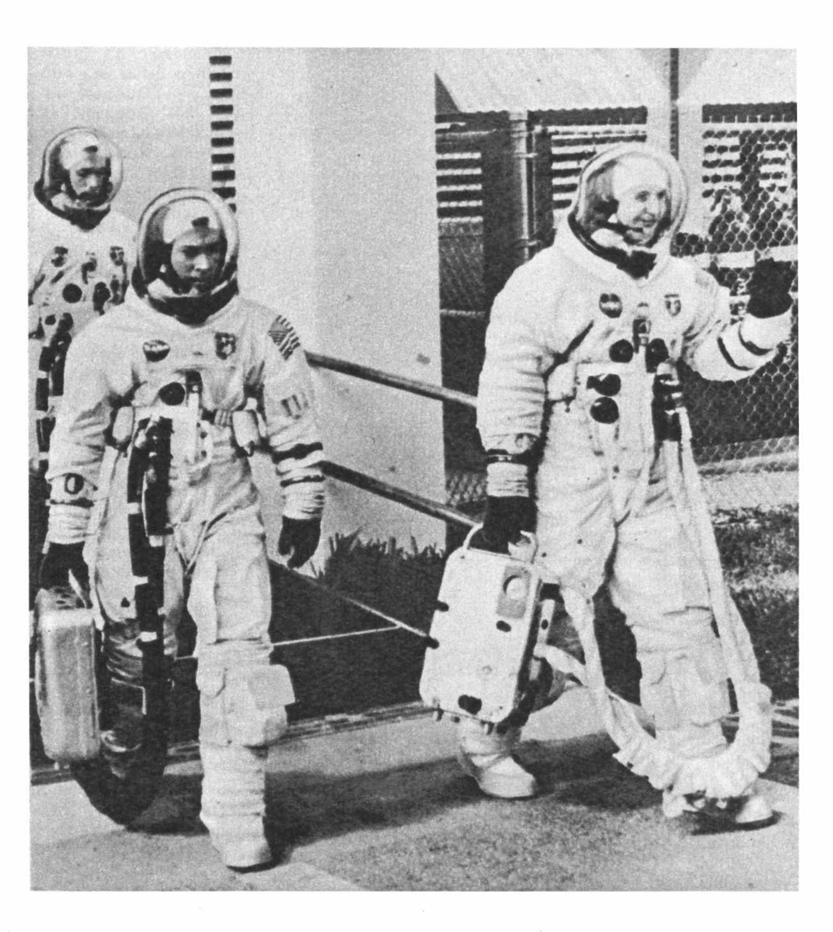
В ходе дискуссии с исчерпывающей полнотой была доказана необоснованность подобного взгляда на лесную проблему. Время подтвердило правоту «Русского леса».

Мне, как одному из многих читателей произведений Леонова, хотелось бы отметить, что он не пишет книг для развлечения, для легкого чтения на сон грядущий. Ткань, из которой созданы леоновские книги, исключительно плотная. В ней нет места словам незначительным, преходящим.

В леоновских произведениях преобладают герои интеллектуального труда. Это обстоятельство, по-видимому, не является случайным. Дело в том, что Л. М. Леонов по складу своего ума, по интересу к жизни является не только художником слова. Он выдающийся знаток в области психологии, философии, истории, гуманитарных наук в широком смысле этого слова. Он своеобразный анатом и аналитик человеческого мышления. Будучи писателем, он нашел путь проникновения в суть творческого процесса ученого, его мыслительную лабораторию. Он сумел угадать и зримо представить, как у ученого фрагменты идей, мыслей складываются в стройные теории и широкие обобщения.

...Свой 70-летний юбилей Леонид Максимович Леонов встречает в добром здоровье и расцвете творческих сил. Хочется пожелать юбиляру, чтобы он на долгие-долгие годы сохранил свое здоровье и так же свято служил на благо родной отечественной литературы.

ПОЛЕТ «АПОЛЛОНА»

Юджин Сернан, Джон Янг и Томас Стаффорд.

Фото ЮПИ.

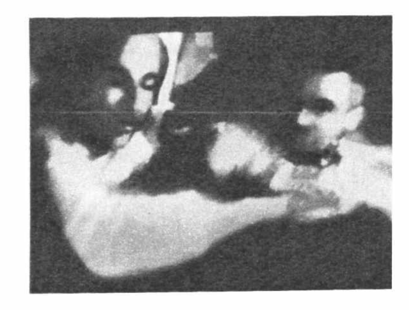
Миссия «Аполлона-10» завершена. Космический корабль прилетел к Луне, вышел на селеноцентрическую орбиту, космонавты Стаффорд и Сернан в специальной кабине приблизились к поверхности Луны на расстояние 15,2 километра, благополучно возвратились на корабль, после чего «Аполлон-10» включил маршевый двигатель, увеличил свою скорость с 1,63 до 2,72 километра в секунду и стал быстро приближаться к Земле. Приводнение в Тихом океане произошло 26 мая.

Значение полета «Аполлона» велико: сделан еще один важный шаг в освоении космоса. Всех, кто с волнением следил за путешествием Стаффорда, Сернана и Янга, поражает мужество космонавтов. Во время полета, в целом прошедшего удачно, возникали неполадки. Трудности были у лунных путешественников во время расстыковки спускаемой кабины и основного корабля. Для преодоления их потребовалось напряжение всех сил. Когда лунная кабина наконец отделилась от базового корабля, космонавт Сернан произнес слова, полные сдержанного волнения. «Не скучай, Джон,— сказал он Янгу, остающемуся в «Аполлоне-10»,— и не забудь нас на орбите, когда получишь из Хьюстона приказ возвращаться на Землю».

Во время разделения посадочной и взлетной ступени кабина, где находились космонавты, вдруг начала быстро вращаться. Сернану на мгновение даже показалось, что они падают за Луну. Стаффорд, сохранивший полное самообладание, взял управление на себя. Отдельные инциденты не оказали существенного влияния на успех эксперимента в целом. Все системы корабля работали надежно. Мы рассказываем о неполадках для того, чтобы еще раз подчеркнуть исключительное мужество космонавтов. Во время всего полета они сохраняли выдержку, присутствие духа, не теряли чувства юмора в самых сложных ситуациях.

Экипаж «Аполлона» на Земле. Можно поздравить американских ученых и космонавтов с благополучным завершением замечательного полета.

По сообщениям иностранных агентств, руководитель программы «Аполлон» заявил, что запуск «Аполлона-11», возможно, будет отложен с июля на август 1969 года, чтобы космонавты, готовящиеся к посадке на Луну, имели дополнительное время для тренировок.

Назад к Земле. Космонавты Юджин Сернан и Томас Стаффорд пожимают друг другу руку: «Все в порядке, можно начать возвращение».

О. КУПРИН

Фото Д. УХТОМСКОГО.

МАЛЬЧИШКА С БЕССМЕРТНЫМ ИМЕНЕМ

Надо же, такая неприятность: на полчаса вышел во двор — и тут же измазал новый костюм. Мама очень сердится. Папа тоже. А бабушка Акнабат отвернулась.

— Похож... Так похож,— говорит бабушка и вытирает глаза платком.

Аташка соображает, что надо бы заплакать, но плакать не хочется. Во двор его сегодня все равно не отпустят — реви не реви. Значит, не придется продолжить то сражение, которое он так здорово начал. На него шли пять вражеских танков. Аташка залег за скамейкой и строчил из пулемета. Тут было не до костюма. Интересно, долго ли мама собирается его ругать?..

— Поедем на канал,— предлагает наконец папа.

— Поедем! Поедем! — кричит Аташка.— И Жаннетку возьмем. Да?

Жаннетка — его старая подруга. Он знаком с нею целый год.

— Возьмем,— соглашается папа.

Они выходят на улицу. Аташка прыгает впереди, папа шагает сзади. Обычный ашхабадский мальчишка идет гулять с отцом. Многие прохожие оборачиваются и смотрят им вслед — кто с улыбкой, кто с грустью. Смотрят не на папу Володю, хотя он известный архитектор. Смотрят на Аташку.

Аташкой его зовут дома, а вообще он Аннаклыч Атаев. Это имя в республике знает каждый. И не только в республике. Этим именем названы поселок, улицы, две школы — одна в Туркмении, другая в России. Об Атаеве написано в школьных учебниках, сложены стихи и песни.

Аннаклыч Атаев шагает по земле. Нет, не шагает — бежит вприпрыжку, ему ведь всего четыре года. Он на полстолетия моложе своего тезки-деда и знает его только по фотографии.

Он очень похож на деда. Так похож... Словно тот легендарный Аннаклыч Атаев, что погиб на берегу Северного Донца зимой сорок третьего, родился второй раз. Может, кому-то и приходят в голову такие мысли, но Аташка думает о другом: как бы это уговорить папу купить ему и Жаннетке мороженое. Аташка обожает мороженое и ненавидит манную кашу; он любит играть в войну и в футбол.

Аннаклыч-старший в детстве вообще не знал, что такое мороженое. Он родился в туркменском селе Бедиркент, в котором в то время не ведали не только о мороженом, но и о радио и электричестве. Все это пришло позже, когда Аннаклыч закончил школу, педагогический техникум и стал учителем. Как быстро изменилось все вокруг! Буквально на глазах. Почему так произошло? Наивный вопрос...

До революции туркмены не записывали дат рождения своих детей, да и писать-то они не умели. Когда Аннаклыч-старший пришел получать паспорт и его спросили, какой день рождения ему поставить, он, не раздумывая, сказал: седьмое ноября.

Около школы, где учился Атаев, сейчас стоит памятник ему, а у подножия — смешанная с туркменской землей земля русская. И осколки снарядов, привезенные сюда с безымянной когда-то высоты близ города Белая Калитва, что в Ростовской области.

Бедиркент называется теперь селом имени Атаева, а высота на берегу Северного Донца — высотой Бессмертия.

...Был студеный зимний день. 21 января. В этот день перестало биться сердце Ленина. В этот день, девятнадцать лет спустя, тридцать бойцов пошли в яростную атаку. «Взять высоту и продержаться до подхода подкрепления» — таков был приказ. Перед атакой они говорили о Ленине. Они знали, что для многих или для всех тридцати это будет последний день. Двадцать девять бойцов шести национальностей повел в бой туркмен Атаев.

В 13 часов высота была взята. В 15 часов фашисты пошли в первую контратаку. В 17 часов две роты эсэсовцев бросились во вторую. За двое суток атаевцы отбили семь атак. На них шли автоматчики и танки, по высоте била немецкая артиллерия, бомбардировщики водили над высотой свой бесконечный смертоносный хоровод.

Триста гитлеровцев и несколько танков уничтожили атаевцы. Двое суток удерживали они высоту и не отступили. Когда подошло подкрепление, в живых остался только один из тридцати — Сафар Зияев. Он был тяжело ранен. Сафар умер через несколько часов, но успел рассказать о своих друзьях. Перед последней решительной атакой фашистов атаевцы, оставшиеся в живых, обнялись и каждый дал клятву на своем языке умереть, но не отдать высоты во имя нашей общей Родины — Страны Советов. Комсомольцы кровью написали письмо будущему поколению.

Лейтенанту Аннаклычу Атаеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, двадцать девять его друзей посмертно награждены орденами Отечественной Войны первой степени. В кармане гимнастерки Атаева нашли коротенькое письмо брату Казаку, письмо, которое он не успел отправить.

«Мне так хочется, чтобы у Айнабат родился сын. Если я его не увижу, то ты, Казак, должен позаботиться о воспитании мальчика, сделать из него настоящего советского человека. С приветом, твой Аннаклыч».

Героев похоронили на берегу реки, подле высоты, которую они отстояли. Война ушла на запад.

К братской могиле часто приходила женщина. Александра Михайловна Питаева не знала имен тех, кто навечно остался здесь, в земле Ростовщины. Она не могла не приходить сюда, потому что была поблизости от той безымянной высоты, когда гремел там страшный бой, потому что она знала, что произошло там зимой сорок третьего. И каждый год распускались на могиле цветы.

Через двадцать с лишним лет братскую могилу на берегу Северного Донца нашли красные следопыты белокалитвинской школы. Около холмика стояла пожилая женщина. Мать или жена одного из погибших героев? Нет, это была Александра Михайловна Питаева, постаревшая на двадцать лет, русская женщина, у которой годы ничего не вычеркнули из памяти.

Останки героев были перенесены в центр города, на площадь Павших борцов. Вскоре школьники узнали имя командира группы, оборонявшей высоту, а потом и фамилии остальных двадцати девяти бойцов. Но кто он, Аннаклыч Атаев? Откуда родом? Живы ли его родные? Долго не могли ребята найти ответов на эти вопросы. Им помог... Аташка — Аннаклычев Атаев-младший. Сначала школьники разыскали его по газетной заметке «Аннаклыч — внук героя». Аташка тогда только учился ходить.

А теперь вон как бежит, отец не угонится. Всюду ему надо поспеть, все узнать. Ни минуты покоя. Мальчишка есть мальчишка.

Он еще не понимает, почему так смотрят на него люди на улицах.

Похож... Так похож... Будто Аннаклыч Атаев, погибший в сорок третьем, еще раз пришел на землю, чтобы посмотреть, что произошло на ней после того январского дня 1943 года, когда он сделал свой последний выстрел и, умирая, прошептал слова последней команды: «Продержаться... Огонь!..»

Аташке нравится Ашхабад, новые красивые дома, фонтаны на площади Карла Маркса. Когда Аташка родился, не было этих фонтанов и этих красивых домов. Как быстро все меняется вокруг! Буквально на глазах.

Целые города растут. Они рождаются сначала у папы в проектном институте на больших листах белой бумаги. Аташка знает, как трудно нарисовать хотя бы одну улицу. К отцу часто приходят друзья, они долго спорят и обсуждают свои дела. Аташка не понимает пока, о чем они говорят, но совершенно точно знает, что его папа заботится о том, чтобы туркменские города были красивыми и удобными. Такая у папы работа.

Архитектор Владимир Атаев не раздумывал, какое имя дать сыну, и у родственников не было разногласий. Топает по земле Аташка, так удивительно похожий на деда. Когда-нибудь приедет он в Белую Калитву, пойдет на высоту Бессмертия, постоит там молча у обелиска, прочтет на нем свое имя и свою фамилию: Аннаклыч Атаев.

Меня зовут Аннаклыч. И дедушку звали так же.

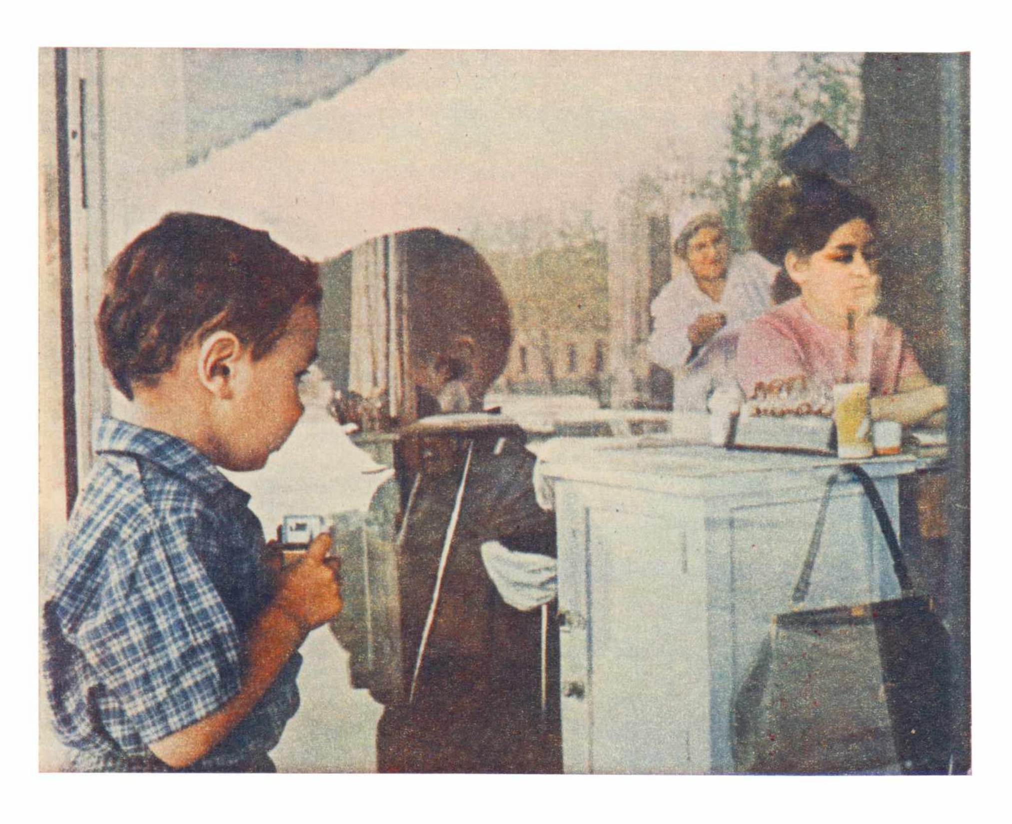
Я живу в Ашхабаде.

Этот зверь совсем нестрашный. А он почему-то не двигался...

У меня есть подружка Жаннета. Она сказала, что я буду джигитом и надо купить большую мохнатую шапку-тельпек.

Хуже всего ждать маму, когда она в парикмахерской.

Папа думает, что я стану архитектором, как и он. Но я знаю, что буду футболистом.

Сегодня бабушка испекла мне вкусный пирог.

Неужели купит!

Несерьезный человек Жаннетка.

Трудный был день...

Невский лед

Иван КЫЧАКОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ПОВЕСТЬ

* * *

С допросами было покончено.

Теперь уже никто не беспокоил Запорожца. Можно спать сколько хочешь, можно ходить из угла в угол или сидеть неподвижно на кровати. На лице у него застыла легкая улыбка, словно он хотел сказать что-то веселое, запнулся, но тут же замолк, а улыбка осталась. И часто надзиратели слышали, как он повторял одно слово:

— Не уходи...

Никто из них не знал, что означают эти слова. Да и кому было догадаться, что они обращены к воспоминаниям, которыми он жил все эти трудные ночи и дни.

Когда ему не давали спать, мучили бесконечными допросами, а Клыков кричал и топал ногами, Петр старался побыстрее уйти в себя, спрятаться в самом заветном уголке памяти. Таким уголком для него была последняя встреча с Марией.

...Они встретились в библиотеке Вольного Экономического общества у входа в читальню. (Это было через день после первой встречи.)

Мария была весела и подвижна. Она увела Петра в зал, и, так как громко разговаривать нельзя, сначала говорили шепотом, потом жестами и улыбками, как глухонемые.

Это было смешно. Мария то и дело зажимала рот руками, а Петр надувал щеки и раза два не удержался и громко прыснул.

Пожилой господин недовольно покосился на них и, уронив пенсне, чуть не клюнул страницу книги остреньким носом.

Мария вскочила, увлекая за собой Петра,— кажется, еще секунда, и она расхохочется так, что все с возмущением поднимутся со своих мест. В коридоре они дали волю этому безотчетному смеху, а когда оделись, сразу оба погрустнели и задумались: идти некуда, на улице декабрь, противный туман и холод, в Александринку рано да и что-то не очень хочется... Так куда же, куда?

И Мария воскликнула:

— За город!

Петр удивленно посмотрел на нее и, подумав, что она шутит, засмеялся. Но Мария уже махала рукой извозчику, проезжающему по другой стороне улицы.

— На лихача и на вокзал! — приказала Мария и, важно сдвинув брови, побежала через дорогу.

«Лихач» оказался стариком, укутанным поверх шапки застиранным полушалком, но пегая лошадка бежала довольно резво. Мария и Петр перекликались с ямщиком, смеялись, говорили что-то друг другу — и все это одновременно. Со стороны они походили сейчас на очень счастливых, беспечных людей, у которых впереди лишь одни радости.

На перрон они вышли через небольшой товарный двор, где Мария, как оказалось, знала каждую тропинку. Вошли в вагон третьего класса, последний от паровоза. И только тут Петр вспомнил о билетах. Он ринулся к двери, но Мария остановила его, схватив за плечо. В руке у нее, словно по волшебству, очутились два новеньких билета до Лахты.

Вагонное окно было застелено клубящимся туманом, в неровных, изломанных просветах мелькали постройки, зеленые пятна соснового леса, и Петру казалось, что они плывут в неведомый мир сказочных чудес. Ему было так хорошо, что он не знал, что это стучит — колеса или его сердце.

Маленькая станция, куда они приехали, была безлюдна, с насыпи по скользкой дорожке они сбежали вниз, обогнули семейку маленьких сосен, шепчущихся о чем-то, и по узенькой, едва протоптанной тропинке пошли, то углубляясь в лес, то выходя на опушку.

Вскоре слева потянулся длинный серый забор. На нем восседали домовитые растрепанные галки.

Мария, подойдя к забору, сделала рукой предостерегающий жест. И чудеса, которых так ждал Запорожец, начались — забор расступился, пропуская их через узенькую, незаметную калитку, потом приблизилась двухэтажная дача, блеснувшая стеклами нижней веранды, под ногами заскрипели крашеные ступени крыльца, несколько раз тихонько прозвучали условные удары, и дверь раскрылась.

По тишине, которая стояла вокруг, Петр догадался, что на даче мало людей.

Их встретил паренек — на нем была серая косоворотка и цветная жилетка, плотно облегающая худые плечи и тонкую талию. Он был хорошо выбрит, негустые русые волосы слегка курчавились на висках и за ушами, и смотрел он на Петра без удивления, открыто и просто.

Они вошли в маленькую боковую комнатку. Мария что-то вполголоса говорила пареньку, тот согласно кивал головой, бросая односложные деловые фразы.

— Это Миша,— сказала Мария, поворачиваясь к Петру.— Я тебе о нем говорила.

Петр не помнил, кто этот Миша, но улыбнулся, и паренек тотчас подхватил эту улыбку, щеки его порозовели. Потом они куда-то ушли (Мария сказала:— На минутку...). Петр присел к столу, потянул к себе тетрадь в синей обложке — ему почему-то подумалось, что это конспект. «Перед потомством и перед собою...» — прочел он первую строчку — почерк был ровный и четкий,— писавший пользовался пером «рондо».

«Что я делаю? — подумал Запорожец.— Это же дневник!»

Он хотел тут же захлопнуть тетрадь и отодвинуть, но глаза сами нашли начало фразы и прочли ее до конца:

«С Самолюбовым мы сошлись очень скоро и тесно, хотя мне и стоило многих молитв; дело в том, что он требует много справедливости и энергии от человека, употребляемой на служение обиженных братьев, чтобы быть его другом, а так как я не находил в себе так много сил, то я обратился к богу, чтобы он помог мне сделаться другом милого Самолюбова».

Голоса приближались. Петр, мучительно краснея, отскочил от стола, повернулся, чуть не свалил на пол горшок бегоний и так сморщился, что, войди сейчас Мария, он, наверное, расплакался бы. Но шаги замерли, только едва долетал шепот, а может быть, шелест. Запорожец с трудом выдохнул воздух, закашлялся и, теребя пальцами бороду, повторял негромко:

— Ну и дурак же ты, братец. Форменный дурак...

Потом Миша ушел (ему далеко ехать, на Крюков канал,— сказала Мария). Прощаясь, Петр чуть задержал в своей руке горячую, крепкую ладонь. Миша поднял глаза, длинные ресницы отбросили к бровям легкие тени, но на тонких губах не было улыбки.

Мария увела Петра в столовую и пока «сочиняла трапезу», Запорожец думал о странностях этой встречи — об этой загадочной даче, о Мишиных глазах, о его милых, наивных строчках в дневнике.

Словно угадав мысли Петра, Мария рассказала о том, что дачу снимает Алексей Станиславович, магистр сельского хозяйства, человек богатый, владеющий имением в Минской губернии.

— Самолюбов? — спросил Запорожец.

Мария рассмеялась.

— Ты даже и это знаешь? Откуда?

— Случайно.

Мария покачала головой.

— Нет, тот другой, из рабочих.

И, слегка откинувшись, заговорила возбужденно:

— Ах, Гуцул, знал бы ты, что это за люди! Я так благодарна судьбе, что встретила их. Миша пришел с братом из деревни. Был совершенно беспомощен, а Приютов (он и есть Самолюбов) сделал из него настоящего человека, научил грамоте, приучил к чтению, обучил портновскому делу. А какой из него наборщик вышел — прямо прелесть!

Теперь Запорожец вспомнил: о Мише Мария говорила там, после бала. Тогда она тоже произнесла это слово — «прелесть». И снова вспомнились строчки из дневника — что же это за святой, который печатает «крамольные» листки и молит бога, чтобы дал ему новые силы.

— Я люблю смотреть, когда ты задумчиво улыбаешься,— сказала Мария и, словно поймав себя на излишней откровенности, спросила строго: — Ну, насытился? Замерз? Пожалуйста, не ври, у нас тут не Крым.

О чем-то вспомнив, она всплеснула руками и, легко вскочив, потащила его наверх, в огромную светлую комнату.

— Сиди и не двигайся,— приказала она, втискивая его в мягкое кресло,— сейчас ты увидишь нечто такое...

Повернувшись на каблуке, она исчезла.

Петр прикрыл глаза. Кресло утопило его в себе, согревая спину.

«Как же глупо я жил раньше,— думал

Окончание. См. «Огонек» №№ 16—21.

Петр,— бродил по Петербургу, по Киеву, ездил куда-то на Кавказ и совсем не знал, что она рядом. Ой, что было бы, если бы я в тот раз не пошел в Дворянское собрание!»

Он даже замер от этой мысли.

«Заболел бы и не пошел. Лежал один у себя в каморке и никогда-никогда не узнал бы о Марии...»

Когда двери раскрылись, Запорожец не сразу сообразил, кто перед ним. Он вскочил, отодвигая кресло назад.

В дверях стояла Мария, но не в обычном своем черном платье, а в украинском костюме — в руке расшитая узорами хустка, на голове венок из ярких цветов, а с округлых плеч стекает множество самых разноцветных лент.

— Мария! — закричал Запорожец, приходя в такой восторг, что она отскочила, ожидая самой дерзкой выходки.

Она строго подняла руку (рукав кофточки упал, обнажив белую кожу) и, гордо вскинув голову, прошла на середину комнаты.

Долго выдержать строгую паузу она не смогла — и засмеялась и закружилась, быстро и ловко перебирая красными сафьяновыми сапожками. От раздувшихся юбок хлынул ветер. Петр попытался схватить ее, но она, увернувшись, исчезла в дверях. Он бросился за ней и чуть не столкнулся — не переставая смеяться, она начала облачать его в огромный парчовый кафтан, а на голову нахлобучила мурмолку.

— Это костюмы для маскарада,— задыхаясь от смеха и возбуждения, говорила она.— Нам будет теплее. Правда?

— Правда, правда, тысячу раз правда! — подхватил Петр, по-медвежьи кружась в своем странном наряде.

Вдруг она сжала щеки руками (Петр даже подумал, что у нее заболела голова) и большими шагами ушла в угол комнаты, стояла там некоторое время (он ждал, затаив дыхание) и медленно повернулась, отнимая руки от лица.

Теперь это была другая Мария — грустная и задумчивая. Чуть склонив голову, она запела «Дывлюсь я на небо». Она пела много — песни и романсы, особенно ей удалось (так по крайней мере казалось Петру) «Не искушай». В паузах он орал «ура!», «браво!», «бис!» и так колотил кулаком спинку кресла, что оно жалобно трещало. Мария снисходительно улыбалась, глазами и короткими жестами прося его утихомириться. Но он орал, не жалея ни горла, ни легких.

Петр не заметил, как загустели сумерки, картины потускнели, огромное зеркало помутнело. Не заметил он и того, как устала Мария. И когда она, обессиленная, опустилась в кресло, он подошел и увидел, что тени под глазами стали более резкими, а на виске под маленькой прядкой вьющихся волос напряженно бьется голубая изломанная жилка.

И тут его словно переломили — он опустился на колено и неловко согнулся, ловя губами ее руку.

Она отшатнулась. И это движение, точно сигнал, подхлестнуло его. Правая рука сжала ее плечо, ладонь коснулась вздернувшегося подбородка...

— ...Пустите! — выкрикнула она, стараясь освободить свои губы.

Запорожца вдруг прожег стыд, прожег всего — с ног до головы, и он отпрянул.

— Боже мой,— говорила она тихо,— зачем вы это сделали?

Он и сам не знал, зачем.

— Разве можно так, не любя?..

Она не договорила и поднялась.

Ему хотелось закричать о том, что он любит, бесконечно любит ее, что он готов пожертвовать всем ради этой любви, что...

Но все слова, какие знал он, казались глупыми и банальными.

— Прости, Мария...— с трудом проговорил он, поворачиваясь боком.

Она пошла к двери.

«Неужели так ничего и не скажет?» — подумал Запорожец.

— Спать будете здесь,— сказала она, открывая дверь,— на диване.

Он остался один и не знал, что делать, чем заняться, как отвлечься от назойливых мыслей.

— Ну, что ты за идиот такой? — говорил он себе,— все хлопцы как хлопцы, а ты... Ну что ты теперь скажешь ей, как посмотришь в глаза? Конечно, поцеловать ее надо было, но разве это так делают, вахлак?! Ты же исколол ей все лицо своей бородищей! Скажи спасибо, что она не дала тебе по физиономии.

Всю свою досаду и злость он обрушил на бороду, раза два сердито дернул ее за концы и, немного подумав, решил сбрить... Непременно сбрить! И завтра же!

Он даже стукнул себя по коленке.

Что же я, в самом деле, за ничтожество такое? Надо думать о главном, а я — о бороде...

Но главное ускользало, да, признаться, он сейчас и не знал, что же главное.

— Гуцул!

Он вздрогнул, но не обернулся, а еще больше втянул голову в плечи.

— Я принесла тебе плед и подушку. Ты слышишь?

Он, конечно, слышал, но от радости, которая перехватила ему горло, не мог произнести ни звука. Пришла. Сама пришла. Значит, у нее по-настоящему доброе сердце...

— Я могу тебя накрыть.

— Нет, нет, не надо,— встрепенулся он, опуская свои длинные ноги на ковер.— Кажется, я измял этот кафтан. Можно снять?

Даже в темноте он видел, как она весело улыбнулась.

— Нет, нет, в этой комнате у нас мужчины спят только в кафтанах.

Тогда он вскочил, усадил ее в кресло, укутал пледом, а сам начал ходить вокруг, натыкаясь на стулья и кресла.

— Ты хочешь, чтобы я говорила?

— Да. Но прежде — прости меня.

— Не надо об этом, Петр.

— Да как же не надо,— взмолился Запорожец.— Я, конечно, поступил глупо. Но знаешь, Мария, я... я не мог иначе. Меня толкнула какая-то неодолимая сила. И ты должна, слышишь, должна помочь мне победить ее.

Она посмотрела на него внимательно и вздохнула.

— Какой же ты еще, в сущности, мальчик... Ну, слушай...

И она начала рассказывать: родилась в Черниговской губернии, мать — простая крестьянка, отец — случайный человек, из чиновников, кажется, нотариус.

Рассказ этот Петр не смог запомнить целиком, но отдельные сценки и штрихи помнил ярко, почти дословно.

Вот первый штрих:

— Я верю Толстому, который говорит, что помнит себя с самого раннего детства. Вот и я так же. Солнечный день. Я сижу среди двора, на траве. И вдруг ужас — идут цыгане. Их много, и я страшно боюсь. Подошли к дому, взяли прач (валек), лежавший на гризбе (завалинке), и ушли...

И еще один:

— Жили мы с бабушкой в маленьком домике на окраине Чернигова. Кажется, бабушка меня очень любила, да и я ее очень любила, но припомнить ее ласк не могу... Общее впечатление какое-то мягкое, ласкающее.

И еще:

— Помню, как пришла какая-то женщина. Я узнала, то есть мне сказала бабушка или я сама догадалась, что эта женщина — моя мать. Бабуся о чем-то просила за меня и притягивала к себе, в то время как неприятная мне женщина уводила меня куда-то...

Рассказ о том, как она жила в сиротском доме, почти совсем не запомнился. Остались лишь две детали — темненькое платьице из старушечьей материи странного покроя да морщинистое доброе лицо начальницы, которая любила ее и отдала в Черниговскую гимназию.

А дальше она прочла стихи (читала тихо, повернув голову в сторону), и Петр запомнил их дословно:

«Не красна моя доля бесцветная.
В нашем бедном семейном кругу
Видишь лица всегда неприветные,
Ссоры, дрязги на каждом шагу.
Терпишь гнет, униженье постыдное —
Ведь досада возьмет и тоска —
Вечно слышать попреки обидные
Из-за черствого хлеба куска».

...Они долго молчали. Петр даже испугался: а вдруг она вообще не будет говорить и уйдет молча? Но она заговорила. И этот, последний ее рассказ он мог бы воспроизвести очень точно.

— Я учительствовала в Любечке — есть такое местечко. И на меня напала растерянность: как я смогу трудит‹ся, когда не привыкла к труду? Чтобы стать хорошей учительницей, гимназических знаний слишком мало. Надо заниматься самой. А я только твержу: начну завтра, начну завтра. И это в то время, когда нужен постоянный, усидчивый труд, самостоятельная серьезная работа...— Она качнулась и спросила тихо: — Ты не уснул?

— Ну, что ты! Я слушаю, внимательно слушаю. Говори.

— Вообще, знаешь, я странная. Раз взяла да и сказала старшине, что он не выдает жалованья в срок потому, что пускает деньги в оборот. Он рассердился и еще больше продержал меня без денег. А потом...

Она запнулась и неуверенно спросила:

— Говорить?

— Ну, конечно, говори!

— Это очень стыдно... Зачем я это сделала?! Уехала, ни с кем не попрощалась. Какая я злая, гадкая...

— Ты не смеешь так говорить! — воскликнул Петр и поднялся.— Если так, я не стану слушать.

— Нет, я скажу,— твердо произнесла Мария,— целый месяц я была в труппе Садовского. Назначили спектакль. Мой дебют. Надо произнести несколько реплик, потом петь. И вот я стою перед залом. Дирижер дает знак, а я думаю: «Зачем все это? К чему?..» В общем, расплакалась и убежала...

— А потом?

— Опять учительница... Прочла статью Толстого «В чем моя вера?». Показалось: как хорошо написано, спасибо ему за правду — действительно, счастье в исполнении учения Христа. Жить для других... Помню, встретила старушку — она ходила в Киев на богомолье, дала ей рубль (все, что было у меня) и умилилась, глупая... Но потом — опять неверие. Думала: надо со всем этим покончить и начать что-то новое, хорошее... Жить для других — это ведь только громкая фраза. Много читала — Писарева, Спенсера, Шопенгауэра, Шелгунова, Михайловского, Белинского, Добролюбова. И, кажется, поняла: жить без определенной цели бессмысленно. Мой девиз: ничего на словах, и все на деле. Не отступать. Энергия и стойкость убеждений — величайший нравственный долг. Простят то, чего не смогла, но никогда не простят, чего не хотела.

А что, если все то, что я говорю и думаю,— все фальшь? — произнесла она так, что Петр подумал, не у него ли она спрашивает.— Что, если в самом деле фразы так и останутся фразами? Где найти ответы на эти вопросы? Что, если всю жизнь проживу бесполезно, в бездействии, в ожидании какой-то лучшей жизни?

И тогда я поехала на Высшие женские курсы. Мне говорили: зачем живое, жизненное дело менять на мертвое, книжное? Но за эти полтора года я ни разу не пожалела о том, что оставила школу на несколько лет. Вернуться в нее я смогу, а эти годы дадут мне кое-что такое, чего никогда не смогла бы получить, не живя в Петербурге...

Запорожец понимал: конец рассказа вышел скомканным. Мария не сказала, что нашла здесь настоящих друзей, и она почувствовала это.

— Нет, ты не думай,— улыбнулась она,— я не из типа курсисток — тружениц науки. Может быть, ты станешь спорить, но я скажу: наука (я говорю о таких науках, как латынь и старославянская грамматика) уж больно мертва и нередко бесполезна для жизни. Вот у нас профессор русской литературы сделал блестящее вве-

дение — все аплодировали. А начал излагать курс — поблек, потерялся, и я увидела, что он не только не создает чего-либо оригинального, но и чужой-то главной мысли не умеет схватить и мелочи принимает за серьезное. И тогда я...

Она озорно взмахнула рукой и засмеялась.

— Что же? Интересно...

— Написала ему записку и высказала все, что наболело на душе...

Она задумалась.

— Нет, я знаю — у нас много, слишком много половинчатых людей. Надо бросить в это болото камень или скорее надо вызвать сильный ветер, чтобы взволновать болото. И не на время, а навсегда. Уж если вырваться на свободу, то навсегда!

Запорожец слушал ее и не замечал, что он мнет и терзает свою бороду — так он был увлечен ее словами.

«Как хорошо она рассуждает!» — думал он, стараясь не терять нить ее мысли.

— Ты знаешь, я ведь разговаривала с самим Толстым,— сказала Мария с ноткой превосходства.

— Ну уж не поверю! Как же это?

— Лето мне пришлось жить верстах в трех от Ясной Поляны. Случайно на прогулке я встретила его. Он спросил, откуда, чем занимаюсь. Я ответила. Он начал пространно объяснять, что такая жизнь безнравственна, не надо быть в лагере давящих — жить в городе, учиться для своего наслаждения, а надо жить своим трудом и непременно трудом крестьянским.

— И что же ты?

— Покорно слушала. Он уверился, что убедил меня, и спросил ответа. Я сказала: чтобы ясно осознать, что следует делать для блага народа, надо непременно учиться — и не в провинции, а именно в тех городах, против которых он так ратует. А наша сонная провинция — слишком резкий контраст с тем идеалом, который рисуется юности.

— Молодчина, Мария! — воскликнул Запорожец и засмеялся.

— Сколько я тебе наболтала... Пора спать.

— Нет, нет,— возразил он,— мы не говорили о главном — ты должна перейти к нам.

— Я думала об этом... Говорят, с кем поведешься, от того и наберешься. Люди у нас хорошие, но... У вас все по-другому, вы знаете, что надо делать, куда идти... Расскажи мне об Ульянове.

Гуцул и сам хотел начать свой рассказ со Старика и, оживляясь, начал говорить о трезвости его мысли, об умении глядеть правде в глаза, о ненависти к фразерству.

— Да, да,— подхватила Мария,— в его работах — факты, яркие, неопровержимые, а у нас только фразы. Как нелегко во всем разобраться! Экономисты, легальные марксисты. Где правда?

— Только у нас,— убежденно сказал Гуцул и тряхнул в темноте коробком спичек.— Спичками можно поджечь все, что способно гореть. Но пустым коробком ничего не подожжешь. Вот так же и они хотят вытравить из Маркса главное.

— Но они пишут в журналах...

— А-а, пустое... Заигрывают с буржуазией.

— К стыду своему, я так мало читала Маркса. В «Друзьях народа» Ульянов ссылается на «Манифест», «Нищету философии», на «Немецкую идеологию». А я... я ничего этого не знаю.

— А я знал? — живо спросил Гуцул.— Тоже ничегошеньки не знал. Но Старик мне помог. И тебе поможет. Будем изучать вместе. Идет?

— Но я слышала, что Ульянов слишком резок, нетерпим и за это многие не любят его.

— Многие? Это кто же? — насторожился Запорожец.

— Ну, есть такие...

— Ах, Мария, какая ты еще наивная! У мещан и пошляков главное оружие — клевета. Вспомни, как отравляли жизнь Марксу немецкие филистеры.

Он замолчал на минуту, а потом заговорил с новой силой.

— Скоро у нас будет съезд, примем программу — Старик уже думает над ней, да и все мы думаем. И тогда...

Мария с едва заметной иронией подхватила:

— Наступит царство коммунизма.

— Наступит! — убежденно сказал он.— Непременно наступит. Но сначала будет трудная, длинная дорога, отчаянная борьба. Зато потом будет много солнца и счастья. Будет!

Слова эти она слушала затаив дыхание и, чтобы он не заметил ее волнения, начала накрывать его пледом.

— Спи, мой младенец. Бородатый младенец...

— Я ее сбрею, проклятую,— пробормотал Петр.

«Сейчас она скажет что-то очень важное...» — почему-то подумалось ему.

И она сказала:

— Послушай, Гуцул, а ты думал когда-нибудь о смерти?

Теперь он совсем не видел ее, даже белое ее лицо скрыла темнота. И тем значительнее звучал ее голос:

— Умереть без борьбы, умереть, когда еще можешь принести пользу,— это уж слишком... Правда?

— Конечно, правда! — воскликнул он.— Мы еще поживем! Мы будем жить долго-долго. И я буду любить только тебя...

...Так закончилась эта ночь. Утром в столовой он нашел записку: «Встретимся завтра, вечером. Там же. В библиотеке».

Завтра — это 9 декабря.

А ночью Петра арестовали...

* * *

Когда Петр не пришел на свидание в библиотеку, Мария сначала надула губы, сделала головой и плечом небрежное движение, но потом нахмурилась.

Что-то подсказало ей, что пришла беда.

Об аресте группы «стариков» она узнала на следующий же день. Когда арестовали Александра Ергина, «лахтинцы» заметались. Екатерина Прейс уехала в другие города предупредить товарищей и задержалась. Все подумали, что это провал,— типографию свернули, хотели отвезти в деревню, но потом перевезли на дачу.

В эти-то тревожные дни и встретила Мария Зину Невзорову. Подружки с трудом узнали друг друга — так они обе осунулись и похудели.

— Зиночка, милая,— говорила Ветрова торопливо.— Что Петр? Ты видела его? Какой он?

По нервным всплескам голоса, по тревожному взгляду Зина все поняла. Но что она могла сказать?

— Боже мой,— говорила Ветрова, поминутно оглядываясь,— это какое-то наваждение, право. Каждый вечер прихожу к воротам тюрьмы — надеюсь, не повезут ли...

На ней была длинная вязаная кофта, перехваченная в талии лаковым ремнем, длинное платье с оборками внизу и маленький белый воротничок. Быстрым движением она запустила пальцы за отворот кофты, вынула небольшой голубой конвертик и, краснея так, что заалели уши, протянула его Зине.

— Ты передашь, да? Непременно передашь? — спрашивала она, заглядывая подруге в глаза.— Смотри же, Зиночка, не забудь, передай, найди способ передать. Это очень нужно. Нужно всем — и ему, и мне, и всем-всем. Ты понимаешь?

Но передать голубой конвертик так и не удалось.

Вскоре Зину арестовали — ей самой предстояло просидеть десять месяцев в одиночной камере (из них четыре — в Петропавловской крепости).

Всех лиц, как-нибудь связанных с Лахтинской типографией, арестовали. Подружки Ветровой, в том числе Екатерина Прейс и Люба Ергина, оказались за решеткой. И лишь сама Мария до конца года оставалась на свободе. Но что это была за свобода! Одинокая, растерянная, она металась по городу, не зная, как и чем помочь товарищам, и каждую ночь ждала зловещего стука в дверь.

Он раздался в ночь на 22 декабря, когда Петр просидел в одиночке уже более года.

А через пять дней она предстала перед Кичиным.

Он с довольной улыбкой на лице бесцеремонно рассматривал ее, удивляясь, как это не поблекла ее девическая свежесть и красота за столько месяцев почти безумных метаний.

Допрос он вел ласково, по-отечески:

— Виновной не признаете? Так-так... Прейс встречали еще три года тому назад? Великолепно. А где это было? Ах, на Высших женских курсах. Ну, а что скажете о бумагах, отобранных при обыске?

Мария и тут была хладнокровна.

— Брошюру графа Толстого взяла у знакомой, назвать которую не желаю.

— А циркуляр главного управления по делам печати?

— Переписала лично для себя.

— Ну, а рукопись «народовольческой программы», воззвание «Союза борьбы», «Летучий листок Лондонского фонда вольной русской прессы» — как они к вам попали?

— Не знаю. Я никогда не видела их у себя.

— Понимаю... Значит, кто-то подбросил?

— Сказать не могу. Но нелегальных изданий я никогда у себя не хранила.

Кичин встал и с усмешкой посмотрел на эту милую наивницу — тогда он даже предположить не мог, что именно из-за нее рухнет его великолепная карьера.

— Ну, что же, я верю вам,— сказал он ласково.— Вы попали к нам случайно, да-да, совершенно по недоразумению.

Мария тоже поднялась — стройная, с матово-белым лицом, с высокой прической и шеей, в длинном черном платье она была похожа на одну из героинь картины... только вот какой — Кичин не мог вспомнить.

— Сейчас я вас покину ненадолго,— сказал он, пожевывая губами,— а вы на досуге просмотрите вот эти бумаги...

Мария осталась одна, раскрыла папку и вздрогнула: это были подробные показания Прейс, подписанные ее рукою. Даты, имена, места встреч — все было раскрыто с какой-то подчеркнутой подробностью. И всюду: «я велела», «я придумала», «я решила», «я привлекла»...

«Зачем она, выпячивая себя, выдавала всех нас? Боже, да уж в уме ли она была?!» — подумала Мария, переворачивая стопку бумаги. Внизу лежала тетрадь в синенькой обложке. «Да это же дневник Миши Тулупова!» — ужаснулась Мария, перелистнула первую страничку и тут же закрыла всю папку.

Вошел Кичин.

— Ну и как, вы довольны? — спросил он, опять пожевав губами.— Потом еще этот... Запорожец. Вы его знаете. Он бывал с вами на даче. Не так ли? — Мария молчала.— Так вот, вынужден огорчить вас: он наш тайный агент. Так что запираться...

Этого Мария вынести не могла.

Она бросилась на Кичина с такой яростью и силой, что он даже не успел отскочить. Она хлестала его по щекам, по голове, по вздернутым плечам и кричала:

— Подлец! Этого не может быть! Не может быть! Подлый лжец, понимаешь ли ты — не может!

Когда адъютант с трудом оторвал ее от Кичина, тот чуть не заплакал: впервые в жизни он испытал такое жестокое и такое позорное унижение.

Захлебываясь от ярости и от подступающих к горлу слез, он прохрипел, отворачиваясь к стене:

— В Трубецкой бастион! Немедленно! Сию же... сию... минуту.

* * *

Четырнадцать месяцев тюремного заключения подходили к концу.

Как тяжело дались эти бесконечно долгие месяцы! Запорожец так изменился — похудел, осунулся и пожелтел, что узнать его было трудно.

Даже Кичин, увидев его, призадумался. В беседе с Клыковым он долго рассуждал о том, что пора правительству отказаться от административных воздействий на политических в пользу гласного суда.

— Уж слишком у нас любят арестантов, униженных и оскорбленных,— с брезгливой гримасой на лице говорил он.— Видели Запорожца? Играет роль мученика за правду. А вот показать бы обществу его истинное лицо, тогда бы кое-кто понял, что это за «страдалец».

Помолчав, он добавил:

— Перед ссылкой им дадут дня три на устройство личных дел. Надо, чтобы к этому времени... вы понимаете?

Клыков молча кивнул.

Теперь Запорожца водили на часовые прогулки два раза в день, но не на общий двор, а в небольшой закуток, отделенный решеткой от женской половины тюрьмы.

...Январский день выдался на редкость солнечным. В безветренном морозном воздухе, резвясь на солнце, сверкали снежинки, похожие на острые крохотные осколки стекла.

Запорожец устал ходить по кругу и, прислонившись к решетке, стоял, склонив голову между прутьев. Надзиратель задрал подбородок в небо и морщился, с удовольствием ощущая на лице покалывание холодных снежинок.

К дверям женского отделения подкатила крытая карета.

Запорожец сначала не видел ее. Но громкие голоса словно разбудили его. Он поднял голову. Офицер что-то говорил вознице, до слуха донеслось: «Трубецкой бастион». В распахнутой двери между двумя жандармами появилась женщина. Жандармы, тесня ее плечами, быстро шли к карете, так что она, путаясь в подоле длинной юбки, едва поспевала за ними. Офицер нетерпеливо оглядывался...

Запорожец рванулся вперед и закричал:

— Мария!

Что было потом, он помнил смутно, как во сне.

Женщина бросилась к нему — это было близко — всего полтора десятка шагов. Жандармы, тяжело топая сапогами, кинулись за ней. А она, хватая его руки, плечи, голову, кричала:

— Что они с тобой сделали! Боже, что сделали!

В ее голос грубо вплелись другие голоса, и все смолкло.

Очнулся он в полутемном помещении — очевидно, это был коридор. Его подняли и повели...

В камере на столике лежала аккуратная стопка бумаг.

— Велено прочитать,— проговорил надзиратель и ушел, весело позванивая ключами.

Петр взял листы в руки. Это было «высочайшее повеление».

«Государь император...— читал он молча,— высочайше повелеть соизволил разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы

1) выслать под гласный надзор полиции: а) в Восточную Сибирь — Петра Запорожца на пять лет, а Анатолия Ванеева, Глеба Кржижановского, Василия Старкова, Якова Ляховского, Владимира Ульянова, Юлия Цедербаума, Пантелеймона Лепешинского на три года каждого и...»

Запорожец яростно начал рвать ненавистную бумагу.

Лощеная и плотная, она скрипела в руках и не поддавалась, но тем приятнее было рвать ее, рвать на мелкие клочки.

...Потом ему стало легче. Встретившись с друзьями перед отправкой в ссылку, он немного ожил. Но в Бутырках, в Пугачевской башне, ему снова стало плохо. Друзья послали телеграмму в Нижний Новгород Софье — сестре Зины Невзоровой, она тотчас приехала, побывала в семье Ульяновых в доме на Собачьей площадке. Решили пригласить известного психиатра профессора Корсакова. Первые встречи прошли довольно спокойно.

Но тут все узнали из газет страшное известие: Мария Ветрова в один из февральских вечеров в седьмой камере Трубецкого бастиона облилась керосином из лампы и горящим фитилем подожгла себя...

Петр и тут не выдал друзьям тайну своей такой короткой любви. Забившись в угол, он молчал. И сколько ни пыталась Соня вызвать его на свидание, он не вышел.

Лишь прислал записку: «Хочу повидать, но не могу. Прощай, прощай навсегда...»

* * *

Февральским вечером, когда зажглись тусклые уличные фонари, Ульянов с небольшим чемоданчиком в руке вышел из ворот тюрьмы.

Хотелось обернуться и кулаком погрозить этому мрачному зданию. «Высочайшее повеление» было давно подписано, а их еще полмесяца продержали в одиночках.

Итак, три года ссылки, а сейчас — три дня «для сборов в дорогу и советов с врачами».

Как много надо сделать!

Обсудить с товарищами наметки проекта программы, узнать, что сделано для созыва съезда, по-настоящему подтолкнуть их, в чем-то помочь, побывать в уцелевших районных группах. Говорят, туда внедрились «молодые» во главе с Тахтаревым и что-то мудрят, склоняясь в сторону экономизма. Надо немедленно дать им бой! Необходимо еще подобрать в дорогу книги, поговорить с издательницей, обновить адреса.

А сейчас немедленно навестить Елизавету Васильевну — ей это посещение не навредит,— и, кто знает, может быть, она хранит письмо от Нади, долгожданное, с ответом...

Чтобы сократить путь, он решил пойти вдоль правого берега Невы.

— Да, да, именно этой дорогой,— вспоминал он,— мы шли с Надей тогда, после первой встречи на квартире у Классона. Напротив Смольного моста еще нет, перейду Неву по льду, сверну на Калашниковскую набережную, а там рукой подать и до Старо-Невского...

Нева приветствовала резкими порывами ветра. Но сейчас он, по-настоящему вольный и дерзкий, был приятен.

Спускаясь к реке, Ульянов замер: снизу доносились глухие, но настойчивые удары.

— Э-ге-гей! — закричал он, заслоняясь рукой от ветра.— Что вы там делаете?

Он боялся, что его не услышат.

Подождал и, с досадой тряхнув чемоданчиком, хотел уже сбежать вниз, но тут раздалось протяжное:

— Лед колем — не видишь!

Ульянов радостно улыбнулся.

— Желаю удачи, друзья. Крепче бейте. Еще крепче!

ИСТОРИЯ СТОТЫСЯЧНОГО

Эту интересную фотографию я нашел в областном архиве. В пояснительной подписи сказано очень скупо: «Весна 1934, трактор СТЗ».

А было так.

Весной 1934 года вся страна готовилась отметить годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Сталинградские тракторостроители готовили свой подарок, памятуя ленинские слова: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: „Я за коммунию“ (т. е. за коммунизм)».

И вот сталинградцы решили ко дню рождения В. И. Ленина дать стотысячный трактор. И слово свое сдержали. На крыльях машин заводские художники нарисовали портрет Владимира Ильича Ленина с призывом: «дать 100 000». Такими весной тридцать четвертого шли сталинградские трактора на поля.

Энтузиазм соревнующихся помог сократить сроки. 14 апреля 1934 года в 12 часов дня с большого конвейера под крики «ура» и дружные рукоплескания сошла машина № 100 000.

В. ЕРШОВ,
заведующий отделом пропаганды газеты «Волгоградская правда»

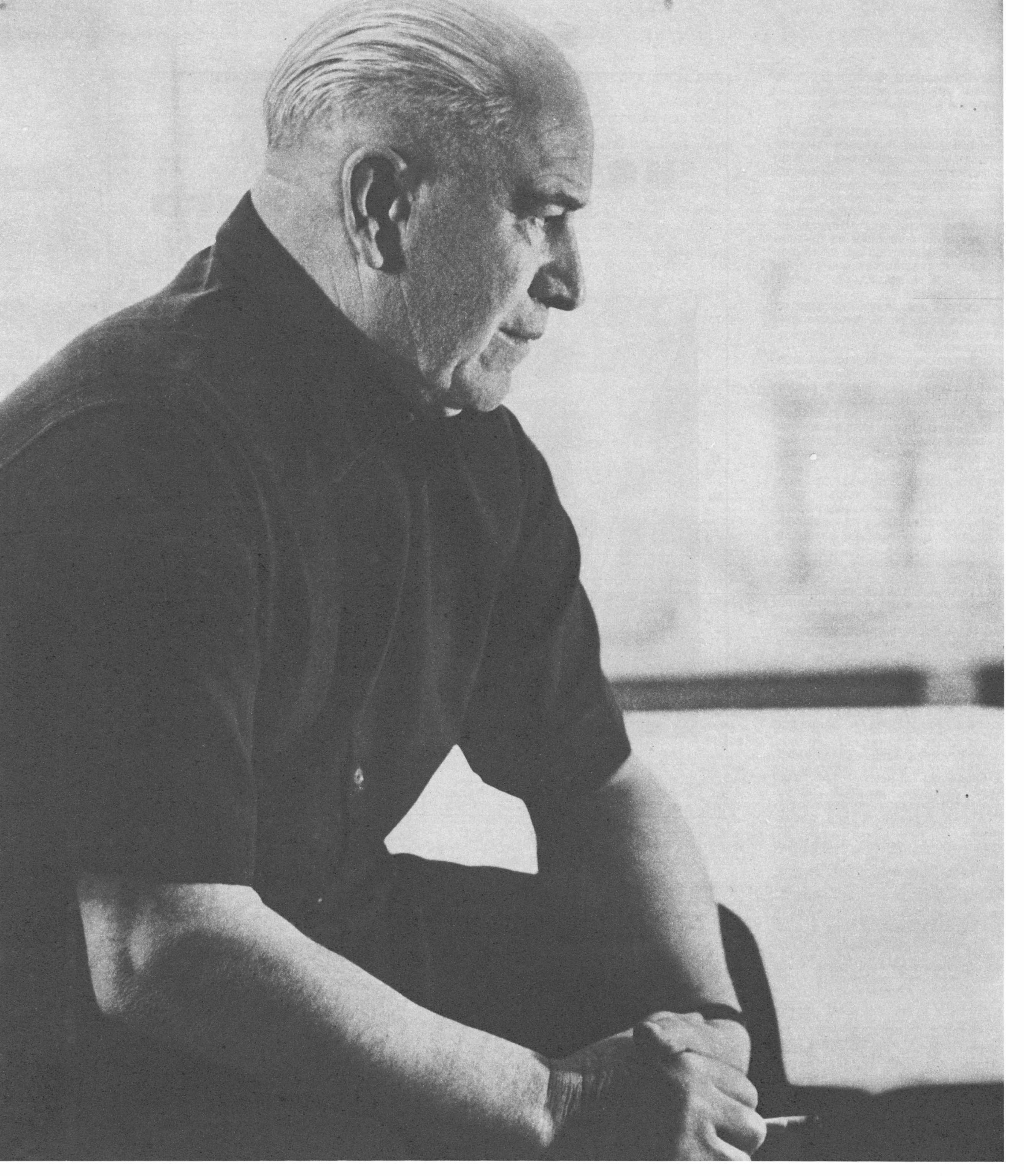

Фото Е. Умнова.

Дейнека

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ИСТОКИ

Курск. Май 1912 года. Широко льются над рекой звонкие русские песни. По синей глади Тускори неспешно плывут белые облака и лодки с празднично одетыми людьми. Маевка. Подальше от города, от злых глаз...

На крутом берегу суетятся мальчишки, они спешат спустить свою лодку. Им не терпится скорее догнать взрослых, и тоже петь песни, и праздновать май. Среди ребят — вихрастый Саша Дейнека в белой косоворотке, подпоясанной тонким ремешком. Из-под русой пряди волос на мир глядят острые светлые глаза будущего художника. Эти глаза многое зорко увидят и помогут мастеру рассказать людям в своих картинах о веке революции и войн. Веке, вместившем в себя столько радости и горя, ненависти и любви.

Судьба уготовила Александру нелегкую стезю живописца — профессию, приносящую в наш век больше тревог и забот, нежели лавров. Ему будет суждено одному из первых русских художников почувствовать и понять новь Октября. И не только почувствовать и услышать пульс нового времени, но и отразить его ритм в полотнах небывалых — простых и суровых. Но это все предстоит...

Сегодня в Курске весна. В маленьком домике, стоящем на высоком берегу Тускори, где родился Саша Дейнека, в саду цветет черемуха и поют соловьи...

Мигает керосиновая лампа, уютно тикают ходики, скрипит сверчок. В доме спят. Не спит только Александр. Он рисует. Из-под острого карандаша на бумаге появляются и река Тускорь, и плывущие лодки, и озорные мальчишки в туче брызг. Все как в жизни. Но юный художник чем-то недоволен. Он начинает новый рисунок. Ночной свежий ветер задувает огонь, лампа коптит. Ветер срывает со стола легкие листки. Под утро любящие руки матери разбудят парнишку, задремавшего над рисунками.

Долго потом мать будет глядеть на наброски сына. Ее лицо задумчиво. Странный ее Сашка. Вроде мальчик как мальчик. И драчун, и заводила, и хорошо учится в школе. Но что-то в нем заставляет ее тревожиться. Бывает, вдруг она будто увидит другого сына — незнакомого, строгого, почти чужого.

Светает. Ветер колышет занавески, приносит аромат черемухи. На улице тихо. Гаснут звезды. И лишь где-то вдали, за рекой, вздыхает и жалуется неугомонная гармонь. Пора собирать мужа на работу. Марфа Никитична ставит самовар, разжигает печь.

Саша любит приходить к отцу на работу. Александр Филаретович встречал его коренастый, копченый. Крепко хлопал сына по спине и говорил: «Учись, Сашка!» Друзья отца, такие же железнодорожники, как он, скалили зубы, смеялись. Но Александр не обижался. Он учился у них жить.

...Гремели составы, звякали буфера, надсадно кричали паровозы. Пахло мазутом, углем и тем особым колдовским запахом, который рождает дорога. Мальчик провожал сверкающие поезда и мечтал о далеких городах, обозначенных на белых эмалевых табличках. Думал ли он, что ему доведется объехать Россию, Европу, Америку? И не просто туристом, а всемирно известным живописцем...

Стонут рельсы. Лязгают колеса на стыках, пронзительно визжат тормоза. Саша прислушивается к голосам стали и железа. Он рано привык чутко слушать, зорко видеть, а главное, сердцем, душой ощущать состояние, обстановку, время. Его влекли строгие ритмы металлических конструкций, тонкие рейсфедерные паутины проводов, тяжелые корпуса паровозов.

Каких только людей не встретишь на перроне! До чего они не похожи друг на друга! Вот проходит состав на фронт. Из вагонов высыпают солдаты. Пахнет махоркой, сапогами. Гремят котелки. Шум и гам. Или курьерский. «Чистая публика», невзирая ни на что, едет отдыхать на юг. Носильщики снуют. Степенно выходит начальник станции. Около спальных вагонов обязательный генерал, изящные дамы. Еле слышный запах духов. Непонятный говор. Другой мир... Сколько поездов — столько разных людей, со своими заботами, со своим единственным обликом, силуэтом, походкой!

Перед глазами юноши мелькали теплушки, набитые мешочниками, и санитарные поезда. Позже он увидит платформы с тачанками и ржущими конями, бронепоезда в ярких лозунгах.

Сам двадцатый век, громыхая и набирая скорость, проносился перед Александром Дейнекой. И он пытливо и очарованно запоминал, примечал заметы времени.

Позже он будет с благодарностью вспоминать эту школу и своих учителей: машинистов, сцепщиков, мастеров — веселых, порою грубоватых. Он на всю жизнь научился ценить руки, строящие дома, заставляющие бежать поезда, летать самолеты. Он навсегда полюбил труд.

И когда вечер зажигал яркие огни семафоров, отец и сын шли домой. Отец — плотный, широкоплечий, в черной фуражке и черной толстовке. Сын — стройный, русоголовый, немного застенчивый, похожий на мать.

Курск встречал их ветром горьким и теплым. Навстречу чинно шли пары — девушки в белом и парни в пиджаках, лихо наброшенных на плечи. Скрипели калитки, хлопали ставни. Пахло дымом. На скамейках у ворот судачили старики. В садах пели птицы. Город жил своей жизнью, нераспознанной, таинственной.

...Мать накрывала в садике ужин. Лампа на столе мигала и превращала все знакомое в сказочное и новое. И когда дом засыпал, Саша вспоминал дневные встречи и рисовал. Скоро рисунков стало так много, что их заметили старшие. И не за горами будет день, когда плачущая мать проводит пятнадцатилетнего сына «учиться на художника».

Шла война. Это был 1914 год.

НУЖЕН ЛИ РАФАЭЛЬ!

Метет поземка. Пляшут фонари, мечутся оранжевые тени на синем снегу. Над Москвой лиловое марево, и оттуда хлещет мокрый мартовский снег. Шумная ватага молодежи шагает сквозь непогоду. Позади прокуренный зал, громкие речи, слова, слова...

Их ждет нетопленное общежитие, пайка хлеба, остывший кипяток. Но им все нипочем. Вхутемасовцы — народ горячий. Только что окончен диспут «Революция и Рафаэль», и ребята, невзирая на вьюгу и метель, продолжают спор. Один из них, худой парень без шапки, с гривой рыжих волос, декламирует стихи модного поэта:

— Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусство, цветы...

Слова тонут в вое ветра, хлопья снега слепят глаза.

— Глупость,— вдруг спокойно говорит плотный парень в красноармейской шинели. В мерцающем свете фонарей его энергичное, открытое лицо бледно. Из-под русого чуба взгляд острый. Такой не забудешь. Губы жестко сомкнуты. Подбородок, будто рубленый, говорит о недюжинном характере. Александр Дейнека. Студент Вхутемаса. Хороший товарищ, отличный спортсмен — боксер. Талантливый художник. В общем, он почти как все, но у него в отличие от многих шумливых коллег есть своя устойчивая линия, свой взгляд на жизнь.

Он хлебнул ее, этой горькой, трудной, чудесной жизни, и готов за нее не только ежеминутно спорить, но и драться насмерть. Он никогда не забудет красоту родной земли, опаленной войной, кровь товарищей и братьев, с которыми ходил в огонь атак, и никогда не примет этого пустячного, «столичного» нигилизма, всеотрицания, всепоношения... Он любит жизнь, а значит, красоту. Ему, знавшему цену труду, дика сама мысль разрушения прекрасного, созданного великим подвигом великих мастеров прошлого. Пока он не ввязывается в эти диспуты. Он молчалив. Он много видит, и в нем зреют пластические образы нового. Пройдет несколько лет, и он ответит всем этим крикунам и покажет им новую красоту. Лаконичную, строгую, будто кованную из неведомых металлов.

А пока жизнь продолжалась. Художественный мир Москвы начала двадцатых годов бурлил. Самые невероятные эксперименты сменяли друг друга. В эти дни открылась «Первая дискуссионная выставка объединений активного революционного искусства».

Александр Дейнека со своими товарищами Юрием Пименовым и Андреем Гончаровым участвовали на этой выставке под титлом «Группа трех». Пусть читатель не удивляется: это были годы, когда в ходу были художественные группы, маленькие выставки и большие манифесты. Короче говоря, шума было много. Говорят, что в спорах рождается истина...

В одном из залов выставки любопытно оформленная стена. Все пространство от пола до потолка заклеено рукописями. А рядом стремянка с аншлагом: «Все, кто хочет познакомиться с моим творчеством, пусть потратят два-три часа и прочтут эти рукописи. Вам в этом поможет стремянка. Художник Некритин».

На этой же стене слева в золотой раме вполне прилично написан мужской портрет. А под ним второй аншлаг: «Этот холст написан мной, дабы подтвердить, что я художник-профессионал, обладающий мастерством живописца, от которого я, однако, решительно отказываюсь!» И та же подпись: «Художник Некритин».

Прошло полвека. Ушли в небытие и манифесты, и потуги Некритина, и многое, многое другое модное, наносное. Но остались в истории искусства работы Александра Дейнеки — «Футболист», «Портрет девушки», «Две фигуры». Они были написаны на обыкновенном холсте, обыкновенной масляной краской, без аншлагов, но сделаны они были художником необычным, талантливым. Его жесткая, пока угловатая манера запоминалась. В этих первых полотнах угадывался будущий мастер-реалист. И это было главное!

* * *

...А как же все-таки Рафаэль, музеи, искусство?

Они остались жить. Но это случилось не потому, что логика всегда торжествует. Нет, тут была проявлена воля и разум Ленина.

Вот слова Ленина, сказанные в беседе с Кларой Цеткин:

— Мы чересчур большие «ниспровергатели в живописи». Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно старо? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица.

ТРУД, ТРУД И ЕЩЕ РАЗ ТРУД

Дейнека встречает меня в небольшой прихожей. Она кажется еще меньше, потому что хозяин в своей неизменной спортивной рубашке из вишнево-красной шотландки, широкоплечий и массивный, занимает собой добрую половину пространства. Он добродушно щурится и, как всегда, осторожно пожимает руку. Проходим в комнату, обыкновенную комнату обыкновенной московской двухкомнатной квартиры. Но как необыкновенно ее «оформление»! Шуточное ли дело! На стенах, оклеенных стандартными обоями, висят три шедевра художника — «На балконе», «Спящий ребенок» и «Утренняя зарядка»...

Александр Александрович приглашает присесть, и сам удобно располагается в кресле. Кладет на стол свои большие, натруженные руки. Его седые, короткие, до сих пор непокорно торчащие волосы, крупные, словно вырубленные черты лица, проницательный, зоркий взгляд, лукавая улыбка делают его похожим на опытного тренера по боксу, который смотрит на ринг, на ученика и словно молча вопрошает: «Ну как, сдюжишь?»

— Все понимаю,— прерывает мастер затянувшееся молчание,— все понимаю, семидесятилетний юбилей на носу — нужно интервью.— И вдруг неожиданно высоким голосом громко говорит: — Интервью не будет.— И для вящей убедительности он опускает на стол большую, тяжелую руку.

Эффект полный. Подпрыгивает пепельница, скользит на пол большая серая папка.

Не успел я впасть в уныние, как грозный хозяин весело расхохотался.

— Не грусти,— сказал он, поднимая с полу папку.— Вот тебе лучшее интервью.

Он развязал тесемки, и на стол высыпались фотографии. Я обомлел. Впервые — а я знаю Дейнеку добрые тридцать лет — я увидел эти редчайшие фото. Дело в том, что, по существу, о художниках в отличие от артистов или писателях не издают книг с жанровыми фотографиями, и они лежат у них под спудом.

Старые фотографии... Хроника семидесятилетней жизни. Какие разные эти отпечатки: тона сепии на картонных паспарту с замысловатыми вензелями и фамилиями хозяев, и маленькие тусклые контрольки размером со спичечную коробку, и большие этюдные фото, напечатанные на прекрасной бумаге. Но разве дело в этом? Дело в том, что перед нами бесценные свидетели огромной жизни.

Кто есть кто? На это получаешь самый прямой ответ, искренний и неподдельный.

Ведь откуда знать малышу, стоящему рядом с матерью на фоне роскошных липовых пальм и альфрейного рококо, что он станет академиком живописи, лауреатом и т. д. и т. п... И он грустно и задумчиво глядит на кривляющегося дядю фотографа. Курск. Восьмилетний Саша...

Нескладный парень в сатиновой рубашке нараспашку, в рабочей кепке. Он застенчиво прячет портфель за спину. Рядом коренастый мужчина в черной толстовке с широкоскулым добрым лицом. Отец и сын Дейнеки. Отец гордо смотрит в объектив, ведь его сын — художник!

А вот группа студентов, молодых, озорных. Среди них Александр.

— Это была светлая пора моей жизни,— говорит Дейнека.— Мы работали, спорили, занимались, спорили... У нас были замечательные учителя — Фаворский и другие. Нас любил и часто бывал в институте Маяковский...

Маяковский — мой учитель. Он научил меня видеть главное и находить этому главному зрительное, пластическое воплощение. Он обладал абсолютным вкусом, был предельно прост, по-настоящему громаден. Никогда не подавлял меня авторитетом. Если я говорил наивные вещи, он всегда находил душевные, теплые слова.

Никогда не забуду один эпизод. Мы бродили с Владимиром Владимировичем по Театральной площади. И я вдруг сказал ему:

— Пора бы предложить перекрасить эту белую махину — Большой театр — в красный цвет.

Маяковский как-то особенно улыбчиво поглядел на меня и сказал:
— Саша, нас с тобой не поймут...

— Вот фото тех времен.— И Дейнека протянул мне маленький отпечаток, где он в модном костюме с тростью и бабочкой что-то выделывал около огромных кубов. Это, пожалуй, единственная фотография, где Дейнека не был самим собой, а был какой-то искусственный... Этот кадр снят на сцене театра Мейерхольда, и художник, наверное, стеснялся непривычности роли актера...

Десятки фотографий, которые можно назвать «Дейнека работает». Вот он, совсем молодой, пишет этюд, вот лепит скульптуру спортсменки, вот с группой помощников у огромной фрески для ВСХВ. А вот, взобравшись на высоченные леса, пишет панно для Брюссельской международной выставки.

Работа, работа, работа — девиз всей жизни Дейнеки.

Вы видите его с группой учеников Института прикладного и декоративного искусства. Рядом с ним — Петр Петрович Кончаловский и Владимир Андреевич Фаворский.

Дейнека руководил этим институтом. У него много учеников-монументалистов и из ИЗО института, где он возглавлял кафедру.

В этой серой папке не только жанровые фото, где вы видите Дейнеку с друзьями — художниками Богородским, Ряжским, Пименовым... В этой же папке сотни репродукций, мозаик, фресок, скульптур, рисунков, картин.

Я невольно гляжу на огромные руки Дейнеки с тяжелыми, узловатыми пальцами. Это ими создан этот почти невероятный объем работ, это они выдержали этот полувековой каждодневный труд, труд и еще раз труд!

СТАРАЯ, ЮНАЯ КРАСОТА

Александр Александрович подошел к окну, отдернул штору, и майское солнце ворвалось в комнату.

— Погляди, какая красота!

Перед нами сверкала майская, умытая ливнями столица. Вытянули длинные шеи краны на стройке МХАТа, а дальше крыши, крыши и зелень. В голубой дымке — Кремль. Золотая голова Ивана Великого. Острые башни, и снова краны, краны... Москва не устает строиться. Рядом, слева, улица Горького. До синевы накатанный асфальт. Сдержанно гудит, шумит большая улица. В сиреневой тени цветными огоньками идут девушки, парни. Мчатся машины, а над всей этой кипенью — майское небо.

— Красота...— повторяет Дейнека.— Никогда не устану любоваться этим пейзажем, все руки не доходят написать его.

Солнечный блик побежал по стене и застрял в решетке — «На балконе». Юная женщина, загорелая и стройная, вышла на балкон. На ажурной решетке — белое полотенце, а за ним бескрайнее море. Солнце безраздельно властвует на холсте — оно играет в светлых волосах женщины, в его ярких лучах растаяли все предметы, оно зажгло веселыми бликами море. Картина получила всемирное признание.

— Александр Александрович,— спрашиваю я,— вы долго писали это полотно?

Дейнека откидывается на спинку кресла и беззвучно смеется.

— Один день. Быстро у меня пошла эта работа.

Я представил себе мгновенно, как сейчас возмущенно или по меньшей мере удивленно поднимают брови любители подсчитывать часы и минуты, которые тратят поэты, художники, композиторы на создание своих произведений. Но забудем об этих педантах, как эти почитатели арифметики забывают о десятках лет упорного труда, предшествующих часам творческих удач...

— Скажите, а вы писали картину с натуры? — продолжаю я донимать мастера.

Дейнека шутя поднимает свои тяжелые руки и подносит их к голове, как бы принимая защитную боксерскую стойку.

— Зачем ты у меня спрашиваешь то, о чем нельзя допытывать артиста?..

В комнате очень тихо, в окно еле слышно доносится дыхание огромного города.

— Веками среди людей живет поверье, что, если родители хотят, чтобы ребенок родился красивым и хорошим человеком, нужно окружить будущую мать красивыми вещами — картинами, скульптурами, играть хорошую музыку.

Я, конечно, не мать на сносях, но я привык, особенно когда пишу картину или работаю над эскизами, окружать себя любимыми вещами — репродукциями картин больших мастеров. Наверное, в душе я верю, что и у меня «родится» что-нибудь хорошее...

Есть такие художники,— продолжает Дейнека,— которыми не только любуешься, но и по-доброму завидуешь, такой у них талант!

Всю жизнь я преклоняюсь перед гением Паоло Веронезе, перед его волшебным, холодным колоритом, перед его умением строить огромные, торжественные композиции. А Тинторетто? Вот силища! Он не знал себе равных в решении самых головоломных задач, причем весьма простыми средствами.

Я не подражаю Врубелю, более того, я далек от его позиций в живописи. Но я не устаю восхищаться его «Сиренью» — тонкой, лиричной, музыкальной. Хорош наш Валентин Серов в маленьких композициях — «Одиссей и Навзикая» или «Петр Первый». Меня поражает Брейгель. Его удивительное современное видение, его любовь к человеку, к природе.

Надо учиться у великих художников любить жизнь, красоту...

Дейнека встал, открыл стеклянную створку книжного шкафа и достал томик Стендаля.

— «Есть одна вещь,— стал он читать,— на которую наши художники... почти столь же скупы, как и на изображение душевных движений — это красота. Никогда уродливое не было в такой чести».

Художник закрыл книжку и устало проговорил:

— Мне вспомнился давний разговор, который у меня состоялся с одним очень талантливым и сравнительно молодым художником — Павлом Никоновым. Я спросил у него: «Павел, ты ведь красивый парень и, наверное, любишь красивых девушек и умных друзей, но почему ты и некоторые твои сверстники рисуете и пишете таких уродов и кретинов?»

Мне показалось, что в воздухе произошло некоторое движение и где-то около нас раздался вздох Анри Бейля — великого ценителя красоты в живописи, архитектуре, музыке и жизни...

— Ну, а что же вам ответил Павел?

— Промолчал,— сокрушенно ответил мастер.

«ПРИНАДЛЕЖАТЬ СВОЕМУ ВРЕМЕНИ»

Вечерело. В окно заглянули синие сумерки. Город зажег россыпь огней, они казались живыми.

Дейнека не спеша листает свою книгу «Из моей рабочей практики», на обложке которой им же нарисована его тяжелая, рабочая правая рука, сумевшая за полвека создать столько прекрасных картин, мозаик, скульптур, фресок, акварелей, рисунков, эстампов...

— Мне кажется,— говорит художник,— что в этой книжке мне удалось найти правильные слова.— И он негромко прочитал: — «Искусство обладает изумительным качеством — воскрешать прошлое, показывать завтрашнее... Но сколько бы искусство ни раскрывало прошлого и ни забегало в будущее, оно принадлежит своему времени...»

Мастер продолжает неспешно перелистывать страницы. Один за другим проходят годы творчества, удач, забот, сомнений и успехов. Проходит как бы история страны.

«Оборона Петрограда». Знаменитая картина, принесшая живописцу мировую славу. Она написана в 1927 году. Суровый отбор, аскетический лаконизм пластического языка.

Непреклонный марш века. Не сусальные, сказочные великаны — усталые, измученные нуждой, изможденные голодом люди шли на штурм старого. Просто люди. Это о них говорили: «Люди — как тени, дела их как скалы». И они победили. Ведь у них в руках было самое грозное оружие — правда.

— В этом строю,— прервал тишину Дейнека,— шагает навечно мой старый товарищ — комиссар, которого я писал с натуры. Он был друг и соратник Теодора Нетте. Это был настоящий человек и коммунист.

Телефонный звонок прерывает разговор. Звонят с радио. Готовят передачу к юбилею. Дейнека озабочен. Дней осталось мало, а дел много. Надо собрать работы, рассыпанные по музеям страны. Некоторые полотна, иногда особо дорогие, безнадежно затеряны. К сожалению, некоторые монументальные работы погибли. Такова судьба гигантских панно для Парижа и Брюсселя. Разбиты фрески, которые он писал для ВСХВ. Но это, как говорится, издержки времени.

«Будущие летчики». Дейнека долго, любовно всматривается в маленькую, дурно исполненную репродукцию.

— В Крыму я написал эту картину, одну из самых моих любимых. На берегу Черного моря мне хорошо работалось. Я любил купаться в бирюзовой воде, любил бронзовых, загорелых мальчишек. Дружил с летчиками, моряками. Жил в прекрасных южных городах. И вдруг все это было зачеркнуто, взорвано. Пришла война.

Дейнека перелистал несколько страниц, и с разворота на нас хлынул рев рвущихся снарядов, обжег огонь пылающего города, оглушил вой пикирующих самолетов, крики людей. Матросы шли в атаку. Яростную. Может быть, последнюю — «Оборона Севастополя».

— Я вернулся с фронта из-под Юхнова,— вспоминает художник.— Была жестокая зима 1942 года. Шли тяжелые бои. Снег был черным от взрывов и красным от крови бойцов. В те дни мне показали немецкий журнал с хвастливой фотографией разрушенного Севастополя. Это вызвало во мне ярость и горе. Ведь этот город я любил за его веселых людей, море, лодки, самолеты. Не знаю, хороша ли эта картина, но верю: она настоящая. Ведь я писал ее на одном дыхании. Эти дни будто выпали из моего сознания. Картина, работа поглотили меня всего.

Искусство, я подразумеваю настоящую живопись, рождается в результате большого чувства — радости, гнева, любви, ненависти. В искусстве нет места скопцам и прохиндеям.

...«Раздолье». Эта картина написана художником в 1944 году. Еще шла война. Но Дейнека создает гимн юности, воспевая грядущую победу. Мастер неоднократно изображал бег. Свободный бег молодых, красивых людей. Но никогда он не достигал такой слитности динамики бега — полета, раскованного, полного искрометных сил, и пейзажа — просторного, раздольного, с плывущими по ясному небу белыми облаками, с сияющими далями.

Свежесть, искренность, юность властно овладевают тобой, когда ты смотришь на этот большой холст.

— Говорить об искусстве,— продолжает Дейнека,— так же трудно, как рассуждать о разнице в запахе яблок — антоновских и бумажного ранета. Трудно... Но нужно. Наша жизнь стремительно меняется. В наш быт властно вторглись новые виды изобразительной информации, мощные, всепроникающие — фотография, кино, телевидение. А как же живопись? Конечно, можно на все закрыть глаза и опираться на традиции. Но ведь люди каждый день видят Человека — в цвете, крупным планом, в движении, в сложнейших ракурсах, психологических состояниях на экранах кино и телевизоров, да еще с текстом и музыкой. И поэтому наш современник, естественно, требует от живописи новых качеств, еще более ярких, острых, умных — новой красоты. Народ требует искусства высокоэмоционального, больших пластических качеств. И он имеет на это право. И он не принимает искусства серого, уродливого, скучного. И он единственно правильно отвечает на эти наши грехи,— мало ходит на некоторые выставки. Вот и все. И если быть правдивым, то это малоутешительно.

Конечно, можно принять позу и заявить: «Они (то есть народ) нас не понимают». Но на этот счет есть превосходное высказывание Калинина, который на вопрос, в чем состоит секрет его умения разговаривать с людьми, ответил: «В том, чтоб подразумевать в собеседнике не меньшее количество ума, сообразительности и понимания своих интересов, чем в нас самих».

Мы, художники, разговариваем с людьми своими картинами, и поэтому надо считаться с миллионным зрителем. Хотя это не значит, что его не надо воспитывать. Но... на хороших образцах. А не выдавать ему за искусство скуку, серость и уродство...

Каким великим праздником для любителей искусства была выставка Кустодиева! И как зритель, невзирая на погоду, часами простаивал в очереди, чтобы попасть в залы Академии художеств и увидеть, полюбоваться кустодиевской Русью, радужной, полнокровной, красивой.

Да, красивой.

Я предвижу, как морщатся носы у некоторых снобов, но, что поделать, художник не должен забывать своего призвания, о котором так здорово сказал Маяковский, который за повседневностью, за борьбой с дрянью не забывал о главном — «светить всегда... вот лозунг мой и солнца!».

И благодарный зритель отлично чувствует, когда художник несет ему радость, свет, красоту, и отвечает ему любовью и... посещением. Кстати, для меня совсем не кажется крамольным, что наш московский зритель энергично посещает выставки французских романтиков или Матисса. Ведь Матисс в своих ранних вещах — певец радости. И в лучших полотнах он воспевает свой восторг от красочного ощущения мира. В нем много от ребенка, восхищенного и искреннего.

«Вот Дейнека открылся,— заговорят мои старые друзья, ругавшие меня еще за ОСТ.— Долго молчал, наконец опять потянул к формализму. Сегодня Матисс. Завтра Пикассо. Да ведь тут недалеко...— о боже!!! — и до абстракции. А впрочем, что с него взять, сколько волка ни корми, он все в лес глядит!»

Нет, дорогие друзья, дело совсем не в ОСТе или АХРРе — «сочтемся славою, ведь мы свои же люди». А дело в том, что мы должны глубоко изучать процессы развития искусства и думать о завтрашнем дне. Нам важно сегодня, отбросив все черное, реакционное и серое, подумать и решить, каким должно быть искусство завтрашнего дня, надо гнать скуку с наших полотен, надо больше учиться, больше знать и не уставать удивляться. А главное, любить нашу жизнь, нашего современника, нашу Родину!

Один почтенный живописец как-то мне бросил в раздражении: «Вы, Дейнека, по существу, художник в советском масштабе.— Тут старый маэстро снисходительно похлопал меня по плечу.— А я живописец в мировом масштабе».

Я не назову его имени. Бог с ним. И ведь дело не в этом.— Тут Дейнека заразительно рассмеялся.— Я ведь вовсе не возражаю против звания, которое он мне присуждает, я люблю и уважаю масштабы своего государства, не самого маленького в мире. Но все же мне хотелось бы заметить следующее. История мирового искусства еще не имела примера, чтобы истинно большой художник не любил бы свою Родину, не любил бы свой народ. И не воспевал бы их красоту. Вот почему мой строгий критик напрасно тщил себя мечтой стать классиком «мирового масштаба». К сожалению, он был всего лишь вялым эпигоном. Вот и все.

Мы с тобой засиделись...

Дейнека встал. Широкоплечий, массивный, седой. Лицо с резкими морщинами много передумавшего и пережившего человека.

— Ты ведь знаешь, у меня нет детей. Так сложилось. Мои дети — мои картины, и я хотел бы, чтобы они были хорошими гражданами нашей Родины.

Он подошел к широкому окну. Весенний ветер колыхал шторы. Москва, необъятная, бескрайняя, искрилась миллионами живых огней.

Был май 1969 года. Семидесятая весна Александра Дейнеки.

А. Дейнека.

ОБОРОНА ПЕТРОГРАДА.

БУДУЩИЕ ЛЕТЧИКИ.

А. Дейнека. ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

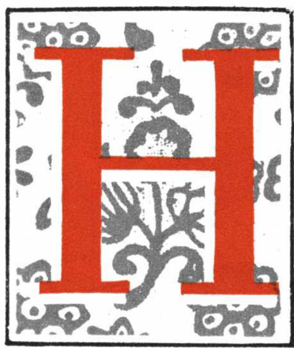

А. Дейнека. РАЗДОЛЬЕ.

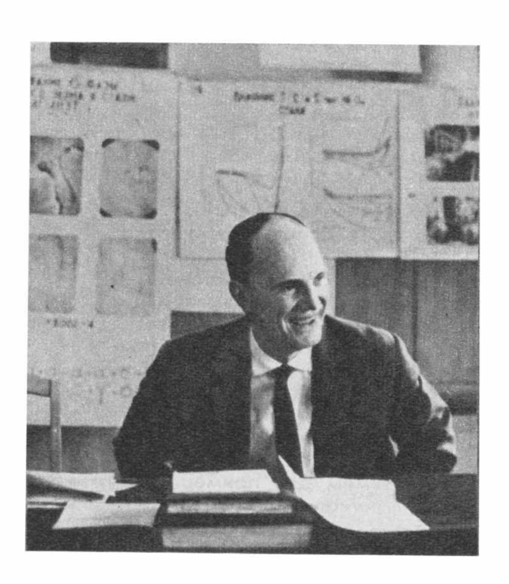
Ордена Ленина Академии наук УССР — 50 лет. Ее создание связано с великим Лениным, старейшая и крупнейшая среди академий наук союзных республик, она активная участница коммунистического строительства.

Наш корреспондент обратился к академику Б. Е. Патону с просьбой рассказать о работах украинских ученых.

Народная...

Б. Е. ПАТОН, президент Академии наук Украинской ССР, Герой Социалистического Труда

Говоря сегодня о достижениях украинской науки, часто употребляют слово «впервые». И не без основания. Впервые в Советском Союзе, еще в 30-е годы, украинские ученые построили электростатический ускоритель заряженных частиц и осуществили расщепление ядра атома лития. Впервые в стране получена тяжелая вода и тяжелые изотопы кислорода и азота. Впервые в СССР и континентальной Европе была создана электронная вычислительная машина.

Впервые в мировой науке получено обоснование асимптотических методов нелинейной механики. За этим специальным названием скрываются работы, которые дали возможность открыть и объяснить ряд новых явлений в физике и технике, и среди них такие «королевские задачи» науки, как сверхтекучесть гелия, сверхпроводимость в металлах и т. д. Асимптотические методы применяются при математических расчетах циклотронов, траектории спутников и ракет, деталей самолетов, сложных строительных конструкций, электронных устройств.

Украина — мощный центр кибернетики. Здесь создана общая теория цифровых автоматов. Эта теория богата своими практическими приложениями. Назову несколько: она помогает при решении проблем обучения и самообучения автоматов, при автоматизации проектирования новых вычислительных машин и счетно-решающих устройств. Теоретические исследования позволили построить новые, самые современные электронно-цифровые машины, о них сегодня много говорят и пишут: «Днепр», «Мир».

Украина — родина науки об электросварке. Достижения украинских ученых в этой области получили мировую известность и оказали революционизирующее влияние на рост промышленного производства в стране. Академия наук УССР занимает ведущее место в исследовании сварочных процессов, разработке новых, высокоэффективных способов сварки, механизации и автоматизации сварочных процессов, создании принципиально новых методов получения высококачественных металлов путем электрошлакового, электроннолучевого и плазменно-дугового переплавов и др.

Секрет успехов многих научных учреждений академии — в традиционном внимании к развитию фундаментальных наук. Мы понимаем: это основа, создающая предпосылки для решения обширных народнохозяйственных задач.

Мировое признание получили работы украинских математиков, физиков, особенно по проблемам ядерной физики и физики твердого тела. В Харькове был построен первый в СССР линейный ускоритель протонов. В 1964 году был создан самый мощный в мире в то время линейный ускоритель электронов на 2 миллиарда электрон-вольт.

Ученые Академии наук УССР внесли большой вклад в развитие химической науки. На Украине сформировалась одна из выдающихся химических школ, начало деятельности которой связано с именем академика Л. В. Писаржевского. Выдающимся достижением этой школы явилось создание электронной теории в химии. Было развито учение об электрохимических процессах, катализе, механизме химических реакций. Развитие химии стабильных изотопов и свободных радикалов в работах украинских ученых дало современной науке мощный инструмент проникновения в механизм и кинетику химических реакций.

Широко известны достижения ученых Украины в области нейрохимии, биохимии. Совместные исследования химиков и биологов дали возможность значительно продвинуться по пути решения проблем синтеза белка с помощью микробов в твердых, жидких и газообразных углеводах нефти.

Достижения украинских ученых в области биологии создали прочную основу для дальнейшего развития медицинской и сельскохозяйственной наук в республике, а успехи геологов помогают лучше использовать ископаемые богатства недр.

Разработанная ЦК КПСС программа развития общественных наук и повышения их роли в коммунистическом строительстве требует активизации всех творческих сил идеологического фронта. Разрабатывать важнейшие проблемы в тесной связи с практикой, давать объективный анализ реальных процессов общественной жизни, опыта революционной борьбы, перспектив развития социализма, проводить материалистическое обобщение социальных явлений в условиях величайшей в истории научно-технической революции, всего нового, что рождается в борьбе за коммунизм,— такие задачи мы считаем главными.

Украинские ученые глубоко и всесторонне исследуют экономические, политические и философские проблемы создания материально-технической базы коммунистического общества, изучают сдвиги в производительных силах, происходящие под влиянием последних открытий в естествознании и развитии техники. Особое значение на нынешнем этапе приобретает научная разработка путей полного использования преимуществ социализма в техническом прогрессе, повышение эффективности социалистического производства. В центре внимания украинских ученых находятся вопросы дальнейшего совершенствования форм и методов управления народным хозяйством в условиях экономической реформы.

Высокий уровень теоретических работ — источник непрерывного технического прогресса.

Влияние науки на развитие промышленности республики нарастает с каждым годом. Новаторские исследования приводят к появлению новых отраслей промышленности, имеющих крупное народнохозяйственное значение.

Украина — признанный научный центр в области материаловедения. Ученые Академии наук УССР разработали методы получения разнообразных металлов в особо чистом виде, способы создания тугоплавких соединений с заранее заданными свойствами, заложили основы порошковой металлургии.

Ученые ордена Трудового Красного Знамени Института проблем материаловедения АН УССР синтезировали много новых материалов, в частности применяющихся в условиях низких температур. Одна из последних работ — создание электрообогреваемых костюмов из принципиально нового материала для работы в районах Крайнего Севера.

Коллектив ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Института электросварки имени Евгения Оскаровича Патона АН УССР разработал и внедрил в производство многие способы сварки металлов, их применение дало стране сотни миллионов рублей экономии. Так же огромен экономический эффект от внедрения работ этого института в области спецэлектрометаллургии.

Называя исследования, которые дают большой экономический эффект, нельзя не упомянуть работы Института газа АН УССР. В результате применения газа в мартеновских печах производительность труда металлургов возросла на 10—12 процентов, а потери металла при плавке сведены до минимума. Теперь пристальное внимание ученых направлено на решение таких проблем, как получение на основе природного газа исходных продуктов для производства разнообразных полимерных материалов, а также водорода. Это позволит решить проблему синтеза аммиака — основного продукта азотных удобрений.

Большие преимущества имеет оригинальный метод получения алюминия из украинских нефелинов. Этот метод разработали и внедряют в производство Институт общей и неорганической химии АН УССР вместе с Институтом газа АН УССР и Сумским химическим комбинатом.

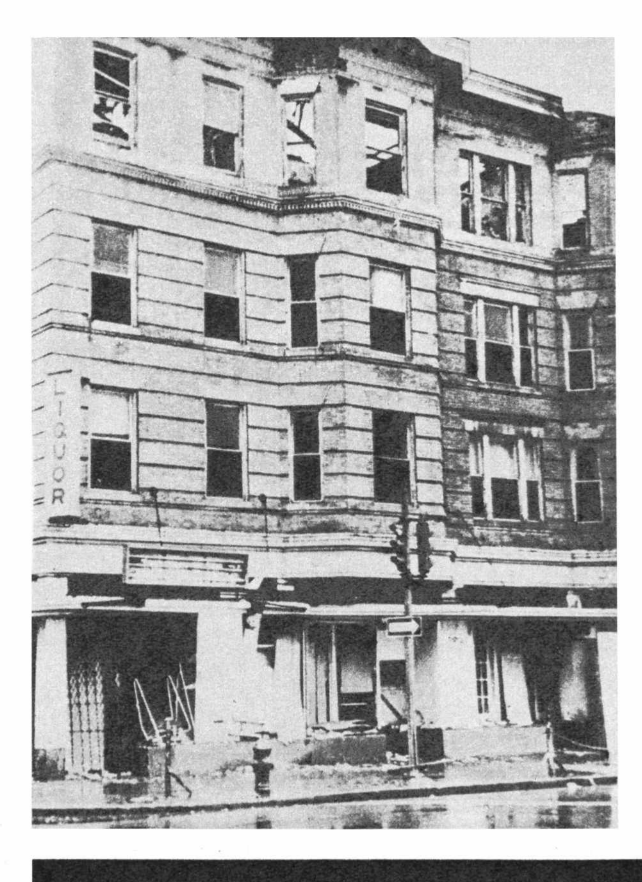
Трудно перечислить даже наиболее крупные достижения ученых Академии наук УССР, которые внедрены и дают большой экономический эффект. Это работы ордена Ленина Института кибернетики: создание и внедрение новых систем управления, расчеты наилучших вариантов перевозок и прокладки трубопроводов. Это исследования ученых Института коллоидной химии и химии воды в области технологии бурения. Это предложения Института экономики, внедренные на Львовском телевизионном заводе.

Высокая степень завершенности научно-исследовательских работ, их комплексность позволяют коллективам Академии наук УССР в кратчайшие сроки реализовывать свои научные достижения с большим технико-экономическим эффектом.

Академия наук УССР — высшее научное учреждение, объединяющее наиболее выдающихся ученых республики. В ее создании проявилась великая забота Коммунистической партии и Советского правительства о развитии украинской национальной культуры и науки, об использовании научных достижений на благо народа. Большую помощь в развитии науки на Украине оказала и оказывает Академия наук СССР, ведущие ученые всей нашей страны. Основание Академии наук УССР — лишь один в ряду многочисленных конкретных примеров воплощения в жизнь ленинских принципов национальной политики.

Украинские ученые всегда были вместе с народом — в годы бурного строительства фундамента социализма, в годину тяжелых испытаний войны, в период развернутого строительства коммунизма. Они сегодня принимают активное участие в осуществлении грандиозных планов хозяйственного строительства, в обеспечении научно-технического и социального прогресса нашего общества.

Юрий ЖУКОВ

Ничто не изменилось на знаменитой 14-й улице Вашингтона с весны 1968 года, когда запылало гетто американской столицы. Никаких строительных работ, ничего... Все остается без изменений.

Фото автора.

2. БРЕДНИ „АМЕРИКИ" И ПРАВДА УОТТСА

Разговор о равенстве и о праве бороться за него

Может быть, в Вашингтоне мне возразят: да, мы не скрываем, что неграм в США пока еще живется плохо, но их уже уравняли в правах с белыми, и теперь все зависит от них самих — ведь каждый сам кует ключи своего счастья! Ну что ж, посмотрим, как осуществляется на практике это равенство. Возьмем для примера наиболее легко осуществимое — теоретически провозглашенное право детей негров учиться в школах вместе с детьми белых.

Уже более десяти лет прошло с тех пор, как федеральным законом была отменена сегрегация (разделение по цвету кожи) в школах. Но только шесть штатов на Юге подчинились этому закону. И даже в этих шести штатах менее 60 процентов школ имеют классы смешанного обучения. В Южной Каролине лишь 11 (одиннадцать!) из 265 тысяч (двухсот шестидесяти пяти тысяч!) чернокожих школьников сидят в классах вместе с белыми сверстниками. Во Флориде — две тысячи из 225 тысяч. В Луизиане — сто тридцать семь из 301 тысячи. В Миссисипи — ни одного!

Стало быть, негр все еще познает дискриминацию уже в самом раннем возрасте. С годами он ощущает ее все болезненнее. Член руководства Коммунистической партии США Джеймс Джексон рассказывал мне: в США принято делить рабочих на тех, кто ходит «в белых воротничках», то есть квалифицированных, и тех, кто носит «голубые воротнички», то есть неквалифицированных и полуквалифицированных. Так вот: половина белых рабочих — это «белые воротнички», а четыре пятых чернокожих пролетариев — «голубые». Если обратиться к профессиональным служащим и к людям средних классов, то среди них негры составляют менее пяти процентов. Среди фермеров лишь семь процентов — чернокожие.

Где же негры?

В гетто. В городских трущобах. На самой грязной и плохо оплачиваемой работе. Либо на случайных заработках: подай, принеси, унеси — день проработай, неделю шляйся без дела. Либо вовсе без всякой работы — месяцы, годы...

Посмотрим теперь, как выглядит равенство черных с белыми США среди тех, кого именуют лицами, занимающими выборные должности. Ведь юридически негры теперь имеют равное право на эти посты: один человек — один голос...

Я уже упоминал, что негры составляют сейчас уже двенадцать процентов населения США. Следовательно, если руководствоваться законом формальной логики, они вправе ожидать, что хотя бы каждое десятое должностное лицо, пришедшее к руководству в результате выборов, будет чернокожим. А как на самом деле? Вот о чем свидетельствует статистика — я руководствуюсь данными, обнародованными вашингтонским корреспондентом французской газеты «Монд» 2 апреля 1969 года: из 520 тысяч лиц, занимающих в США выборные посты, только немногим более восьмисот — негры. Это составляет лишь 0,15 процента!

См. «Огонек» № 20.

Летом 1967 года президент Джонсон в предвидении избирательной кампании назначил комиссию под руководством губернатора штата Иллинойс Отто Кернера, чтобы расследовать и обнародовать причины бунтов в гетто. Доклад этой комиссии был опубликован 1 марта 1968 года. Он разошелся огромным тиражом — два миллиона экземпляров. Его цитировали сенаторы и деятели соперничающих партий. О нем писали в газетах, говорили на митингах.

Авторы доклада признавали, что равенства нет, осуждали белый расизм и предлагали множество разных мер, чтобы помочь ликвидировать негритянскую проблему. Неграм обещали (в который раз!) подвергнуть реформе систему благотворительной помощи, предоставить работу каждому, кто в состоянии работать, уничтожить дискриминацию. Была и такая, весьма многозначительная рекомендация: полиция должна использовать «более утонченную и гуманную (!) технику» при подавлении бунтов.

Комиссию распустили. Выборы прошли. О докладе Кернера забыли. И вдруг в начале 1969 года некоторым деятелям пришло в голову проверить, что изменилось за год. Под покровительством сенатора-демократа Фреда Гарриса два частных фонда провели новое обследование, и вот 23 февраля газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала пространное сообщение под такими заголовками:

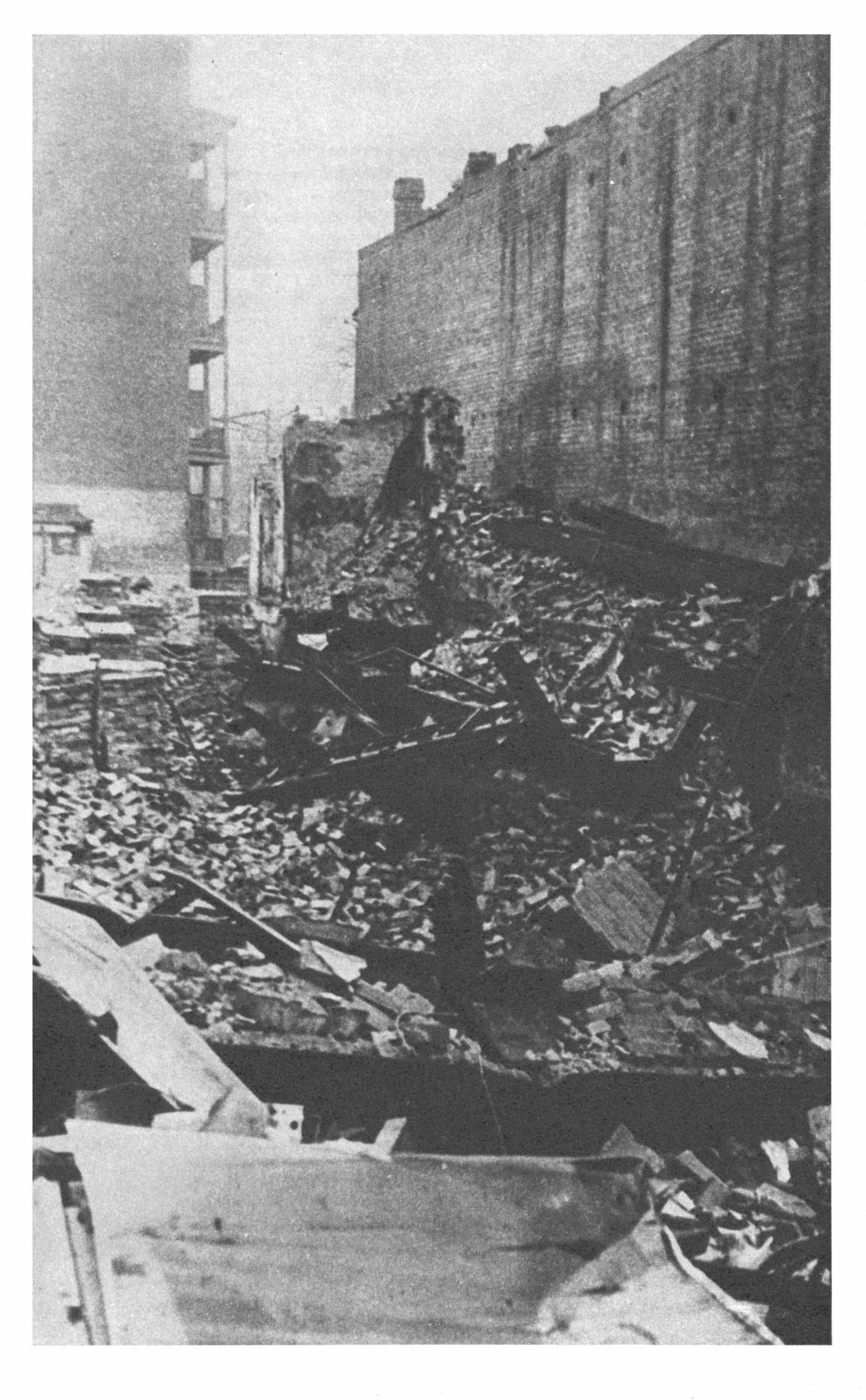
> Соединенные Штаты приблизились еще на год к расколу страны на два общества
>
> В докладе частных организаций сообщается, что разделение и неравенство рас усилились
>
> Поддерживают выводы доклада комиссии Кернера
>
> Предупреждение, которое было сделано в марте прошлого года, справедливо
>
> Опасность нового усиления беспорядков.

Обследованием установлено, что, пожалуй, наиболее эффективным оказался совет прошлогодней комиссии Кернера — применять «более утонченную» технику подавления бунтов. Начальник полиции скандально знаменитого своими расовыми преследованиями города Атланта Герберт Дженкинс, например, заявил, что он сделал «все, что было в его власти», дабы осуществить этот совет.

«Однако подавляющее большинство рекомендаций комиссии,— констатировала «Нью-Йорк таймс»,— от реформы благотворительной помощи до предоставления работы каждому, кто в состоянии работать, не было реализовано». И новая комиссия в своем докладе, озаглавленном «Год спустя», записала: «Мы еще на год приблизились к разъединению нации на две общины — белую и черную, еще более разделенные и еще менее равные... Нация в своем пренебрежении (к расовой проблеме.— **Ю. Ж.**), возможно, сеет семена беспрецедентных беспорядков и раскола в будущем».

Вот так-то, господа из журнала «Америка», слышите? И вы после всего этого осмеливаетесь заявлять, что «бунты негров вспыхивают там, где создаются сравнительно справедливые условия жизни»? Вам бы пожить в Уоттсе на положении тех, кому, как вы выражаетесь, созданы «сравнительно справедливые условия существования», что бы вы запели тогда?

Но хватит об этом,— давайте теперь разберемся в вопросе о том, что эти господа именуют «агрессивностью негров».

...Длительное время среди негров Соединенных Штатов была популярна идея борьбы с помощью «ненасильственных действий». Сотни лет негры здесь были рабами белых, сотни лет всякое их поползновение напомнить своим безжалостным хозяевам, что и чернокожие — люди, кончалось зверской расправой, и матери пели, склонившись над колыбелями детей: ради бога, не поднимай руки на хозяина, лучше попытайся уговорить его стать добрее. Но шли десятилетия, шли века, жизнь угнетенных негров становилась все невыносимее, и мысль об организованном сопротивлении угнетателям чаще и чаще зарождалась в гетто.

Потом все же началась борьба. Сначала пассивная, робкая. С оглядкой. Моления. Петиции. Шествия с церковными песнопениями. Стало популярным выражение «ненасильственные действия», занесенное сюда из далекой Индии. Во главе таких действий выступали духовные наставники негров — священники и прежде всего популярнейший пастор Мартин Лютер Кинг из Джорджии. Это он произнес в памятный день 28 августа 1963 года в Вашингтоне, где проходила мощная, опять-таки ненасильственная, демонстрация, знаменитую речь, которую теперь знают наизусть миллионы негров:

— У меня есть мечта...

Я мечтаю, что в один прекрасный день на наших холмах Джорджии усядутся рядом за столом дружбы сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев.

Я мечтаю о том дне, когда даже штат Миссисипи, ныне задыхающийся от несправедливости и угнетения, превратится в оазис свободы и правопорядка.

Я мечтаю о том дне, когда четверо моих ребятишек будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету кожи, а по их достоинствам.

Это наши надежды. И я возвращаюсь на Юг, убежденный в том, что нам удастся зачерпнуть в этом океане отчаяния каплю надежды...

Благородный и немного наивный мечтатель не дожил до осуществления своей страстной мечты. Холодный океан отчаяния, о котором он с такой горечью сказал, покидая Вашингтон, сомкнулся над его головой; ему было суждено прожить после этой речи меньше пяти лет. Белые расисты уже отлили для него пулю, и наемный убийца всадил ее в голову пастору, мечтавшему о равенстве и дружбе детей рабов и детей рабовладельцев. На его могиле высечены полные внутреннего трагизма слова: «Свободен, наконец...»

Гибель Мартина Лютера Кинга потрясла Америку. Его собратья по гетто пережили страшный шок. В кинофильме Жюля Дассэна «Тугой узел», посвященном неразрешимой в условиях капиталистического строя расовой проблеме, я видел волнующие кадры: негры Кливленда смотрят по телевидению похороны Кинга и слушают передаваемую на всю страну знаменитую вашингтонскую речь убитого пастора: «У меня есть мечта...». Их охватывает смешанное чувство неизбывной тоски и горячего гнева. И они решают: с методом «ненасильственной борьбы» надо кончать; теперь действия и только действия; на насилие негры будут отвечать насилием! И вот уже они хватаются за оружие.

Это все не выдумано, это почти документально. Один из новых, более молодых вожаков негритянских бунтов, Элдридж Кливер, о котором я подробнее расскажу дальше, так и написал в статье, которую тогда напечатал журнал «Рэмпартс»: «Теперь мы будем свободно, без всяких предрассудков, использовать в Америке винтовку и бомбу, динамит и нож. Мы пустим кровь Америке. Америка будет страдать». И в том же Кливленде, как и в других городах, с новой силой вспыхнули ожесточенные бунты.

Коль скоро речь зашла о нашумевшем в Америке фильме «Тугой узел», скажу сразу же, что он вызвал острые споры среди негров, и споры эти, конечно же, касались не художественной формы фильма, а его политического содержания. Мне трудно судить, чем руководствовался Дассэн, берясь за эту острую тему. Скорее всего им руководили добрые намерения. Это честный деятель кино, и именно поэтому он подвергался в пятидесятых годах преследованиям со стороны недоброй памяти «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» Джозефа Маккарти; он даже был вынужден на время покинуть Америку и эмигрировать в Европу. Дассэн правдиво и беспощадно изобразил нищету и безысходность гетто Кливленда. Но — то ли в силу недостаточного знания сущности негритянской борьбы, то ли из-за политической неопытности — он не сумел показать во всей полноте и разнообразии суть этой борьбы и ее перспективы и тем самым глубоко разочаровал ее участников.

Я беседовал со многими негритянскими деятелями об этом фильме, и почти все они критически отзывались о работе Дассэна. Их коробил полемически заостренный показ внутренних раздоров и сумятицы в их движении: сторонники «ненасильственных действий» в фильме показаны как растерявшиеся, нерешительные люди, чуть ли не как коллаборационисты; активисты, выступающие за вооруженную самооборону от зверствующей расистской полиции, изображены в виде злостных заговорщиков, которые чинят кровавые расправы; и даже главному герою фильма — старому рабочему-негру приданы отталкивающие черты: он спивается, начинает сотрудничать с полицией, выдает ей своих друзей.

— Мы не аплодировали этому фильму,— сухо сказал мне архитектор Гофф, о встрече с которым я рассказывал выше.— Хотя в нем и показана наша борьба, но он, в сущности, убеждает зрителя в ее обреченности и тем самым оправдывает бездействие многих негров...

Но какова же подлинная картина негритянской борьбы сегодня?

Мой спутник по поездке в Уоттс, тихий и старательный деятель религиозного движения «Друзья на службе общества» Вогл познакомил меня с президентом «Крестового похода братства», такой же религиозной организации негров,— преподобным Уолтером Бримондом. Мы встретились в старинном кирпичном особняке причудливой архитектурной формы, принадлежащем Совету церквей Лос-Анджелеса. Среди каких-то странных каменных барельефов и мозаичных панно собирались люди различных вероисповеданий. Они о чем-то совещались, спорили. Уолтер Бримонд, пожилой негр с усами, бородкой и курчавой седеющей головой, глядел на редкостного в этих краях советского гостя своими усталыми умными глазами и говорил о том, что он понимает те перемены, которые происходят в негритянском движении сегодня.

«Крестовый поход братства» — одна из старейших организаций, ее истоки восходят ко временам рабства: уже тогда негры пытались как-то объединяться, чтобы помогать друг другу. Участники этой организации и сейчас заняты тем же: их заботы — строительство домов для жителей гетто, помощь безработным в прискании работы, обучение подростков. Они не чураются сотрудничества с белыми. «Идет борьба за то, чтобы выжить»,— скромно заметил Бримонд. Тем интереснее мне было узнать, что даже этот деятель с пониманием и сочувствием относится к активным формам негритянского движения, которые сейчас приобретают все более широкое распространение в Соединенных Штатах.

— Я лично не сторонник насилия,— сказал мой собеседник.— Я ненавижу насилие. Но я как негр симпатизирую тем, кто отвечает белым расистам ударом на удар. В этом — противоречие, но вся жизнь соткана из противоречий...

Он задумался и продолжал:

— Черные люди в Америке — жертвы колонизаторов. Нас угнетали веками. Нам вколачивали в головы, что мы неполноценные существа, что мы недочеловеки. Многие из нас смирились с этим, начали думать, что мы и впрямь какая-то грязная, подлая раса, не заслуживающая лучшей участи. И вдруг негр открывает, что быть черным — это прекрасно, а не подло. Что у негров древняя богатая цивилизация, которую отняли у нас расисты. Что наши предки там, в Африке, откуда нас силой привезли сюда, еще три тысячи лет назад создали свой алфавит. И наши люди начинают обретать национальное самосознание. Начинают гордиться тем, что мы афро-американцы,— ведь наши корни и там и здесь — и в Африке и в Америке. Иногда это увлечение приобретает странные формы: кое-кто начинает отрекаться от английского языка и берется изучать суахили, кое-кто отказывается от современной одежды и облачается в африканские наряды — бубу и конга. Но все это в конце концов детские болезни. Главное же — это пробуждение у негра сознания своей полноценности и решимости бороться за свои права...

— А вооруженная борьба?

— Ну что ж,— сказал преподобный Уолтер Бримонд,— угнетенный и преследуемый человек имеет право на самооборону. Вспомните тридцатые годы: когда Гитлер пришел к власти в Германии, люди поднялись на борьбу против него, ибо это было необходимо. Против зла надо бороться активными средствами. Я не хочу утверждать, что в Америке сейчас такая же ситуация, какая была тогда в Германии,— это, конечно, разные вещи. Но если белые расисты первыми поднимают оружие, то черные люди Америки имеют право обороняться...

Микола СЫНГАЕВСКИЙ

Улыбка Ленина

Поэма в девяти фресках

1. ФРЕСКА РЕВОЛЮЦИИ

Сквозь годы тревог,
сквозь столетия бед
пришла к нам улыбка,
в веках не растрачена.
Греми над землей,
справедливый рассвет,
и смейся, о жизнь,
над пустой неудачею!
С парижских окраин
прорвавшись ко мне,
меня Марсельеза,
как ветер, качает.
Ильич улыбается
волжской весне,—
планета
улыбке его отвечает.
Проснитесь, о люди,
и встаньте стеной!
За правду в веках
человечество бьется.
Над миром насилья
и лжи вековой
сама Революция
гневно смеется!

2. ФРЕСКА ОДНОГО ДНЯ

Я расскажу про день обычный
того, чьим светом я согрет...
Своей походкою привычной
входил он утром в кабинет.

Его влекла не жажда власти
к перу,
к бумагам на столе,
а мысль о благе, и о счастье,
и о свободе на земле.

Писал он новые декреты,
слова,
чей смысл неугасим,—
как будто выводил рассветы
простейшим перышком своим.

В его окно влетали зори.
В окне лежала вся страна.
Земная боль,
людское горе
к нему стучались дотемна.

Он видел будущность воочью,
трудился, не жалея сил...
А утомившись,
поздно ночью
он чай на кухне кипятил.

Входил он в память поколений
и каждым жестом звал к борьбе.
Свой день обычный вспомнил Ленин
и улыбнулся сам себе.

3. ФРЕСКА МУЖЕСТВА

Друзья приходили без всяких затей —
улыбкой открытой встречал он друзей.

Враги приходили — широк и суров,
улыбкой лукавой встречал он врагов.

Улыбку он другу в несчастье дарил,
улыбкой врага, как оружьем, разил.

И правда
смеялась
над кривдою
улыбкой
своею
открытою!

Так Ленин смеяться с друзьями умел.
Так Ленин бороться с врагами умел.

Улыбку его сберегите в себе,—
и в дружбе сгодится она и в борьбе.

Работайте так, чтоб улыбка сверкала,
чтоб лжекоролей с их престолов свергала,

чтоб правда
смеялась
над кривдою
улыбкой
своею
открытою!

4. ОТЦОВСКАЯ ФРЕСКА

Глядел он по-отцовски
в глаза детей голодных.
Он знал, что день грядущий
в опорках — перед ним.
Звонил, писал декреты,
чтоб ни один ребенок
от голода не умер
в ту — худшую из зим.

Он говорил, волнуясь
за будущее наше,
и волю государства
он диктовал сполна:
должны отдать мы детям
кусок последний хлеба,
последнюю крупицу
и ласки и пшена!

Пускай весь груз столетий
отцам на плечи ляжет,
пусть будут наши дети
счастливее, чем мы!
И были те декреты
не подписью как будто,
а доброю, отцовской
улыбкой скреплены.

5. НОВОГОДНЯЯ ФРЕСКА

Про новогодний вечер
пойдет наш разговор.
На елку как-то в Горках
был приглашен Ильич.

В огромном светлом зале
щебечет детвора.
И Ленин улыбается,
с детей не сводит глаз.

Стоит он, чуть смущенный,
и слушает детей,
и вспоминает детство —
отчизну всех легенд.

Но нелегко добраться
за Волгу, в дивокрай.
Снегами вьюга белая
дороги замела.

И дед-мороз не выйдет
и в лес не поведет,
и пирожок душистый
лиса не испечет.

В зеленых искрах елки
задумался Ильич,
головки гладит русые,
смешинки раздает.

6. ВИШНЕВАЯ ФРЕСКА

Засыпала осень тропинки лесные,
с земли подняла журавлей косяки.
По грустным дорогам осенней России
из Глухова в Горки пришли ходоки.

Домашние прятали скорбные лица.
Был болен Ильич.
Ждал каких-то вестей.
Пришли ходоки с Ильичем поделиться
своими успехами, болью своей.

Листва золотая в окне проносилась.
Тревожными были прогнозы врача.
Но дверь растворилась —
и все озарилось
с порога улыбкою Ильича.

Смущенье прошло, и никто себя лишним
тогда не почувствовал — был на виду...
Беседуя с Лениным, в сад они вышли,
и в дар Ильичу привезенные вишни
посажены были гостями в саду.

Работали дружно,
шутили немало,
и саженцы все, как один, принялись,
и легче на сердце у Ленина стало:
— Спасибо за вишни!
Прекрасный сюрприз!

Синица на ветке поет,
умываясь,
рассвет над землею —
как радостный клич.
И, глуховским вишням в окно улыбаясь,
обычный свой день начинает Ильич.

7. ДЕТСКАЯ ФРЕСКА

С улыбкою Ленина
солнце взошло,
и обнял всю землю
живительный свет...

А после
в зеленое наше село
то самое солнце
пришло на обед.

Смеялась, встречая его,
детвора,
и стол деревенский
накрыт был для всех.
Ну, что ж, нагулялись —
обедать пора!
Пусть солнечным зайчиком
прыгает смех!

Беседа была за столом
горяча...
А девочка крошечная одна
сидела и думала
про Ильича,
которого видела
в Смольном она.

Давно это было, ребята,
давно,
и солнце с той встречи
всходило не раз.
Вы видели девочку эту
в кино?
Она председатель
в колхозе у нас.

8. ФРЕСКА-ВЕСНЯНКА

В небе солнышко
пироги пекло.
Мы покликали,
чтобы к нам пришло.

Не гордилося,
не скупилося,
усмехнулося
и явилося.

С медом-солодом
пироги несло.
Одаряло нас,
как на праздник, шло.

Все, что есть у нас,
все до зернышка,
все — от Ленина,
все — от солнышка.

Светит солнышко,
ходит парками,
одаряет нас
всех подарками.

Подружилося
с песней юною...
Будем с ним
одной
жить коммуною!

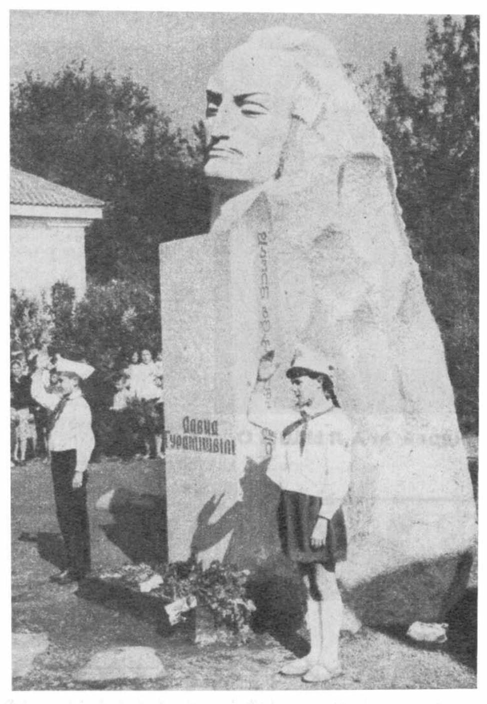
9. ФРЕСКА ЛЮДСКИХ НАДЕЖД

Улыбка Ленина —
земные рассветы.
Улыбка Ленина —
гордое знамя.
Улыбка Ленина —
цвет планеты.
Улыбка Ленина —
вечно с нами!

С улыбкой Ленина
стройте, дерзайте,
растите хлеб,
играйте на скрипке!
Улыбку Ленина
всем раздайте —
хватит на всех
этой улыбки!

Авторизованный перевод с украинского Льва Смирнова.

«Муж и воин зело достойный»

Открытие памятника Давиду Гурамишвили в Миргороде.
Фото И. Яицкого.

Он был великим грузинским поэтом, русским воином и украинским земледельцем. Шестнадцати лет юный Давид Гурамишвили попал в плен к лезгинам, бежал, перебрался через границу, в Россию... И до конца своих дней он так и не увидел родной Грузии. Но он всегда был сердцем с нею, скорбя по ней и воспевая ее.

Давид Гурамишвили провел полжизни в седле. Став воином русской армии, он участвовал во многих сражениях. Рубился с турецкими янычарами у стен Хотина, дрался со шведами, был не единожды в баталиях в Пруссии...

В пору нечасто возникавшего затишья, перемирия Давид Гурамишвили возвращался в Миргород, к тихой речушке Хорол. Украинская земля стала ему второй родиной. Здесь его ждала из походов жена Татьяна. Здесь он, сняв саблю, любил пройтись с косарями по ниве. Здесь, в Миргороде, создавал свои бессмертные творения — «Давитиани», «Веселую весну» и прекрасные стихи, согретые ветрами Грузии и излучавшие аромат украинских лугов и дубрав. «Зубовка», одно из его стихотворений, названное по имени села на Миргородщине, стало на Полтавщине народной песней.

Отставной поручик грузинского гусарского полка князь Давид Егоров сын Гурамов, как свидетельствует перепись 1782 года, к тому времени уже безвыездно проживал в Миргородском уезде в возрасте 76 лет. В боях он был изранен, но дожил до глубокой старости. Его похоронили в Миргороде, возле Успенской церкви, с почестями, «сего мужа и воина зело достойного».

Грузия долго не знала о жизни и подвигах славного своего сына, хотя его «Давитиани» давно пополнила сокровищницу народа. Для историков, литературоведов личность автора поэмы оставалась загадочной. Сведения о нем собирались по крупицам. Большую работу проделал украинский писатель Дмитро Косарик. Еще до войны, в конце тридцатых годов, он разыскал в архивах ценнейшие документы, открывавшие неизвестные дотоле страницы необыкновенной биографии великого грузина. С помощью миргородцев нашел он и могилу поэта.

Недавно в Миргород, где все считают Давида Гурамишвили своим земляком, приехали писатели Грузии, участники декады грузинской литературы на Украине: город открывал памятник автору «Давитиани» и его музей. Улицы Миргорода заполнили тысячи людей, пришедших поклониться певцу и воину, имя которого стало символом дружбы двух народов так же, как и имя Леси Украинки, великой поэтессы, покоящейся в грузинской земле.

О добрых делах людей, о памятных событиях, сближавших и роднивших народы-братья, о духовной общности культур Грузии и Украины, о том, как в наше советское время расцвели взаимная любовь и уважение внуков Кобзаря и потомков Шота Руставели, сказали сердечные слова у памятника Давиду Гурамишвили заместитель Председателя Совета Министров Украинской ССР П. Т. Тронько, писатели Иосиф Нонешвили, Олесь Гончар, колхозница Тамара Оленич, переводчик «Давитиани» на украинский поэт-академик Микола Бажан, секретарь Миргородского райкома партии И. В. Шевченко...

Гости из Грузии — писатели Реваз Маргиани, Джансул Чарквиани, Георгий Цицишвили, Иосиф Нонешвили, Георгий Маргвелашвили — посетили Зубовку, воспетую поэтом.

А. СТАСЬ, собкор «Огонька»

РОДИНА ВСЕГДА В СЕРДЦЕ

Кадр из фильма «Падающий иней».

Его зовут Ганс. Он высокий блондин, с глазами цвета холодной стали. Человек, не умеющий смеяться. Один во всем мире.

Чужой, никому не нужный, Ганс крепко сжимает скулы, поднимается на ноги и идет дальше... Всегда идет дальше!.. Таким мы видим героя в начале нового фильма Киевской киностудии имени Довженко «Падающий иней», крупно, значительно сыгранного артистом Степаном Олексенко.

Только в болезненном бреду возвращается к Гансу давно забытое видение. «Ратуйте, баба Настя!» — кричит он запекшимися от жара губами... И эти несколько украинских слов, пересказанные ему потом любимой женщиной, не дают человеку покоя. Он с Украины! У него есть родина!.. Он помнит ее!..

Постепенно возникают в памяти неясные еще очертания снов: ...автоматная очередь сбивает с деревьев иней... падает, падает иней по родной земле... И бездомный бродяга, искавший по свету «свой угол», обретает цель — ему надо вернуться на родину, она зовет его, он ясно чувствует этот зов!..

Писатель К. Кудиевский рассказывает о своем герое будто бы совсем немного. Только два эпизода: в первом — его бросают моряки, безжалостно ссадившие больного бродягу, не ведающего рода-племени, с корабля на берег у безвестного морского поселка... И второй эпизод. Встреча с Сильваной — молодой рыбачкой, вдовой с маленьким сыном на руках... Встреча, которая перевернула всю его жизнь, научила любви... В работе, в простом и ласковом внимании отогрелось одинокое человеческое сердце. Да только неполно, призрачно, обманчиво счастье на чужой стороне: нет человеку ни покоя, ни счастья без родины.

Теперь, когда человек знает, где его родина, он снова поднимается и снова идет вперед, теперь уже точно зная дорогу, зная, что он не бродяга!

Сильвана и ее сынишка снова остались беззащитными. Но почему же не возникает ощущения печального конца? Почему предвидишь продолжение истории? Почему удаляющийся силуэт Ганса не исчезает из памяти?.. Кажется, что он еще вернется сюда, к своей любимой, вернется борцом за права бедных рыбаков, приютивших его, показавших ему путь к родине.

Режиссер В. Ивченко, оператор А. Прокопенко, художник М. Юферов, отличные артисты Степан Олексенко и Нелли Мышкова, играющие главные роли, делают очень убедительной эту скрытую, но сильно выраженную, оптимистическую мысль финала.

Н. ЗЫБИНА

Андрей МАЛЫШКО

ЛИРИКА РОДНЫХ ПРОСТОРОВ

РОДИНА

Здесь в каждом камне высечен завет,
И каждый листик кланяется лету.
А ты приходишь, повидавши свет,
В края родные с лаской и приветом,
Где обелиски легендарных лет
Стоят, росистой зеленью одеты,
И огоньков домашних легкий рой
Ты не сравнишь с рекламной кутерьмой.

Здесь если песня — то на все просторы,
В ней буйства взлет и тихие лады,
Здесь дуб растет, корявый, темнокорый,
Вобрал гранит его корней следы.
А смех девчат, а ясные их взоры
С огнями счастья в омутах беды,
И синь воды под я́воровым царством —
Душе поэта лучшее лекарство.

Не откажись от слова за столом,
Ночь в разговоре проведи толковом
И с дедом бронзовым и с кузнецом,
Они приправят чарку мудрым словом,
И девушки попотчуют винцом,
И хлеб цветком украсят темнобровым,
И с тихой грустью здесь же, пред тобой,
Заплачет скрипка золотой пчелой...

МОЙ КРАЙ

Из тех я мест, где за Днепром курганы,
Мятежных дней тысячелетний слой,
Где бунчуки и кости давних ханов
Землей покрыты черной и седой.

А в наши дни фашистскою ордой
Нанесены земле и людям раны.
Враги разбиты силой молодой.
Крик воронья над ними да туманы.

Так повелось у нас: единым духом
Меч сокрушить и в поле встать за плугом,
Как дуб, с корней налиться силой вновь,
И дальше в путь, расправив грудь и плечи.

...Растить детей в шелку родимой речи,
В краю, где труд, и солнце, и любовь.

ОСЕНЬ

От помидоров горизонт багрян,
Сок за́лил красным дремлющие долы,
В давильнях масса красного рассола,
В дубовых бочках спит густой туман;

От помидоров, как от свежих ран,
Лоснится тропка. День ушел за села,
Обрызганный червонностью, и голо
Свистит ветров холодный караван.

И все краснеет: листья, небеса,
Костры сухие, буйная роса
На седоватых травах у дороги.

Потухло солнце красное — пора,
И месяц греет руки у костра,
Червонным золотом укрывши перелоги.

КОНИ

Стоят печально, шеи опустили
Под дождиком в притихшем табуне.
Из века в век соху и плуг тащили,
Весь мир купали в золотом зерне.
Им слышатся и сабельные были,
И реквием, и марши на войне.
О кони... ныне среди летней нивы
Им конский бог не заплетает гривы.

Лимит на лошадей теперь на свете,—
Так есть у рек бетонные тиски.
К ним в карих снах ракиты клонят ветви
На раны давние, на шле́и и плуги.

ГАЛЬ ПИВА

Леонид ПАСТУШЕНКО

Рассказ

Рисунок В. ЮДИНА.

Им горсть овса сыпнут, играя, дети,
И ждут подковы, что спадет с ноги.
А в небе ловят взглядами все чаще
Тела машин бесхвостых и блестящих.

Выходят Святогоры и Микулы
Своих сынов из космоса встречать
И, вслушиваясь в новую осанну,
Стоят в рубахах, кстати, из лавсана.

И душа коснулась неба, с края,
Стала птицей. Чистой, как слеза.
...На Днепре, Ятрани, на Дунае
Белы росы выткала гроза.

ПОЛЫНЬ

В степи былинной где-то кони мчат,
В степи полынной лебеди кричат,

И свист стрелы, пронзительный и злой,
Полынь-трава, ты слышишь над собой.

А ты встаешь из-под крутых копыт,
Свой стойкий дух, как иллюзорный щит,

Вновь обретаешь — богатырь былинный,
Ты дерзкий куст, мой горький куст полынный!

Пыль радиаций каплями смертей
Летит и гибнет у твоих корней,

Не вянешь ты под тучами осенними
В степи былинной, ветрами засеянной.

Как часовой, стоишь ты в холод, в зной
Могучим цветом седины земной!

ДОРОГА

Дорогой этой горе шло людское,
Брели века к неведомой мечте,
По ней прошли плебей, и князь, и воин,
Согбенно в кривде, гордо в правоте.
Где пампы даль и небо голубое,
Легли руины в темной наготе.
Там в речь вошли гранит и звук напевный,
И красный стяг, и скифов ветер древний.

Отбушевали, отгремели гулы,
В степях былинных кречеты кричат,
И на щиты, кольчуги и фибулы
Легла веков тяжелая печать...

ПРАВДА

Меня когда-то так учила мать:
— Как вырастешь, дитя мое родное,
Ты
мудрым и правдивым
в жизни будь!
Скупых два слова.
Два нелегких слова.
У мудрости
свои законы есть:
Цветенье, взлет, непроходимость чащи.
Познай и каплю,
и движенье звезд,
Зерно и камень, и простор Вселенной.
А правда лишь одна —
она колюча,
Горька,
жестока. И порой в беде,
Будь мужественным, защити ее,
Казни себя и сердце рви на части,
Колени в кровь сбивай,
Упавши, встань,
И вновь иди, и вновь ищи ее.
А проклянут лукавые — не сетуй.
Друзья тебя покинут — что ж, пустое,
Родные бросят одного — терпи!
Не бойся смерти — грудью встань за правду.
Ох, нелегки
два слова!
Нелегки!

ПЕЙЗАЖ

Не темней, не бейся в ранней рани,
Не клонись, как нива и лоза.
На Днепре, Дунае и Ятрани
Всюду росы выткала гроза.

ВОРОН

Сегодня март опять верстает
Дорогу в детскую страну,
И ворон крыльями цепляет
Весны медвяную струну.

Смотри, о камень не споткнись,
И с вороном не подружись.

Не ищет дружбы он с тобою,
Отшельником привыкший жить,
С ним рядом сердце молодое
Под когтем все в крови лежит.

С ним не делись, его не слушай,
Он все захватит, все возьмет,
Подстережет тебя и душу
И взор твой чистый расклюет.

У ЛЮДСКОЙ СТЕНЫ

С хлебом присоленным, с гулом войны,
С душою птицы над вьюжной степью
Остановлюсь
у людской стены,
К ней прикую себя кованой цепью.
Я прикую себя к людям сам —
Радостью,
болью в горниле горенья,
Чтобы в дороге кому-нибудь там
Из глаз моих пролилóсь озаренье.
Суровейшей пробы литую печать
Поставлю на слово, на все работы,
И станет солнце вёсны встречать
На звеньях железных, без позолоты.

Перевел с украинского
Юрий Саенко.

БА

Молодой украинский писатель Леонид Трофимович Пастушенко родился 5 декабря 1936 года в с. Говоры на Подолии, в семье учителя. По окончании в 1958 году Винницкого пединститута работает в редакции областной газеты «Комсомольское племя».

Выступал со стихами, рассказами и очерками как в областных, так и в республиканских газетах и журналах.

В 1968 году вышла первая книжка Леонида Пастушенко «Трое против одного» о нашей молодежи. За одноименную повесть и ряд новелл Винницкий обком комсомола присудил Л. Пастушенко литературную премию имени Н. Трублаини.

Леонид Пастушенко — участник 5-го Всесоюзного совещания молодых писателей.

Говорят, умер Григорка, но я не верю. Я никогда не верю, что кто-то умер...

Выхожу со двора на улицу и иду селом. Стоит бабье лето. Как и всегда в эту пору, улица полна солнечного тепла и света.

«Ты уже приехал?» — спрашивал меня всякий раз Григорка, собирая морщины у глаз. Он мой сосед, и всегда появлялся неожиданно,— я никак не мог постигнуть, откуда,— и говорил это так, будто сомневался, что действительно стою перед ним. Поэтому я молчал, выжидая, что он протянет руку, лишь бы потрогать, я это или нет. Но вот морщины уже убегали из-под глаз, лицо прояснялось, а мое молчание становилось глуповатым, и я вынужден сказать: «Да, приехал». «Ну, так дай закурить». Это была дань, ее он брал с каждого, кто откуда-нибудь возвращался в село. Мужчины, которые часто выезжали, еще издали заметив Григорку, тут же извлекали курево. Он никогда не брал целой пачки, а лишь вынимал из нее грубыми пальцами папиросу и говорил: «Я только попробовать. И не просите, больше не возьму. Разве у меня нет совести?»

Григорка был чудаком. Еще во время оккупации, когда людей угоняли в Германию, он упал со стога и с тех пор стал чудаком. Я не помню, как именно это случилось, потому что, когда мама меня пестовала, люди уже усмехались ему вслед. Я смотрю, с каким смаком Григорка курит папиросу, и мне становится жаль, что не могу получить такого райского удовольствия от этого немудреного занятия.

— Что там в городе, все так же? Асфальт? — спрашивает он, деликатно сплевывая себе под ноги после каждой затяжки.

Я утвердительно киваю головой, не понимая, что он имеет в виду под «все так же». По-моему, Григорка нигде не бывал дальше ближайшей ярмарки. Я ничего не говорю, но знаю, что за время своего ежедневного обхода села он останавливается то у одних, то у других ворот и рассказывает новости, которые я привез.

Без этих обходов нет Григорки. Как только завершит он на полях свои соломенные пирамиды — без него ни разу не начиналось скирдование, потому что, как и где поставить скирду и какие будут дуть зимой ветры, знает только он,— лишь только наступает осень, Григорку снедает тоска. Сперва, когда в каждом селе был свой колхоз, его приглашали к себе и соседи, и он пропадал на чужих полях до самых дождей: не всем удавалось тогда в срок кончать жатву.

Григорка докуривает сигарету, пока она не начинает жечь его губы, затем бросает куцый окурок на сизую землю и осторожно растирает ногой. Я знаю, что́ теперь он у меня спросит, и если я скажу «нет», то знаю, с каким благородно-снисходительным сочувствием взглянет он из-под кустистых бровей, будто я по меньшей мере прозевал случай побывать первым в космосе.

— А, какая теперь жатва! Комбайном раз-два — и нет. Ты никогда не работал на молотилке? — спрашивает он, и я никак не могу понять, забыл ли он, что интересуется у меня этим уже пятый год подряд, или за этим вопросом кроется что-то другое.

Из вежливости он немного стоит со мной, не зная, куда девать свои коричневые от загара руки, что едва вмещаются в карманах («Каким-то маленьким он стал»,— думаю я), и тогда прощается. Я смотрю на его мальчишескую походку и, пока он успевает скрыться за углом, вспоминаю, как рыжеватый Митро, который теперь водит своих геологов где-то в алжирских песках, вызвал меня на эту улицу и сказал: «Хочешь посмотреть, как работает Григорка Кабанчик? Он ударник». Я тогда еще не видел ударников, и мы, прячась от глаз бабуси,— «чтобы

не вернула», — выбираемся из села, идем дорогой вдоль молодого леска и, наконец, за дубняком видим ток и шагаем к нему по стерне. А там, как на ярмарке: люди, кони, горы зерна. Рычит сухоребрый трактор, крутится заплатанный ремень, с нагруженных возов взлетают вверх снопы, где в туче пыли мечется маленький человек в очках. Вот бы мне такие очки! Но Митро толкает меня локтем в бок и кричит над ухом: «Видишь, видишь? Вон где Кабанчик!» Человек ловко хватает снопы, он тоже что-то кричит, но нам не слышно — мы только видим его белые зубы. «Он тут всеми командует. Ударник!» — снова кричит мне в ухо Митро. «Врешь! То не он, — хватаю я его за ухо. — У Кабанчика нет таких белых зубов». «Дурень ты!» — норовит меня ударить Митро, и я убегаю. У Григорки, как и у всех, есть фамилия, но ее никто не знает. Когда-то давно прадеда окрестили Кабанчиком, и теперь Григорка должен носить это прозвище.

Бабье лето... Я люблю эту пору, потому что никогда природа не бывает такой щедрой, как тогда, когда она отдает последнее тепло. И я понимаю осеннюю тоску Григорки, понимаю, почему он не может сидеть в хате и целыми днями торчит то в сельсовете, то в конторе колхоза, то в магазине. Повсюду у него свое пристанище, и он терпеливо ждет случая за кем-то пойти, кому-то что-то передать, от кого-либо что-то услышать, ибо через этот порог, возле которого он ежедневно стоит, поступают новости со всего мира.

Тогда был такой же погожий день, как и этот. Но была весна и цвели сады. Мы с Митро нехотя плелись в школу. На бугре нам повстречался Григорка. Он еще издали улыбался, играя всеми морщинками своего лица, — перед зеркалом и я пробовал так, но не получалось, — когда же мы поравнялись с ним, он схватил нас по одному себе под мышки и закружился по улице.

— Идите домой. Сегодня уроков не будет. Победа!..

Нам не надо было повторять, что уроков не будет. Да и Григорка опять забегал от хаты к хате, возвещая всем новость.

— Не мог ничего лучшего Григорка выдумать? — не поверила мне мама, но прислушалась: все село пело — вдруг, обняв меня, заплакала...

Я переступаю порог и в холодном полусумраке магазина оглядываюсь по сторонам. Да, Григорки здесь нет, и мне становится грустно. Извлекаю из кармана монеты, звякаю ими по мокрому прилавку и нарочито громко говорю нашему продавцу:

— Гальбу [1] пива!

Руки, привычно потянувшиеся к ручке насоса, вздрагивают и на миг замирают. Он молча смотрит и лишь потом приступает к делу. Еще несколько мужчин, которых я не знаю, так как рано ускользнул из дома в большой мир, опустив недопитые кружки, тоже хмуро посматривают на меня. Я понимаю, что в их глазах выгляжу наглецом. Никто теперь не имеет права просить «гальбу пива», потому что так говорил в селе только Григорка. Но моя дерзость не пугает меня. Я тут уже чужой. Пройдет несколько недель, я вновь вернусь в город, и это единственное, что я могу сделать для Григорки — передать его гальбу пива в другие руки, лишь бы она не пустовала, ведь и Григорка не так часто прикладывался к ней.

Я дую на высокую пену и замечаю, что делаю это, как он: струей воздуха прижимаю пену равномерно по всей поверхности до пива, пока она не опустится наполовину, и тогда начинаю пить. Пиво кислое, отдает заплесневелой бочкой, но холодное. Пробую смаковать его, посыпаю края солью, но вижу, что смаковать так, как Григорка, не умею и не научусь.

Григорку, вероятно, мучила жажда, как никого в мире, потому что добирался он до холодной гальбы с трудом.

— Григорка уже собирается на пиво, — говорили в нашей хате, я выбегал на улицу, замечал над воротами веселые лица соседей, и сам посматривал на Кабанчиково подворье.

...Пышнотелая, дебелая Тина с растрепанными волосами быстро и забавно прятала от маленького Григорки свой зад, а он носился вокруг нее, как овод. Все это происходило молча, как в немом кино, только соседи поднимали шум своими советами:

— Стукни ему хоть раз по голове, сумасбродному! — кричали они Тине.

— С такими кулаками и она боится своего карлика!.. Тю, глупая баба! Так ей и надо.

Закрыв глаза, я представлял, как споткнувшись, тетка Тина падала на Григорку, и мне становилось жутко, потому что тогда должны были бы его хоронить. Но Тина даже не пыталась убежать; в ее крепком теле жила унаследованная еще от прабабки покорность мужу и делала ее бессильной перед ним.

— Негде Григорке показать, что он что-то значит, вот и беснуется дома, — вздыхала позади меня мать и кивала на соседей. — Они потешаются, а Тина это поняла, потому и терпит...

Наконец, Григорка уставал браниться и драться, топал ногами и шипел на Тину: «б-брысь, яловка, в хату!» И шел за ней.

Такая злость нападала на Григорку редко. Видно, вспоминались ему и ее веселое девичество, и скупость, и посягание на его свободу: Тина терпеть не могла его осенних хождений по селу. Едва он выскальзывал за ворота, как она вопила на всю улицу: «Григорка-а-а! Куда ты опять потащился?» Домашней работы всегда хватало.

Но больше всего его приводило в ярость то, что Тина не могла принести ему сына.

Выходил он из хаты умытый, причесанный и направлялся к магазину. От глаз к бороде и обратно пробегали удовлетворенные волны морщинок.

— Григорка, за что вы ее ругаете и бьете? — выспрашивали молодки, разочарованные, что зрелище закончилось.

— А! — дергал он резко локтями и ни на кого не смотрел. — Всех вас надо перчить плеткой, чтоб ласковей были...

— Ещу одну гальбу! — говорю снова нарочито громко, выпиваю и любезно прощаюсь с лысым продавцом, который, казалось, готов ударить меня за эту «гальбу» насос по голове.

Это я уже слишком набрался. На улице мне становится нехорошо, будто я напился соды. Ветерок бросает на глаза белый силок бабьего лета, и я сгребаю его холодными пальцами. Немного погодя мне становится легче. Испытываю удовлетворение, что хоть что-нибудь да сделал для Григорки: выпил на его манер две гальбы пива. Прикидываю, сколько дней остается до конца отпуска, и решаю ежедневно ходить к лысому продавцу за Григоркиной гальбой пива. Я знаю, тот лысый позлится, позлится на меня молча, да потом догадается, почему я так делаю, и сам будет говорить всем не «кружка», а «гальба».

После прохлады магазина на солнце особенно жарко. Мне становится душно. Я стараюсь держаться тени, что падает от сараев и деревьев на улицу. У наших ворот натыкаюсь на белоголового мальчонку, который свесил с верхней доски босые ноги.

— Ты чего это сидишь на чужих воротах? Чей ты?

— Я ничей. Я Кабанчик, Григорка... А наши ворота совсем старые.

Я не могу простить себе, что не вспомнил в магазине о малом Григорке. Я невнимательный, как все холостяки. Тина-таки угодила Григорке-старшему.

— А вареники ты любишь? — спрашиваю его, вспоминая обещанный мамой обед. — Слезай, поможешь мне, а то я один не управлюсь.

Григорка проворно убирает из-под моего носа грязные ноги, нащупывает пятой нижнюю доску и вдруг говорит:

— Дяденька, а у вас в волосах запуталось бабье лето, дайте я выберу...

Я захожу во двор, хватаю малыша, усаживаю себе на плечи и чувствую, как его маленькая рука касается моего виска.

Перевела с украинского Е. Балашова-Лысенко.

[1] Halba (польск. разг.) — пивная кружка.

Несется по миру жизнеутверждающий, раздольный танец Украины, покоряя миллионы сердец. География выступлений ансамбля охватывает едва ли не весь земной шар.

Почти на протяжении двух десятилетий Заслуженный ансамбль танца Украинской ССР с неизменным успехом выступает в городах и селах Советской страны, на концертных площадках за рубежом.

Чем же пленяют танцоры Украины? Почему каждое их выступление становится праздником?

Высоко оценивая программу ансамбля, зарубежная пресса называла ее образцом высокого художественного мышления, искусством близким и понятным людям, которое учит любить прекрасное, воспитывает тонкий и совершенный вкус. Прошли века, но сохранено в первозданной свежести творчество народа, его стремление к красоте, бережное отношение к национальной культуре.

Украинский ансамбль танца, руководимый П. Вирским, — единая творческая семья, созданная из самых лучших, самых одаренных исполнителей. Еще вчера они были участниками художественной самодеятельности, демонстрировали свое мастерство в кружках — на заводах, в колхозах, институтах. Теперь, получив профессиональную подготовку, одаренная молодежь поистине показывает чудеса.

С любовью к Советской Родине, к своему народу воплощают артисты свои замыслы; каждый танцор помнит о большой ответственности художника. Ансамбль, изумляющий зрителя, — это коллектив, спаянный одной верой, одними помыслами, одной высокой мечтой: служить человеку, будить в нем добрые чувства, радовать его и возвышать.

Вот почему пламень украинского современного танца так близок простым людям на земле, так согревает их сердца.

Г. БОРИМСКАЯ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Выступает Государственный заслуженный ансамбль танца Украинской ССР. Танец «Тропотянка».

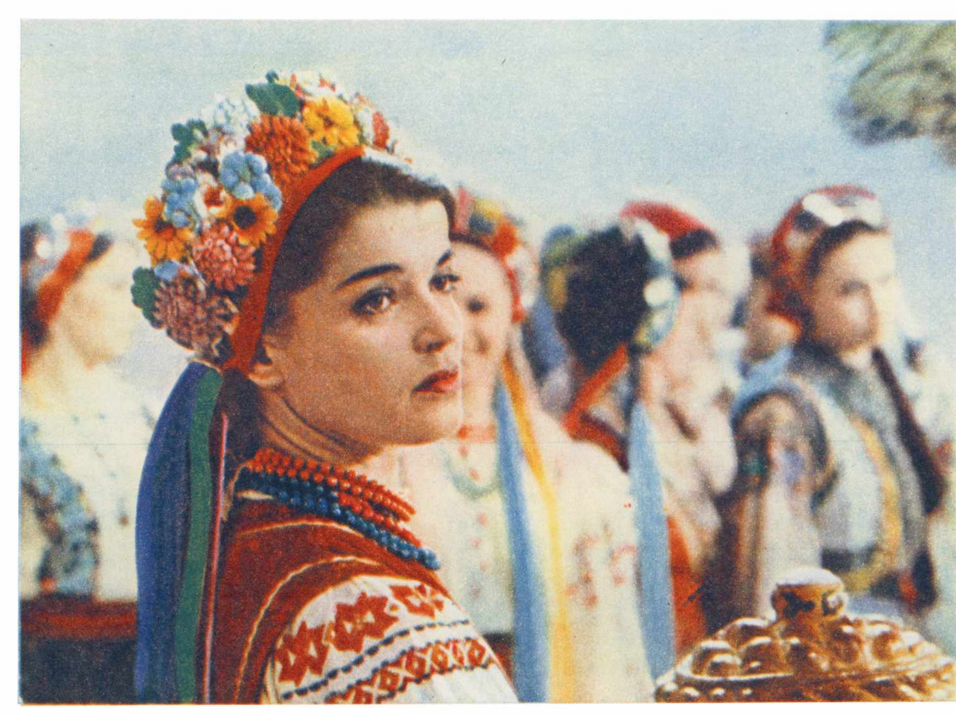
Солистка ансамбля Валентина Таланова (слева).

Хореографическая картинка «Запорожцы».

«Украинский веночек». Солист — Алексей Гомон.

Солистка ансамбля — народная артистка УССР Валерия Котляр.

«Запорожцы».

ТАК ЭТО БЫЛО

НОВЫЙ КОСМИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ СОВЕТСКИХ АВТОМАТИЧЕСКИХ СТАНЦИЙ КОММЕНТИРУЕТ АКАДЕМИК **Л. И. СЕДОВ**

— Оценивая работу систем, связанных с доставкой аппаратов «Венера-5» и «Венера-6» на загадочную планету, часто произносят слово «ювелирная». С чем можно сравнить высокую точность космического выстрела?

— Если прибегнуть к сравнениям, то нужно сказать, что слово «ювелирная» в данном случае носит явно устаревший характер. Такая точность равносильна, пожалуй, тому, как если бы вы с подвижной платформы пытались попасть пылинкой в движущийся с большой скоростью грецкий орех на расстоянии в километр.

— Ну, а то, что касается размеров ореха и пылинки на расстоянии в километр,— это, конечно, лишь образное сравнение?

— Не совсем. Сравнение, приведенное мною, скорей расчетное, чем образно-наглядное.

Подсчитаем. Длина пути, который пришлось преодолеть межпланетному кораблю по трассе Земля — Венера,— 350 миллионов километров. Диаметр планеты, ожидающей научного посетителя,— около двенадцати тысяч километров. Итак, относительная точность — одна тридцатитысячная! Это как раз грецкий орех в тридцать миллиметров на расстоянии тысячи метров! Ну, а сравнительные размеры летательного аппарата и планеты понятны без дальнейших разъяснений...

— Объясните, пожалуйста, почему космическому аппарату, чтобы достигнуть Венеры, надо было преодолеть три с половиной сотни миллионов километров, а минимальное расстояние от Земли до Венеры — всего сорок миллионов километров? Как выбиралась траектория полета к Венере?

— Выбор траекторий и режимов полета межпланетных автоматических станций — задача чрезвычайно ответственная и требует тщательных расчетов. Напомним, что Земля, и Венера, и другие планеты солнечной системы — это, по существу, на современном жаргоне, громадные космические корабли, несущиеся с огромной скоростью по своим орбитам. И чем ближе они расположены к Солнцу, тем больше их линейная скорость движения по орбите. Самая высокая — у Меркурия: 48 километров в секунду. Венера несется со скоростью почти 35, а Земля — около 30 километров в секунду.

Так что к той «собственной» скорости, которую получают при старте с околоземной орбиты автоматы для межпланетных путешествий, «прибавляется» еще скорость вращения Земли вокруг Солнца. И межпланетная автоматическая станция сама становится — правда, чрезвычайно малой — искусственной планетой, движение которой в околосолнечном пространстве подчиняется общим законам движения планет вокруг Солнца. Мы можем воздействовать на эту траекторию, сделать ее приближенно эллиптической. Эллипс этот выбирается таким образом, чтобы он пересекал орбиту Земли и орбиту Венеры в тех местах, где находится Земля в момент запуска и где должна находиться Венера спустя некоторое расчетное время. При этом расчетное время, траектория и скорость запуска выбираются из условий минимальных энергетических затрат.

— Как осуществлялся спуск в атмосфере Венеры?

По командам от программно-временного устройства автомат сам «принимал решения»: управление работой научной аппаратуры и всех систем станции осуществлялось автоматически, по заданной программе. По приказу этого автономного бортового устройства, а также по радиокомандам с Земли велись измерения на трассе полета и передача телеметрической информации, ориентация станции перед спуском и выход в атмосферу.

Со скоростью более одиннадцати километров в секунду аппарат начал погружаться в ее атмосферу. И если орбитальный отсек станции расплавляется и разрушается от нагрева по мере погружения в ее глубины, то отделившийся от станции спускаемый аппарат шарообразной формы снабжен теплозащитным покрытием. Этот «шар» резко тормозится атмосферой. При этом возникают перегрузки порядка 450, а это значит, что каждый килограмм спускаемого аппарата начинает «весить» почти полтонны! Когда перегрузка достигает заданной величины, программно-временное устройство спускаемого аппарата выдает команду на выпуск тормозного парашюта из специальной термостойкой ткани. Аппарат освобождается от него лишь при скорости порядка двести метров в секунду: здесь автоматика выбрасывает в венерианскую атмосферу купол основного парашюта, с помощью которого и осуществляется дальнейшее снижение аппарата. В этот момент с борта аппарата на Землю поступает обширная информация от всех его приборов и датчиков. Так Земля получила сведения о температуре, давлении, плотности атмосферы, ее химическом составе и другие характеристики далекой планеты.

Интервью «Огонька»

ТАЙНА ЗЕМЛИ—НА ДРУГИХ ПЛАНЕТАХ

И. ВОЛГИН, инженер

Сегодня любой школьник знает, что Земля не плоская, что не Солнце вращается вокруг Земли, а Земля послушно вращается вокруг светила вместе с другими планетами и вся эта солнечная система — лишь рядовой житель Вселенной, один из крохотных миров в бесконечности.

Казалось бы, узнали люди место своей планеты во Вселенной — куда еще стремиться им? Знай осваивай свою родную планету!..

Но в том-то и дело, что сегодня мало подобных знаний, если мы хотим действительно улучшить нашу жизнь на Земле. Нужно изучить ее истоки. Этому и помогают космические исследования.

Если бы ученые замкнули свой интерес лишь на единственном экземпляре небесного тела, они навсегда распрощались бы с мечтой отличить закономерное от случайного, общее от индивидуального.

Предполагают, что планеты солнечной системы имеют общее происхождение, что развитие их в результате сгущения из одного и того же «протопланетного» холодного пылевого облака должно было бы подчиняться единым законам. Однако процессы, протекающие на разных планетах, как на поверхности, так и в их недрах, весьма специфичны для каждой из них. Объясняется же это множеством факторов: расстоянием от Солнца, размерами и массой планет, физико-химическим их строением, наличием или отсутствием атмосферы, ее плотностью и составом, температурным режимом, наличием или отсутствием растительного и животного мира.

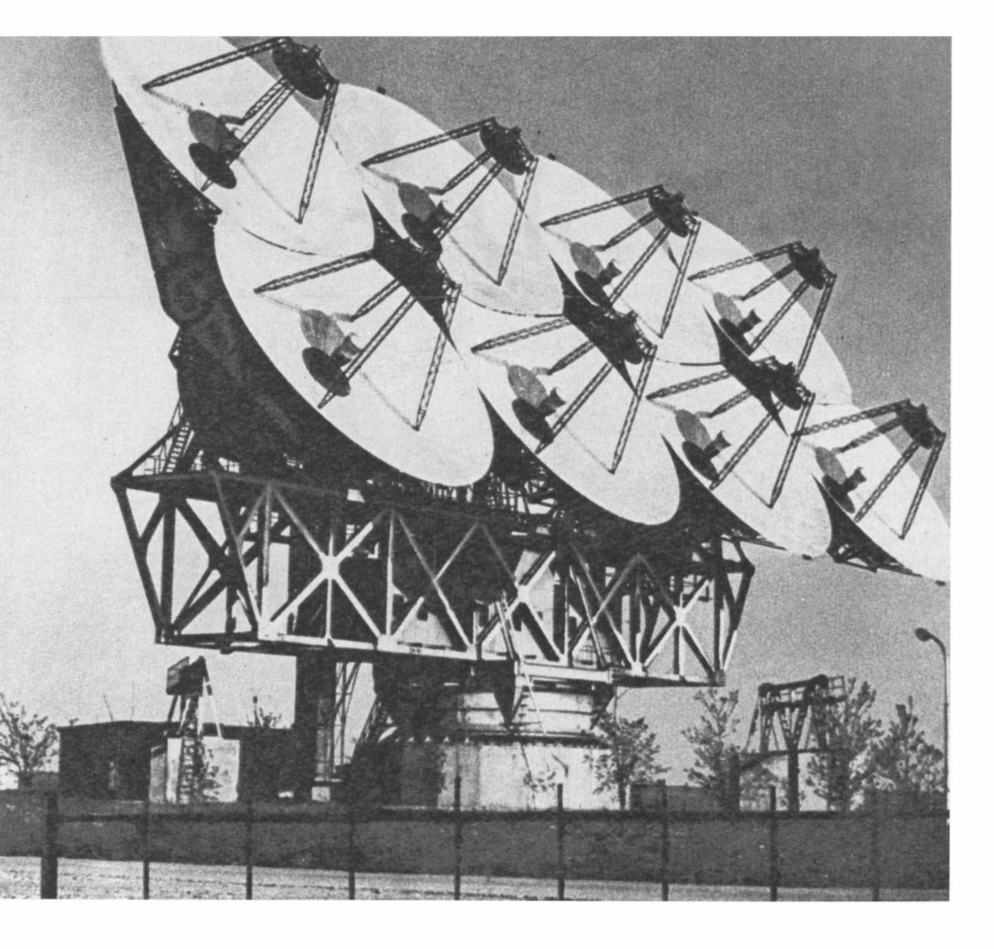
Если на других планетах будут обнаружены качественные различия, можно будет проверить справедливость и такой гипотезы: наша планетная система образовалась неодновременно, из разных «кирпичей». Познакомиться же с состоянием других миров, где многие процессы протекают в иной термодинамической и физико-химической обстановке,— такую возможность может предоставить нам лишь космическая техника. Только космические исследования с визитами научных лабораторий на другие планеты помогут нам трезво оценить существующие космогонические и космологические, геофизические и геологические, биологические и другие концепции, касающиеся происхождения, развития и внутреннего строения Земли.

До сих пор не ясны, например, причины, вызывающие вулканическую деятельность на Земле и землетрясения, образование в земной коре огромных горных систем и гигантских трещин — разломов. Выяснить причины этих явлений и научиться их прогнозировать — что может быть важнее для миллионов жителей Земли, избавления их от нежданных, «стихийных» трагедий!

А такая тайна нашей планеты, как оледенение некоторой части поверхности? Высказываются мнения, что это результат активной вулканической деятельности, которая привела к запыленности атмосферы пепловыми частицами и к образованию мощного облачного покрова, уменьшивших в итоге прозрачность нашей атмосферы для тепловых лучей Солнца. В результате средняя температура поверхности нашей планеты понизилась, и это привело в свое время к увеличению снегового и ледового покрова Земли.

Исследуя характер климата и вулканической деятельности на иных планетах, можно будет выведать у Земли и эту ее тайну. Человеческий разум сумеет изобрести и преграды для возможных следствий на будущее.

Среди многих земных загадок особое место занимает тайна происхождения нефти. Почти общепринятым считается, что нефть на Земле органического происхождения, что она возникла из остатков ископаемых животных и растений. Но некоторые ученые придерживаются и другой, не менее интересной гипотезы, высказанной Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Это гипотеза о неорганическом происхождении нефти, о возникновении ее из неживого вещества. Менделеев считал, что нефть может образовываться в результате реакций, которые идут на большой глубине при высоких температурах и давлениях. Материал

Слушают Венеру...

Фото В. Смирнова.

для этих реакций — углеродистое железо и вода, просачивающаяся в земной поверхности или находящаяся в глубинах земного шара.

До последнего времени среди геологов эта идея не встречала поддержки. Но как тогда объяснить, что с увеличением глубины бурения в последнее время нефть стали обнаруживать не только в осадочных, но и в кристаллических породах фундамента, которые как бы подстилают осадочные толщи и вовсе не содержат органических остатков? Очевидно, что нефти органического происхождения на Луне, например, быть не может. Ну, а если на Венере, Марсе или Луне все же обнаружат нефть — не станет ли это доводом в пользу гипотезы о ее неорганическом происхождении?

Решить этот вопрос важно. И вот почему. Если нефть в недрах Земли возникла еще на заре существования нашей планеты, то вполне возможно, что основные ее запасы находятся на большой глубине от ее поверхности. И если это так, то используемые сегодня месторождения составляют лишь малую долю общих земных запасов нефти. И значит, можно изменить направленность поисковых работ: основное внимание нужно будет сосредоточить тогда на поисках нефти в глубинных зонах нашей планеты.

Вопрос о прошлом и будущем Земли и центра нашей системы — Солнца — тоже ждет своего разрешения.

Если предположить, что Солнце в далеком прошлом было более горячим, чем сейчас, то наиболее благоприятную температуру для развития жизни имели, по-видимому, самые отдаленные планеты Плутон и Нептун. Поверхность же Земли в это время была, вероятно, разогрета до той степени, которая исключала всякую возможность развития на ней жизни. Но по мере того, как яркость Солнца слабела, в более благоприятном температурном режиме оказывались планеты Уран, затем Сатурн, далее Юпитер, Марс и, наконец, Земля.

Кто знает, возможно, вместе с «угасанием» Солнца происходила и смена обитаемости планет? От наиболее удаленных жизнь «переходила» к тем, что расположены ближе к Солнцу? Если такая гипотеза справедлива, то посещение человеком Марса даст возможность установить, что же ожидает нашу Землю в будущем. А исследование Венеры раскроет, какой была наша планета в далеком прошлом. Если же исходить из предположения, что в весьма отдаленное время Солнце было, наоборот, холоднее, чем сейчас, то весь процесс смены обитаемости планет должен был бы протекать в обратном порядке, а именно: от планет, расположенных ближе к Солнцу, к более удаленным от него. И в этом случае человек узнает не меньше, исследуя своих космических соседей — Венеру, Марс. Это поможет ему познать эволюцию своего родного дома, колыбели нашей жизни — Земли.

Большой интерес представляет вопрос о жизни на других небесных телах.

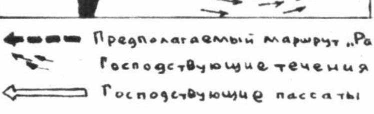
Надо полагать, и приспособление живой материи к условиям существования могло происходить иначе, чем на Земле. Сопоставляя обнаруженные в космосе формы жизни с земной, мы сможем поставить вопрос более широко: как возникает жизнь во Вселенной? И тогда мы либо подтвердим единство законов развития живой материи, либо внесем необходимые коррективы в установившиеся взгляды на величайшую тайну природы. И тот и другой исход будет уточнением знания о происхождении жизни и условий ее эволюции прежде всего на нашей планете.

И еще один вопрос: а не наступит ли такое время, когда люди, израсходовав какие-либо важные полезные ископаемые Земли или обнаружив на планетах что-либо полезное из их материального мира, сочтут необходимым доставлять их оттуда на Землю? Вполне возможно, что на других планетах мы сможем обнаружить весьма редкие на Земле, а вероятно, и вообще неизвестные нам минералы. Основание для таких надежд и предположений — резно различные условия на планетах, которые могли повлиять на соединения элементов, на соотношение их в связанном и свободном виде. Со временем элементы или соединения, которые сейчас у нас чрезвычайно дефицитны, мы сможем получить на небесных телах. «Сегодня кому-нибудь покажется маловероятным, что можно будет перевозить грузы с других планет,— говорил в одном из своих выступлений президент Академии наук СССР академик Мстислав Всеволодович Келдыш.— Но разве в эпоху, когда техника мореплавания стояла на уровне пироги и плота, люди могли представить регулярное сообщение и современный грузооборот между различными материками?»

Многое обещает человечеству изучение Венеры, Марса и других планет. Проводя исследования на расстоянии миллионов километров, мы сможем раскрыть тайны близкой и родной Земли.

В опубликованном «Огоньком» (№ 20 с. г.) интервью Тура Хейердала сообщалось о готовности папирусной лодки «Ра» к плаванию «от египетских пирамид — к Мексике».

МАРШРУТ СКРЫТЫЙ ВЕКАМИ

Г. АНОХИН, кандидат исторических наук

...Пятьсот студентов Каирского института физкультуры на деревянных катках потащили 12-тонную папирусную ладью от подножия пирамиды к автостраде, ведущей в Александрию. Затем судно подхватили трехосные автотрайлеры и повезли к морскому порту. Там лодку принял шведский грузовой пароход и повез к месту старта «Ра» — в марокканский порт Сафи.

Тем временем руководитель экспедиции Тур Хейердал отправился в Северную Италию, где постоянно живет, а члену экспедиции советскому врачу Юрию Александровичу Сенкевичу дал девятидневный отпуск в Москву — для подготовки экспедиционной аптечки и медицинского инструмента.

Но еще до встречи в Москве с Сенкевичем я позвонил в Лайгуэлью, поговорил с Туром Хейердалом.

— Пишут, что я собираюсь проверять мореходные качества лодок из папируса. Они в этом не нуждаются. В Экваториальной Африке папирусное судоходство широко распространено до наших дней, а на озере Чад есть папирусные острова, которые блуждают по водной поверхности водоема. На них располагаются целые деревни с семьями из негритянского племени батума. Папирусные сооружения весьма грузоподъемны — наша ладья «Ра» имеет грузоподъемность сто тонн — и практически непотопляемы.

Главная цель экспедиции — выяснить возможность древних контактов Старого Света и Нового, возможность занесения самой высокой по тем временам цивилизации, скажем, из Египта времен фараонов в Центральную Америку. Было бы идеально, если бы при тех благоприятных течениях и ветрах, которые существуют в 20—40-х северных широтах, нас вынесло с Канарским и Северопассатным течениями и Северо-Восточными пассатами прямо к берегам Юкатана[1]. Там после финиша мы провели бы этнографические исследования.

И еще одна цель. Хейердал настаивал на том, чтобы в составе экипажа был врач. На «Кон-Тики», который дрейфовал в местах, где почти нет попутного судоходства, врача не было. Казалось, на борту «Ра» тоже можно бы обойтись без него. Тем более, что маршрут проходит по районам оживленного судоходства, и при наличии рации квалифицированная помощь придет более или менее быстро. А первую медицинскую помощь смогут оказать почти все члены экипажа. Так в чем же дело? Врач экспедиции «Ра» Юрий Сенкевич так сформулировал задачу:

— Плавание на борту «Ра» — уникальный медико-биологический эксперимент, проводимый с учетом современных возможностей науки. Относительная монотонность нашего каждодневного режима и среды окажет свое воздействие на организм человека. Ограниченность жизненного пространства, невозможность уединиться и побыть самому с собой, отдохнуть от разговорного или хотя бы зрительного контакта — все это, несомненно, отразится на физиологии и на психике людей...

Курсом на Рабат (Марокко) улетел советский врач Ю. Сенкевич. С ним был груз весом в 150 килограммов — аптечка с лекарствами, медицинский инструмент, два мешка ржаных сухарей, коробка с винами, среди которых вино «Кон-Тики» — специально для Хейердала. По его же личному заказу Сенкевич повез черные сухари. Они запомнились Хейердалу с 1944—1945 годов, когда он, лейтенант норвежской армии, воевал бок о бок с советскими солдатами против фашистских оккупантов в Северной Норвегии. А еще Сенкевич везет письмо Туру Хейердалу от советских виноградарей и виноделов — из Всероссийского научно-исследовательского института виноградарства и виноделия. «Дорогой друг,— пишут советские виноделы и виноградари,— шлем тебе коллекцию наших вин. Если ты и твои товарищи будете мерзнуть в холодном Канарском течении, выпейте нашего вина, и наша сердечная дружба прогонит холод и вернет вам радость и бодрость».

Вот окончательный состав экспедиции. Кроме доктора Тура Хейердала, которому 6 октября исполнится 55 лет, в составе экспедиции его заместитель и штурман «Ра», американский географ доктор Норман Бейкер. Врач экспедиции — москвич Юрий Сенкевич. Специалист по постройке и ремонту папирусных лодок — негр из племени батума Абдулла Джибрин из Республики Чад. Мексиканский антрополог — доктор Сантьяго Хеновес из университета Мехико. Вместе с Сенкевичем он отвечает за медико-биологический эксперимент. Итальянский альпинист и аквалангист Карло Маури вместе с шестикратным чемпионом ОАР и двукратным чемпионом Африки по дзюдо Джорджем Сориалом обеспечат съемку цветного надводно-подводного фильма.

«Ра» стартовала в Атлантический океан. Счастливого пути!

[1] См. карту.

Юр. ЗУБКОВ

МАСТЕРА

«Без полноценного и глубокого мастерства актера до зрителя не дойдут ни идея пьесы, ни ее тема, ни живое образное содержание,— писал К. С. Станиславский.— Нельзя поэтому смотреть на актерское мастерство, как на что-то самодовлеющее,— оно служит выражением смысла спектакля».

В большом смысле спектаклей— подлинное назначение театра. В большом смысле спектаклей — путь и нынешнего и дальнейшего развития советского театра, в том числе и Куйбышевского,— одного из лучших в нашей стране.

Посмотрим же сначала, как куйбышевцы доносят идею, тему пьесы, ее живое содержание; как выражают главное — смысл спектаклей — своим мастерством.

Вспомним один из могучих образов, созданных на куйбышевской сцене.

...Голова, склоненная набок, прихрамывающая, стремительная походка, речь, то напоминающая журчание ручейка, то резкая, жестая, лающая... Ну, что, кажется, может привлечь в этом человеке? Его поступки? Но они попросту омерзительны, изобличают в нем лицемера, завистника, негодяя... И тем не менее мы неотрывно следим за ним, ловим каждый его взгляд, каждое слово, каждую интонацию: человек этот не только циничен и страшен — он одновременно ловок, весел, остроумен... А главное — великолепно знает людей, видит каждого насквозь и, как музыкант на флейте, мастерски играет на слабостях и пороках. О, это характер острый, посвоему даже обаятельный, в одно и то же время цельный и противоречивый... Шекспировский характер. Это Ричард III, с которым познакомил семь лет назад зрителей Куйбышевского драматического театра имени А. М. Горького актер Николай Засухин, проникнув в самые глубины образа, поднявшись до подлинно трагедийных высот звучания.

Спектакль, поставленный главным режиссером театра П. Монастырским, и поныне сохраняется в репертуаре куйбышевцев. С огромным успехом они показали его и москвичам и зрителям других городов, и недалек день, когда афиши «Ричарда III» возвестят о двухсотом представлении.

Н. Засухин — яркий, оригинальный талант, один из крупнейших мастеров современной советской сцены, стремящийся к глубокому постижению характера, с которым сводит его актерская судьба. Повторов в своем творчестве Засухин не знает. Галерея его сценических созданий многолика. Особое место занимают в ней горьковские образы. Здесь Павел Власов из «Матери», Петр из «Дела Артамоновых», Фома Гордеев... При всем различии это характеры крупные, беспокойные; люди, думающие напряженно и страстно, способные к крутым эмоциональным взлетам. Работа над горьковскими образами оказала глубокое влияние на развитие таланта и мастерства актера, воспитала стремление к слиянию мысли и чувства, к дальнейшему укрупнению характеров героев...

В труппе Куйбышевского театра Н. Засухин не исключение. Здесь на протяжении ряда лет сложился ансамбль актеров ярких, талантливых, способных украсить л ю б у ю сцену. Тем не менее переходы из этого театра в другой крайне редки, а сама куйбышевская труппа пополняется преимущественно за счет молодежи, воспитываемой в собственной студии, а не за счет мастеров со стороны. У этого театра есть свое лицо, свой художественный почерк. Ансамбль здесь действительно ансамбль, а не случайное скопище одаренных, опытных актеров, говорящих каждый на своем языке.

Среди героев артиста Н. Кузьмина нет такого, который не запомнился бы надолго; каждый из них скроен на свой лад, с особинкой, но в каждом узнается актер, всегда являющийся активным соавтором драматурга, обладающий завидной способностью выделять среди черт и качеств героя то г л а в н о е, что придает ему значительность и интерес, делает его по-настоящему современным...

Ох, как громко, возбужденно, радостно кричит о рождении первенца Игнат Гордеев — Кузьмин. Пожалуй, даже чересчур громко и возбужденно. Недостает этому кряжистому, могучему человеку сдержанности, внутреннего спокойствия. И правда, он словно лавина, прет без удержу и надрывается, умирает в одночасье... Буйство чувств, кипучий темперамент обнаруживает актер и в Малинине, секретаре парткома завода, из «Маленькой докторши» (по мотивам романов К. Симонова «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются»). Но это буйство и кипучесть не от бахвальства, не от бравады. Они от глубинного существа, рождены нравственными принципами, силой патриотизма умного, доброго и обычно уравновешенного человека; органическим неприятием трусов и приспособленцев... С хитринкой, но отнюдь не с червоточиной в душе изображен Кузьминым Шанцов из «Гроссмейстерского балла» И. Штемлера. Просто не хочется ему вечно спорить, ссориться, наживать недругов; уговорил Филиппа Круглого — нового мастера ОТК — подписать липовый наряд, но искренне его раскаяние, активно стремление вернуть уважение Круглого...

С контрастными, полярными характерами знакомит нас и артист С. Пономарев. Скрипучим голосом, нудно и монотонно разговаривает его Терновский, начальник ОТК в «Гроссмейстерском балле». Что ему до интересов дела, до людских болей и судеб! Было бы начальство довольно, премия была бы... Остальное его не интересует. Инертный, косный, равнодушный человек... И рядом — старшина Кузовков из «Соловьиной ночи» В. Ежова; старый служака, требовательный, неулыбчивый, но удивительно человечный и глубокий. Есть в пьесе и спектакле такая сцена: приходит Кузовков к полковнику и просит наказать его, Кузовкова, вместо Петра Бородина, провинившегося солдата. Суровое наказание ждет Бородина, гораздо более суровое, чем он того заслуживает: получили силу клевета, месть... А парень сквозь войну прошел, достойно пронес звание солдата, вся жизнь у него впереди... Не повышая голоса, излагает Кузовков — С. Пономарев свою просьбу, безо всяких драматических «эффектов». А впечатление сильное. Старшина говорит о Бородине, как отец о сыне. Как патриот, озабоченный победой правды над кривдой, справедливости над несправедливостью... Сценический образ, созданный артистом, имеет принципиальное значение для определения лица театра, для направления творческого поиска мастеров. Здесь великолепно понимают, что яркость — это далеко не всегда богатство красок. Ищут яркость, рожденную глубиной, связывая глубину с художественным открытием.

Вот, к примеру, образ «маленькой докторши» Тани Овсянниковой, воплощенный артисткой С. Боголюбовой. С первого взгляда тоже нет в нем ничего поражающего. Но чем дальше знакомимся мы с Таней, тем больше попадаем под власть ее обаяния. Что сообщает ей это обаяние? Необыкновенная цельность души. Нельзя обнаружить трещинки между общественными взглядами человека и его личной жизнью, между его словами и делами. Большая чистота. Не сухость, не бесстрастность, нет, а чистота человека земного, горячего, однако же неспособного заменять кому бы то ни было в час войны «другую, ту, что далеко...». И стойкость. Несгибаемая стойкость человека, убежденного, что его место — на переднем крае, в общем строю с солдатами, защитниками Родины.

Ансамбль, его крепость и разнообразие требуют внимания к каждому из актеров, заботы о его творческой судьбе. Как часто приходится наблюдать, что актер или актриса, вчера еще несшие на себе весь основной репертуар, сегодня забыты режиссурой, чье внимание властно притягивают уже иные магниты. И как часто актрисы, вчера еще игравшие молодых героинь, сегодня не находят своего места в новых спектаклях. Но зато вот еще пример из практики Куйбышевского театра.

Больше тридцати лет знаю я Веру Ершову, помню ее еще по Курску, Полиной в бальзаковской «Мачехе»; позднее в Куйбышеве — исполнительницей ролей обеих королев — и Марии и Елизаветы в шиллеровской «Марии Стюарт». Словом, героиней с головы до ног, и скорее античной, классической, не-

Н. Засухин в роли Ричарда III.

Фото З. Брайнина.

жели современной. И вдруг сегодня в комедии-шутке С. Алешина «Тогда в Севилье» актриса играет острохарактерную роль пожилой доньи Лауры, тщательно отделывая каждый комедийный штрих, каждую юмористическую подробность характера этой, по видимости, строгой, но еще весьма влюбчивой дамы. Ярко играет! Остроумно, смешно!..

Можно и дальше продолжать говорить об актерах старшего поколения, прослеживая их творческие судьбы. Сила сценических характеров, сплав яркости и глубины, враждебность мелкой, бескрылой «бытовой правде» в равной степени присущи и другим актерам старшего поколения: А. Демичу и М. Лазареву, Н. Засухиной и Л. Ливановой, К. Девяткину, А. Дерябиной, Е. Фроловой...

Вероятно, говоря об актерском ансамбле Куйбышевского театра, о его мастерах, о молодежи, можно было бы и не подчеркивать особо роль режиссуры. Каждому ясно, что такой ансамбль не возникает сам по себе, а есть результат многолетней, упорной работы режиссуры. Естественно, что сценические образы, запоминающиеся зрителям на годы, рождает не только актерский поиск, но и внимательная, умная, направляющая режиссура. И не только П. Монастырский, но и очередной режиссер — О. Чернова — оба показывают себя и умелыми постановщиками и тонкими, вдумчивыми педагогами.

Все это очевидно само по себе, обо всем этом и в самом деле можно было бы не говорить, если бы в третьем номере журнала «Театр» за 1969 год не появилась статья И. Романовича «В благополучном театре».

В слово «благополучный», разумеется, вложен иронический смысл. Статья И. Романовича подвергает сомнению и творческое лицо Куйбышевского театра, и свежесть, творческое своеобразие актерских решений, и единые художественные принципы в работе режиссуры.

Конечно, я не стану утверждать, что в репертуаре и творческой деятельности куйбышевцев вовсе нет недостатков. Тема современности, тема жизни рабочего класса не находили до последнего времени на сцене театра достойного воплощения. Освещая нравственные проблемы, режиссура театра не всегда умеет показать нравственное и социальное в единстве. Некоторым спектаклям театра не хватает философской глубины и содержательности.

Все это так.

Но не это встревожило И. Романовича! Не это заставило его взяться за перо. Автора статьи обеспокоило тяготение театра к крупным социальным, эпическим полотнам — вот куда нацелена его ирония прежде всего. У Монастырского, пишет И. Романович попрежнему иронически, есть хобби: «он неравнодушен к обстоятельным доморощенным инсценировкам популярных романов».

Вот оно что! Оказывается, «Мать», «Дело Артамоновых», «Фома Гордеев» — это все не более чем только лишь «популярные романы»! А создание театром своеобразной горьковской трилогии — результат напряженного поиска, огромного труда! — не более чем хобби режиссера!!!

Странный, думается, «вывод».

А что дурного в обращении театра к таким романам, как «Живые и мертвые» К. Симонова или «Тени исчезают в полдень» А. Иванова?

Явно предвзято подошел И. Романович к оценке симоновского спектакля, увидев в нем одни недостатки и вовсе не заметив сильного поэтического и патриотического начала.

Автора статьи «В благополучном театре» печалит, например, что героиня спектакля «Варшавская мелодия» Геля (арт. Л. Грязнова) «обладает завидным душевным здоровьем». И. Романович сокрушается и о том, что, изображая мещан в «Маленькой докторше», театр не стремится к тому, чтобы сделать это изображение «патетически обобщенно»!

А не в этом ли вся «закавыка»? Не потому ли И. Романовичу не нравится театр, что видит его нежелание подчеркивать «душевную израненность» своих героев, выпячивать темные явления действительности и в этом плане «философически» осмысливать жизнь?

Неужели критику более по сердцу театры, воспевающие неблагополучие жизни, оплакивающие «израненных» неудачников, рисующие мещанина как самое типическое явление действительности?

Такой театр И. Романович, наверное, посчитал бы благополучным без кавычек!..

Вспоминая о том, что куйбышевский зритель несколько лет назад не принял гастрольный спектакль Ленинградского театра имени Ленинского комсомола «Ромео и Джульетта», И. Романович пишет: «Не было интереса даже к сенсации. Приговор был вынесен не глядя».

Куйбышевцам, равнодушным к «сенсации», И. Романович противопоставляет Кемерово, где режиссер Вадим Климовский тоже поставил «Ромео и Джульетту» в необычном плане. У него Джульетта ходила на «шпильках»! «Зрительская реакция была иной, чем в Куйбышеве,— пишет И. Романович,— там зрители «раскололись» на два лагеря. И билетов в кассе не было: все спешили посмотреть сами и определить свое отношение — за или против».

Оказывается, вот чем надо — по И. Романовичу — руководствоваться при постановке классики: сенсацией!.. В Куйбышеве дело обстоит действительно иначе. За сенсацией здесь не гонится ни театр, ни зритель...

Говоря о том, что куйбышевский зритель не принял и постановку пьесы В. Розова «Затейник», И. Романович делает, с позволения сказать, еще один вывод: «Все дело в том, что театры должны не плестись в хвосте зрителя, а воспитывать его. Его вкусы, духовные, эстетические и нравственные критерии, широту кругозора».

Но ведь воспитание воспитанию рознь! И неужели ни И. Романович, ни редакция журнала «Театр» не замечают оскорбительности, недопустимости подобных суждений о зрителе?

А может быть, «все дело в том», что следует именно **доверять зрителю!** Доверять его духовному здоровью, широте кругозора, умению и способности оценивать произведения с точки зрения исторической правды и коммунистической партийности. Видеть не только талант писателя, но и то **направление,** в котором этот талант развивается.

Правда, что касается мастерства актеров Куйбышевского театра драмы, то даже И. Романович его не подвергает сомнению. Но, повторяю, он, видимо, забыл о том, что понятие мастерства К. С. Станиславский связывал с воспитанием в художниках способности **передать самые глубокие и сильные чувства и мысли человека наших дней.**

ГОСТЕПРИИМНЫЕ СОКОЛЬНИКИ

Сотни советских предприятий и гости из двадцати двух зарубежных стран представили продукцию в павильонах и на открытых площадках Сокольников на выставку «Автоматизация-69». «В мире вряд ли можно найти такую отрасль хозяйства, которой в той или иной мере не коснулась автоматизация»,— сказал министр приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР К. Н. Руднев. Выставка отлично проиллюстрировала эти слова.

Кто был в эти дни в Сокольниках, в павильонах СССР, тот не мог не отметить, как далеко шагнула наша страна по пути технического прогресса. Здесь было представлено 1 500 экспонатов. Тут побывали сотни тысяч посетителей.

Международная выставка — это не только смотр. Это и крупная ярмарка технических идей и сложнейших товаров. О коммерческом значении прошедшей выставки убедительно говорят такие примеры. В самом ее начале за два дня работы был подписан нашей страной 21 контракт по экспорту и импорту на сумму в два миллиона рублей. Один контракт между Всесоюзным внешнеторговым объединением «Энергомашэкспорт» и внешнеторговым объединением ГДР «ДИА-электротехник» — 600 тысяч рублей! А затем последовали сделки на миллионные суммы. Без преувеличения можно сказать, что коммерческий центр выставки стал началом большого потока приборов, измерительной аппаратуры, самых различных изделий, которые теперь пойдут из нашей страны и к нам.

Все дни международного показа были отмечены контрактами. Велик интерес к советским изделиям. Конечно, сенсацией стал «Протон-4», этот космический сгусток автоматов. Но не меньшее внимание проявляли иностранцы и к демонстрации наших электронно-вычислительных машин, с помощью которых решаются различные задачи, связанные с управлением производства, со сложными технико-экономическими проблемами. Великолепна экспозиция ГДР, и уникальны машины, приборы из Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии, из всех других стран — участниц выставки.

...Смотр закончился. Но пора выставок 1969 года только начинается. Скоро предстоит «Инполиграфмаш-69», осенью гостеприимные Сокольники примут участников и экспонаты международной выставки «Обувь-69». Добро пожаловать!

К. КОСТИН

На снимке: в советском разделе — тысячи экспонатов. Им отвели не только павильоны, но и открытую площадку.

Б. С. РЮРИКОВ

Скончался Борис Сергеевич Рюриков, известный литературовед и критик, профессор, главный редактор журнала «Иностранная литература», секретарь правления Союза писателей СССР.

Вся жизнь этого замечательного ученого, партийного публициста, человека большой эрудиции была непрестанным и преданным служением советской журналистике и литературе.

Уже в первых литературно-критических работах Б. С. Рюрикова можно было отметить его незаурядное исследовательское чутье, точность и ясность позиции, широту аргументации, последовательное отстаивание принципа партийности в литературе и искусстве. В послевоенные годы им написана серия критико-библиографических очерков, в которых утверждаются великие традиции революционно-демократической эстетики. В фундаментальных своих работах ученый-марксист широко и остро исследует проблемы социалистического реализма, рассматривая советскую литературу в развитии и поиске. В его книгах, посвященных советской и зарубежной литературе, поставлены основные вопросы марксистско-ленинской эстетики, сделаны важные выводы на основе изучения громадного художественного материала. Среди книг, которые оставлены Б. С. Рюриковым нашей критике и литературоведению, следует особо выделить такие капитальные и яркие работы, как «Коммунизм, культура, искусство», «Литература и жизнь», «Марксизм-ленинизм о литературе и искусстве»...

Но плодотворная научная работа у Б. С. Рюрикова всегда сочеталась с трудом партийного журналиста и организатора литературного дела. Он ответственный работник аппарата ЦК КПСС, член редколлегии «Правды», главный редактор «Литературной газеты», зав. отделом культуры журнала «Проблемы мира и социализма», профессор Академии общественных наук, в которой подготовил немало молодых талантливых ученых. Последние годы жизни Б. С. Рюриков отдал журналу «Иностранная литература» как главный редактор. Известна и многогранна его деятельность в Союзе писателей СССР, в Советском комитете по связям с писателями стран Азии и Африки.

Уходит человек, но остаются его дела. В советской литературе останутся жить талантливые книги Бориса Сергеевича Рюрикова, останется в памяти образ замечательного человека.

М. НИКОЛАЕВ

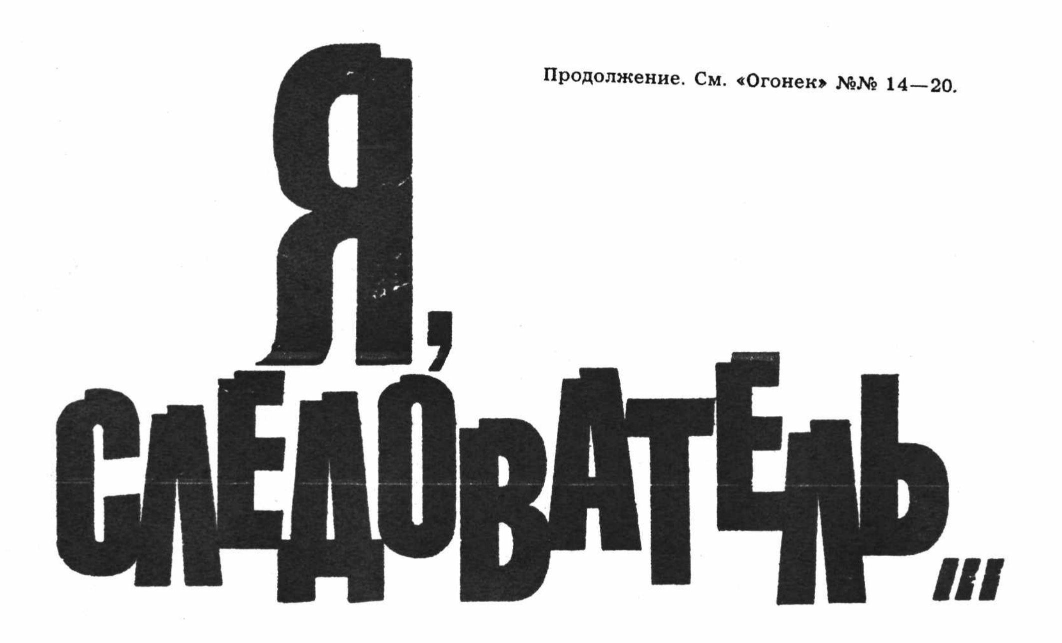
Аркадий ВАЙНЕР,

Георгий ВАЙНЕР

РОМАН В ДОКУМЕНТАХ

Рисунки В. КАРАСЕВА.

Я, СЛЕДОВАТЕЛЬ...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—20.

ЛИСТ ДЕЛА 59.

Я долго смотрел на Линнасте — красивую, хорошо ухоженную, вкусно кормленную самку, и ненависть поднималась во мне желтой волной. За то, что, когда я носился, как чумной, из города в город, Бандит уютно устроился в ее квартирке-постели, за то, что Бандит был «внимательный и щедрый» человек, и ей нужно было именно это, и совсем не нужна настоящая нежность — прозрачная и хрупкая.

Ванда сидела напротив, положив ногу на ногу так, что мне были видны блестящие застежки на чулках. Я молчал, как человек, вошедший в холодную воду, и только глубоко вдыхал воздух, чтобы остановить барабанный бой сердца. Потом негромко сказал:

— А вы знаете, почему ваш друг из всех грибов предпочитает маслята?

Она кокетливо стрельнула глазами:

— Ах, у мужчин всегда такие неожиданные странности...

— Нет, у вашего друга это не странность. И ее вполне можно было ожидать. «Маслята» на блатном языке означают патроны для пистолета.

Ванда растерянно спросила:

— Да, но зачем они ему?

— Затем, что человек, которому вы грели постель эти дни, скрывался у вас от закона.

— То есть как? — манерно подняла брови Линнасте.

— А вот так! Он бандит и убийца. И вы оказали ему неплохую услугу.

— Да? Признаться, я иногда думала, что он растратчик. Но убийца — этого я не знала!

— Если бы вы это знали, я бы вас сейчас же арестовал. Идите. И впредь будьте разборчивее в своих увлечениях. Иначе при повторении подобного мы усмотрим в ваших действиях систему...

Она закрыла за собой дверь. Я походил по комнате. Злость и отчаяние душили меня. Бандит снова исчез. Оставалась только надежда на междугородный телефонный разговор. Мне хотелось сесть за стол и заплакать. Я швырнул в дверь, за которой исчезла Линнасте, стакан, крикнув:

— Мразь! Гадина!..

В РИЖСКИЙ ТЕЛЕФОННЫЙ УЗЕЛ

«Прошу срочно проверить, установить и сообщить мне, с каким населенным пунктом и каким абонентом состоялся междугородный телефонный разговор с индивидуального телефона № 3-99-89 (абонент Линнасте В.) в период с «10» по «18» сентября, время вечернее.

Основание: уголовное дело № 4212.

СЛЕДОВАТЕЛЬ»

ЛИСТ ДЕЛА 60.

Я взял лист бумаги и стал вычерчивать схему. Бандит исчез восемнадцатого числа. Есть альтернатива — или он почему-то скрылся из Риги, или ему просто надоела Ванда, и он, бросив ее, по-прежнему находится здесь. Каждый из этих вариантов имеет свои «за» и «против». Но мне думается, что он скрылся из Риги вообще.

Счастливо выкрутившись из скандального происшествия в ресторане, он понял, что его легализация под именем Сабурова стала опасной. В любой момент мог прийти ответ из Тбилиси, который получил я,— Сабуров никогда в Риге не был. Тогда уже начали бы искать его самого, Бандита. А от Линнасте ему тайно убегать и не надо было — сказал, что командировка окончилась, и — с приветом! Нет, надо докопаться, куда и кому он звонил по междугородному телефону. Это наиболее вероятный маршрут.

Теперь его портфель. Судя по тому, как ограничен был гардероб Сабурова, несомненно, что лишних вещей, про запас, он в портфеле не возил. Там была какая-то труба, пистолет с набалдашником и номер с индексами «ГХ». Вероятнее всего, это был номер машины Рабаева. Но если он украл для маскировки номер с машины Пелевина, то непонятно, почему он рабаевский номер не уничтожил, а возит с собой. Еще одно непонятное обстоятельство: «Волга», проданная Бандитом Косову, была комбинированной окраски — кофейная с белым. Украл он ее у Рабаева 22 августа, а продал 25 августа. От Тбилиси до Ленинграда три тысячи километров. Даже для хорошего шофера это трое суток езды. Поэтому непонятно, где и когда он мог перекрасить половину машины. И, наконец, непонятно, как у него оказался техталон машины Рабаева, заполненный на имя Сабурова.

Утром из Ленинграда доставили заключение криминалистической экспертизы и протокол допроса Косова...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Я, эксперт-криминалист научно-технического отдела Управления внутренних дел Леноблисполкома ГУСЕВА А. С., образование — высшее, стаж работы по специальности — семь лет, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения предупреждена,— в соответствии с постановлением СЛЕДОВАТЕЛЯ провела экспертизу технического талона автомобиля за № ГХ 765354 на имя САБУРОВА Алексея Степановича.

I

Исследуемый документ — это типографский бланк талона технического паспорта, в котором от руки заполняется вид и цвет автотранспорта, фамилия и инициалы владельца, номера кузова, шасси, двигателя и государственный номерной знак.

В данном случае бланк заполнен чернилами синего цвета.

При воздействии на рукописный текст азотнокислым серебром в графах «фамилия, инициалы» и «государственный номерной знак» были выявлены ионы хлора и кальция.

II

Вывод. Первоначальный текст в указанных графах вытравлен при помощи хлорной извести и заменен новым.

Установить первоначальный текст не представилось возможным.

Эксперт-криминалист
ГУСЕВА.

ЛИСТ ДЕЛА 61.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Виктора КОСОВА

...Вопрос. Расскажите подробно о всех обстоятельствах покупки вами автомашины.

Ответ. Мы с сыном давно хотели приобрести подержанную автомашину и с этой целью всей семьей в течение нескольких лет копили деньги. 25 августа я приехал в Ленинград. На автомобильном рынке я познакомился с Сабуровым, который объяснил мне, что он имеет право на продажу машины помимо комиссионного магазина. Поскольку он не собирался продавать машину в этот приезд в Ленинград, то не снял ее с учета в тбилисском ГАИ. Мы договорились, что он передает мне машину и техталон к ней, а я задержу выдачу ему пятисот рублей. Он приезжает в Тбилиси, снимает машину с учета, ставит отметку об этом в техническом паспорте машины и высылает его мне, а я пересылаю ему оставшиеся пятьсот рублей, которые являются залогом за техпаспорт. Мы обменялись адресами, и Сабуров обещал не позже пятого сентября прислать мне техпаспорт. Однако он не спешил с этим, поэтому числа пятнадцатого я написал ему письмо с просьбой срочно выслать документ, без которого я не мог пользоваться машиной. До вызова в милицию машина стояла во дворе моего дома, я пока приводил ее в полный порядок, в частности устанавливал новый дверной замок, так как старый, по словам Сабурова, нестандартный замок, сломался, и он его выкинул.

Вопрос. Каковы приметы Сабурова?

Ответ. Брюнет высокого роста, со светло-голубыми глазами, лицо обыкновенное, на правой руке нет двух пальцев. При встрече я его безусловно опознаю.

Мною прочитано, все записано правильно.

(КОСОВ).

Допрос произвел оперуполномоченный
ЛЕОНИДОВ.

Когда я читал протокол допроса Косова, то невольно подумал: вот еще одна жертва Бандита. И еще какая!

Косов вместе с Рабаевым, по существу, уже вышли из этой кровавой истории. Но по гражданским законам краденая «Волга», за которую ничего не подозревавший рабочий-монтажник Косов уплатил столько трудно заработанных денег, будет возвращена Рабаеву. За Косовым сохраняется право вчинить Бандиту иск на эту сумму в рамках уголовного судопроизводства. И я знаю, что незнакомый мне Косов теперь тоже будет требовательно спрашивать меня: «Где Бандит? Кто он? Как его имя? Я требую, чтобы мне вернули мой честный трудовой достаток! Разве не знаете, как тяжело мне было заработать эти деньги!..»

ЛИСТ ДЕЛА 62.

Позвонила по телефону Элга. Поговорили о том, о сем.

— Вам эта Линнасте помогла? — спросила Элга.

— Так, кое в чем. Но пока что никакой ясности все равно нет.

Она помолчала, и я слышал в трубке ее дыхание.

— У вас много дел?

— Хватает. А что?

— Может быть, вы вечером придете к нам домой? Мама накормит вас вкусным обедом. Вы ведь по-человечески уже месяц, наверное, не ели.— И добавила быстро: — А меня не будет, я сегодня вечером работаю.

Я подумал, потом не спеша сказал:

— Элга, я сегодня допоздна буду сидеть у себя. Если хотите, позвоните после работы, я вас провожу домой, поболтаем...

— Хорошо.

Я положил на рычаг трубку, достал из стола свою схему и стал раздумывать. Мне все не давало покоя: когда Бандит успел перекрасить машину? И почему в ней не было замка? Может быть, вскрывая машину Рабаева, Бандит сломал замок и поэтому выбросил его потом? Может быть. Это все может быть. Но для того, чтобы перекрасить машину, нужно иметь помещение и время. Непонятно. А может быть, тут какая-то ошибка?..

ТЕЛЕГРАММА

Госавтоинспекции гор. Тбилиси

«ПОХИЩЕННАЯ РАБАЕВА ВОЛГА ТЕХТАЛОН ГХ 765354 ОБНАРУЖЕНА С ГОСНОМЕРНЫМ ЗНАКОМ ГХ 89 35 зпт ПОХИЩЕННЫМ У ПЕЛЕВИНА тчк СООБЩИТЕ зпт ПЕРЕКРАШИВАЛ ЛИ РАБАЕВ НИЗ МАШИНЫ БЕЛЫЙ ЦВЕТ зпт ВСТАВЛЯЛ ЛИ ОСОБОЙ КОНСТРУКЦИИ ЗАМОК И КАК БЫЛ ПОХИЩЕН ЕГО ТЕХТАЛОН тчк СЛЕДОВАТЕЛЬ».

ЛИСТ ДЕЛА 63.

Элга сказала:

— Вы все усложняете. Самый короткий путь между двумя точками — прямая.

— Нет. Я это понял, когда отправил сегодня письмо. Ответа я не получу. Да ладно, не будем говорить об этом.

Мы шли по пустому ночному городу, шелестел дождь, ржавый листопад шаркал по тротуарам, и зеленые огоньки светофоров заманивали на далекие перекрестки.

Искристые капли серебрили черные волосы Элги, текли по ее щекам, и иногда мне казалось, что это слезы. Не знаю почему, но казалось.

Около подъезда она спросила:

— Вы сейчас в гостиницу?

— Нет, мне надо зайти еще в горотдел милиции. Там для меня должна быть телеграмма.

Элга пожала мне руку, и я ужасно захотел, чтобы она поцеловала меня, как тогда, в первый раз. Но она сказала только:

— Вы скоро уедете. Напишите мне тогда письмо. Хоть несколько слов.

— Обязательно.

— Прощайте,— сказала она.— Желаю вам счастья...

Я уже прошел несколько шагов, оглянулся и увидел, что она стоит в дверях. И тогда я крикнул:

— Элга, математики доказали — никаких прямых вообще нет!

Она засмеялась:

— А как же без прямых?

— Это просто совокупности незримых кривых...

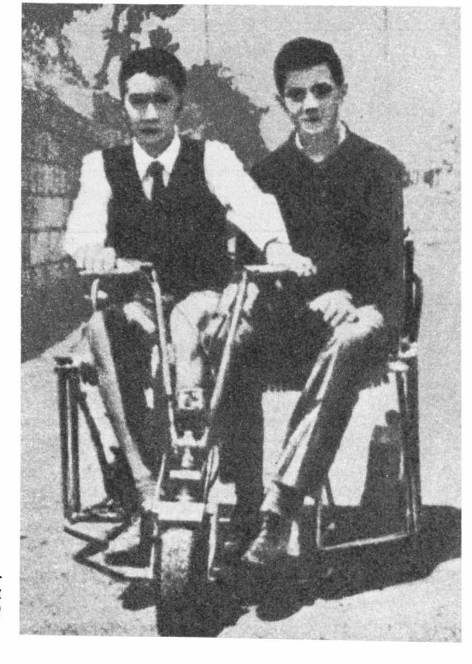
ТЕЛЕГРАММА

РИГА ГОРМИЛИЦИЯ ВАШ 153с
ИЗ ТБИЛИССКОГО ГАИ

БЛАГОДАРИМ ПОМОЩЬ РОЗЫСКЕ МАШИНЫ тчк РАБАЕВ ВОЛГУ НЕ ПЕРЕКРАШИВАЛ И ЗАМОК НЕ МЕНЯЛ тчк ТЕХТАЛОН ЛЕЖАЛ ПЕРЧАТОЧНОМ ЯЩИКЕ зпт БЫЛ ПОХИЩЕН ВМЕСТЕ МАШИНОЙ тчк.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

МОТОЦИКЛ-ПОРТФЕЛЬ

Этот двухместный складной мотоцикл, выпущенный в Италии, весит всего 29 килограммов.

ПОД КОНТРОЛЕМ

На улицах городов Швеции появились регулировщики с приборами, контролирующими загрязненность воздуха выхлопными газами. Водители неисправных машин подвергаются крупному штрафу.

ВОЗДУШНОЕ ХОББИ

Расел Арнольд из Сент-Питерсберга коллекционирует старые самолеты. Но таких машин осталось очень мало, и поэтому Расел конструирует их сам по старым чертежам и фотографиям.

ЛИСТ ДЕЛА 64.

Я проснулся поздно, но не было бодрости, легкости, желания работать. Очень хотелось повернуться на другой бок, накрыться с головой одеялом и спать, спать до вечера. А потом сесть в поезд, устроиться поудобнее на верхней полке и проспать до самого дома. И там, проснувшись, понять, что все эти дни были просто сном. И ничего, ничего не было. Что можно встать, пойти на службу, оформить отпуск и ехать на море, лежать на песке и слушать, как скрипят и густо поют сосны, а вечером ходить на набережную пить молодое кислое вино из пивных кружек, которые почему-то называются в Коктебеле бокалами.

Я вспомнил вечер, когда сидел в тусклом кабинетике солнечногайской милиции, а за окном парень пел под гитару:

— Кто направо пойдет — ничего не найдет,
Кто налево пойдет — никуда не придет,
А кто прямо пойдет — ни за грош пропадет...

Показалось мне это бесконечно далеким, будто все происходило не три недели назад, а в какой-то другой моей жизни. И вот сейчас я стою «без коня и без меча, и решаю: идти или не надо...».

Враки это. Нечего мне решать — мне идти пока просто некуда. Я повернулся на другой бок и решил спать дальше. Все равно идти пока некуда. Надо ждать ответа междугородной.

Я уже почти заснул, но какая-то мысль все барабанила в висок. Я сел на кровати, поджал под себя ноги и стал думать о том, что мне мешает спать. Решение проблемы было где-то рядом, оно кружилось в мозгу, подобно случайно забытому слову. Я представил себе, что формирование идей в мозгу похоже на движение электронов в атоме вещества. Если электрон перескакивает на новую орбиту, появляется вещество с новыми свойствами. Но для этого необходим импульс энергии, иначе электрон не перескочит и ничего нового не будет, не преобразуется идея. А пока все идеи обращаются по старым орбитам. Их держит невидимая плотная преграда. Нет импульса...

Так я и сидел на кровати. Долго сидел. Как йог — накрывшись одеялом, поджав под себя ноги, зажав лицо руками и медленно раскачиваясь — вперед-назад, вперед-назад. Пока не уснул.

И когда я проснулся, то понял, что есть еще одна дорога. Должна быть! Обязательно должна быть! И если она есть, то это не просто дорога, а целая автомагистраль. Когда сбежал Бандит от Линнасте? Кажется, восемнадцатого? Я судорожно одевался, не попадая ногами в брюки. Я выскочил из гостиницы и через десять минут был в горотделе милиции.

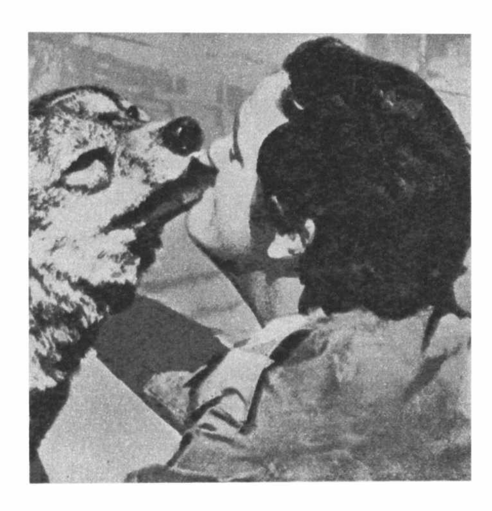
— Дайте мне срочно сводку о происшествиях по городу за восемнадцатое сентября...

ОТДЕЛ МИЛИЦИИ ИСПОЛКОМА РИЖСКОГО ГОРСОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

СВОДКА
о происшествиях по городу
за 18 сентября.

...п. 2. РАЗБОЙНОЕ НАПАДЕНИЕ.

В 19 час. 50 мин. при инкассации продовольственного магазина № 17 Рижского горпищеторга (улица Суворова, дом 32) совершено вооруженное нападение на инкассатора с денежной сумкой. При выходе охранника и инкассатора из магазина преступник дважды выстрелил в них из пистолета, тяжело ранив обоих. После этого

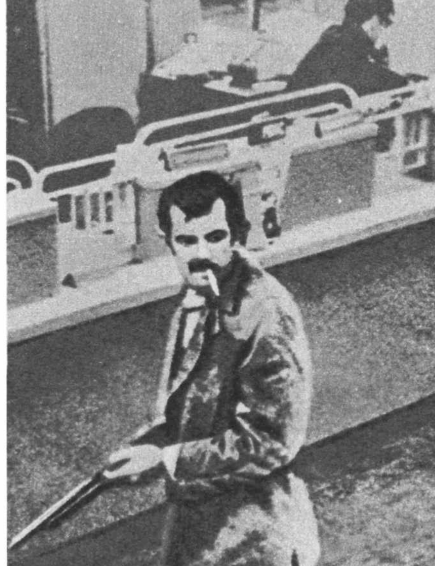
ПОЦЕЛУЙ ВОЛКА

Испанец Феликс Фуэнте считается одним из лучших знатоков жизни волков. В его доме живут несколько свирепых животных, которые платят своему хозяину безграничным уважением и любовью.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ О ВОРАХ

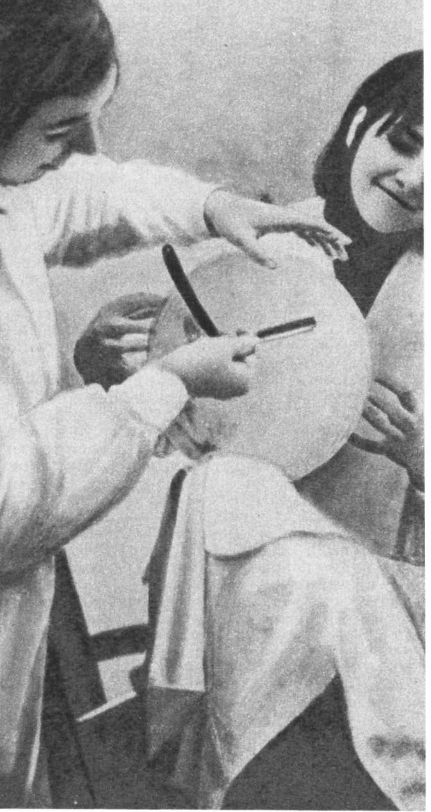
В одном из банков штата Массачусетс установили скрытую кинокамеру. Бандиты, ограбившие этот банк, были сняты на пленку. Полиции не составило труда арестовать воров.

В ЦЕЛЯХ БЕЗОПАСНОСТИ

Первые уроки бритья в училище парикмахеров, которое открыто в Будапеште, преподают на шаре из пластика.

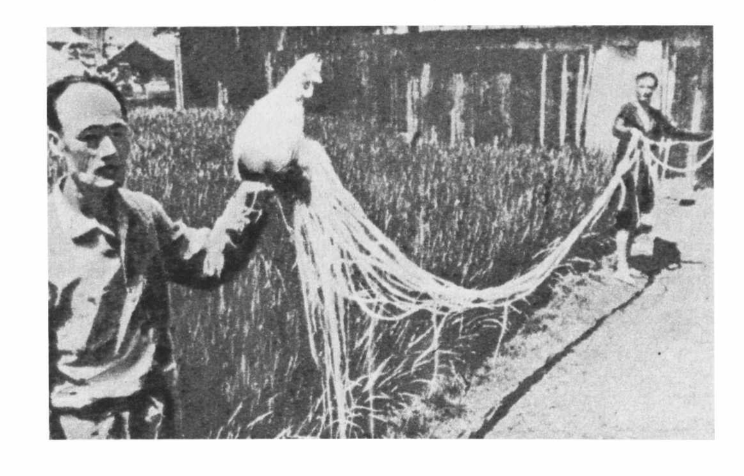

ПОДАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

Этот снимок сделан в одном из итальянских зоопарков возле клетки с обезьянами.

ЧЕМПИОН СРЕДИ ПЕТУХОВ

На японском острове Сикоку с давних пор выращивают длиннохвостых петухов. Перед вами петух-рекордист: длина его хвоста — девять метров.

стал вырывать денежную сумку из рук инкассатора. В этот момент охраннику удалось достать оружие и открыть огонь по нападающему.

Преступник перебежал через улицу и скрылся в расположенном против магазина проходном дворе дома № 29. Данных о ранении преступника нет.

С места происшествия изъяты две стреляные гильзы пистолета «ТТ». Приметы нападавшего устанавливаются.

Поиск преступника ведет уголовный розыск горотдела милиции...

ЛИСТ ДЕЛА 65.

Инкассатор Валдис Баллоде — маленький, желтый, с остро торчащим вверх носом — был укрыт простыней до подбородка. На голове накручен огромный марлевый тюрбан, будто он собирался на маскарад и попал вдруг случайно в больницу. Он не мог повернуть голову в мою сторону и поэтому все время скашивал на меня огромный фиолетовый, затекший сгустком крови глаз. И от этого мне становилось жутко, потому что я все время боялся, что он сейчас умрет. Лопнувшие от жара, запекшиеся губы еле шевелились, и, чтобы расслышать его шепот, я все время наклонялся к нему, и передо мной страшно мерцал фиолетовый глаз.

— Ритуся только первый год в институт пошла, а Янис — в школе, в восьмом классе. Я ведь так мечтал их в люди вывести...

Потом он что-то шептал по-латышски. Я погладил простыню там, где была очерчена его рука, и сказал бодрым голосом:

— Ничего, ничего! Не волнуйтесь. Все страшное уже позади, вы скоро выздоровеете, и все будет по-прежнему.

Он прикрыл веки и чуть слышно прошептал:

— Нет, не будет. Я и так был больной, с фронта два тяжелых ранения привез. А этот фашист проклятый...

Баллоде долго молчал, потом снова зашептал, но так, будто советовался сам с собой:

— Я же ведь не мог отдать эти деньги, они чужие. Так много денег, я бы за всю жизнь их не выплатил.

Он скосил на меня налитой кровью глаз.

— Я не знаю, как удержал сумку. Я ведь совсем слабый, и он уже выстрелил в меня. Этот бандит был такой сильный, и все дергал, и дергал из-под меня сумку, когда я упал. А я держал ее, и он бил меня по голове, пока я не потерял сознание. Он был ужасно сильный...

Большие мутные слезы текли у него по щекам. И я вдруг почувствовал, что если бы встретил сейчас Бандита, то просто застрелил бы его. Пускай меня потом судят. Баллоде сказал — «фашист». Хуже фашиста, потому что эта гадина жрала все время наш хлеб!..

Я приехал в милицию и спросил, не пытались ли найти отпечатки пальцев на инкассаторской сумке. Пытались, но пригодных к идентификации не нашли.

Я смотрел на порванную, лопнувшую по швам брезентовую сумку, залитую черными пятнами засохшей крови, и думал о том, какая неожиданная сила отчаяния пробудилась в маленьком, тщедушном Баллоде, если Бандит не смог ее вырвать. К делу была приложена фотография изъятых из разорванной сумки и заактированных денег. Я смотрел на эти мятые пачки разноцветных бумажек и не мог понять, как можно за них убить человека. На них можно купить автомобиль, на них можно не ходить на работу, на них можно целый год жрать одну черную икру. Что еще? Пожалуй, все. Больше ничего не придумаешь. За них убили молодого веселого парня Женю Корецкого, за них лежит под простыней, похожей на саван, усохший, крошечный Валдис Баллоде и шепчет: «Когда я упал, он все бил меня по голове... Он был ужасно сильный...» А в соседней палате стоит пустая койка, на которой лежал умерший позавчера охранник Миронов.

И все из-за листочков плотной разноцветной бумаги, которые могут дать так немного. Ведь деньги сами по себе становятся силой лишь тогда, когда люди уславливаются, что именно вот эти, конкретные бумажки имеют силу. Я вспомнил, как несколько лет назад известный в Москве валютчик Коротов за минуту до обыска, когда уже позвонили в дверь, выбросил в мусоропровод большой сверток с долларами и фунтами. Мы сбились с ног, разыскивая этот сверток, потому что, по нашим расчетам, валюта у него должна была быть дома. А тем временем семилетний сын дворничихи добыл из мусорного бака этот сверток, раздал приятелям ассигнации, и они устроились играть на них в «пьяницу» и «акулину».

— А мы думали, что это древние деньги, — объяснили потом мальчишки.

То, что для нас старое, для них уже древнее...

Я приобщил к делу вещественные доказательства — инкассаторскую сумку и фотоснимок находившихся в ней денег.

Продолжение следует.

ЧТО ТАКОЕ ПОЛ-ОЧКА?

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Ничья, конечно, не устраивает зрителей, для них ничья — потерянный вечер. Но ничейный исход бывает разным. Вспомним девятую партию. Она закончилась вничью, но для Спасского явилась серьезным поражением.

Когда эта партия была отложена, можно было предполагать, что поражение Петросяна неизбежно (ходят даже слухи, что чемпион мира собирался сдаваться без игры). Но Спасский не сумел добиться победы, и хоть поклонники его утешались тем, что на пол-очка больше или меньше — это все равно при счете матча 5,5:3,5, но не будем поддерживать эту ложную версию. На пол-очка меньше у Спасского означает на пол-очка больше у Петросяна, поэтому в девятой партии Спасский потерял целое очко.

Всего две партии потребовалось Петросяну, чтобы сравнять счет. Особенно успешно он провел одиннадцатую, создав образец шахматной стратегии. Любопытно отметить, что девятую партию Спасский не выиграл, потому что поздно сыграл a4—a5. А одиннадцатую проиграл опять же в схватке на том же поле a5. Удивительное совпадение!

Петросян стойко преодолел тяжелый для него этап от четвертой до восьмой партии, когда его спортивный урожай был мизерным: очко из пяти возможных. А как реагировал Спасский на два рядовых проигрыша? Там, где два, может легко быть и три. Неужели можно проиграть три подряд? Да, да, и это бывало в практике. В матч-реванше 1958 года В. Смыслов стартовал с тремя нулями против М. Ботвинника. И в двенадцатой встрече Спасский чуть-чуть не потерпел третье поражение подряд. Во второй части партии чувствовалось, как Борис буквально на пределе своих сил старается вырваться из тисков шахматной машины Петросяна, снова заработавшей вовсю.

Ничью в этой партии можно считать некоторой компенсацией Спасскому за неудачу в девятой партии. Таким образом, первый хавтайм закончился со счетом 6:6. (Вспомним, что в 1966 году чемпион мира лидировал со счетом 7:5, так что утешением для Бориса Спасского может служить тот факт, что в момент «перемены ворот» он не отставал на два очка, как три года тому назад.)

Итак, 16 мая все началось снова, причем надо сказать, что некоторое психологическое преимущество было на стороне Петросяна, который в первом тайме выиграл бой нервов.

Начиная с тринадцатой партии игра пошла совсем иная: осторожная. Спасский не предпринимал никаких попыток использовать преимущество белого цвета и быстро сводил игру вничью. Можно ли говорить о преимуществе белых, если в этом матче Петросян и Спасский уже сумели выиграть по две партии как раз черными?

Но ведь белые всегда остаются белыми. Чем же объяснить ничейную тактику Спасского? Тем, что он не может успокоиться после понесенных потрясений? А вот чемпион мира придерживается явно другой тактики: черными он играет на ничью (если его не «заставляют» выигрывать), а белыми старается все же нажать на соперника. Именно так он поступил в четырнадцатой встрече. Но у него ничего не получилось, и на 32-м ходу Петросян предложил ничью, от которой Спасский отказался, и притом без всяких оснований. Кто бы мог подумать, что после этого отказа в относительно спокойной позиции произойдут события, полные драматизма? Все началось с того, что Спасский, имея возможность подумать и записать правильный 43-й ход, загнал одним движением своего короля в матовую сеть... Через два часа из Амстердама позвонил экс-чемпион мира Эйве и спросил меня: «ТАСС ошиблось? Спасский же не мог сыграть король e4?» Пришлось ответить Эйве, что ТАСС не ошиблось, что ошибся Спасский.

Ход записал чемпион мира. И от него зависел исход этой партии. В течение 20 часов у Спасского могли быть какие-то надежды: а вдруг Петросян не записал выигрывающего хода... Когда арбитр вскрыл конверт, Спасский не обрадовался: Петросян записал сильнейший ход.

Казалось, дела Спасского безнадежны. Но... если в девятой партии при доигрывании произошло чудо в пользу Петросяна, то на сей раз фортуна улыбнулась Спасскому. Чемпион мира допустил неточности и дал возможность претенденту уйти от верного поражения.

По логике вещей тут уже должен был воспрянуть духом Спасский. Но нет! Он не использовал этой выгодной психологической ситуации и в пятнадцатой партии снова быстро «закруглился» на ничьей.

Петросян и Спасский умеют выигрывать... и проигрывать. Если Петросян хочет сделать ничью,— он это делает. Спасский хочет сделать ничью, и он ее делает. Что же могло случиться в шестнадцатой встрече, где оба хотели ничьей?..

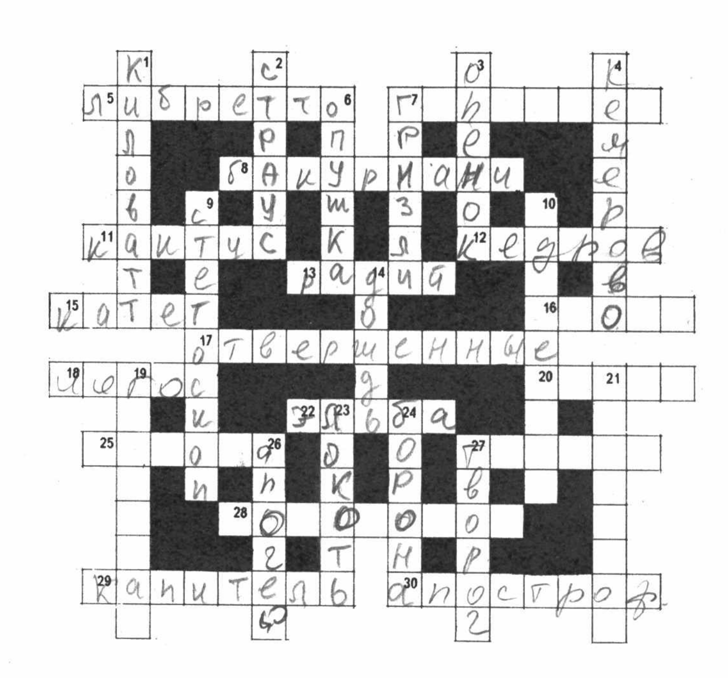
В 1966 году матч начался серией из шести ничьих, пока Петросян в седьмой не забросил первую «шайбу». От двенадцатой до шестнадцатой партии и теперь пошла серия из пяти ничьих. Спрашивается, долго ли будет продолжаться эта ничейная эпидемия? Все знатоки считают, что долго это продолжаться не сможет. Затишье перед бурей — вот что происходит.

Позади две трети матча. Итог: Петросян на 66 процентов защитил свой титул. Впереди самый ответственный этап матча — финиш, своего рода маленький матч из восьми партий. Восьмерка — это любимая дистанция Спасского. На этой дистанции он успешно сражался с Геллером, Ларсеном, Корчным. Спасский после восьми партий в борьбе с Петросяном лидировал со счетом 5:3... Хорошие воспоминания!

В момент, когда у Петросяна со Спасским была закончена половина матча, в Москве Нона Гаприндашвили успешно защитила звание чемпионки мира среди женщин, в матче против москвички Аллы Кушнир. Нона выполнила план досрочно — в 13-й партии, когда счет стал 8,5:4,5 в ее пользу. (Матч игрался из 16 партий.)

Итак, у Ноны Гаприндашвили теперь имеется три лавровых венка!

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Текст к опере, оратории. 7. Спутник Сатурна. 8. Высокогорный курорт в Грузии, горнолыжная база. 11. Безлистное растение. 12. Народный артист СССР. 13. Химический элемент. 15. Сторона прямоугольного треугольника. 16. Река на Урале и в Западной Сибири. 17. Роман В. Гюго. 18. Цветок. 20. Кинофильм А. П. Довженко. 22. Остров у западных берегов Италии. 25. Змееобразное животное. 27. Ритмическая фигура в музыке. 28. Русский ученый-энциклопедист и поэт. 29. Верхняя часть колонны. 30. Надстрочный знак.

По вертикали: 1. Единица мощности электрического тока. 2. Крупная птица, обитающая в пустынях. 3. Гриб. 4. Областной центр в РСФСР. 6. Окраина леса. 7. Серый медведь. 9. Медицинский инструмент. 10. Поэма А. Блока. 14. Атмосферные осадки. 19. Литовский духовой инструмент. 21. Сплав меди с никелем. 23. Древняя мера длины. 24. Сельскохозяйственное орудие. 26. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли. 27. Молочный продукт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали: 5. Ханой. 6. Пенал. 9. Кресло. 10. Азамат. 11. Газон. 14. Панно. 16. Калан. 17. Университет. 20. Ванта. 22. Дозор. 24. Алмаз. 26. Афелий. 27. Акация. 28. Бубен. 29. Мокко.

По вертикали: 1. Баксан. 2. «Порог». 3. Севан. 4. Шарада. 7. Орлан. 8. Парад. 12. «Арсенал». 13. Орисава. 15. Олифа. 16. Катод. 18. Камфа. 19. Лоция. 21. Теллур. 23. Одарка. 24. Айбек. 25. Затон.

На последней странице обложки: Посланец планеты Земля.

Рисунок А. Соколова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

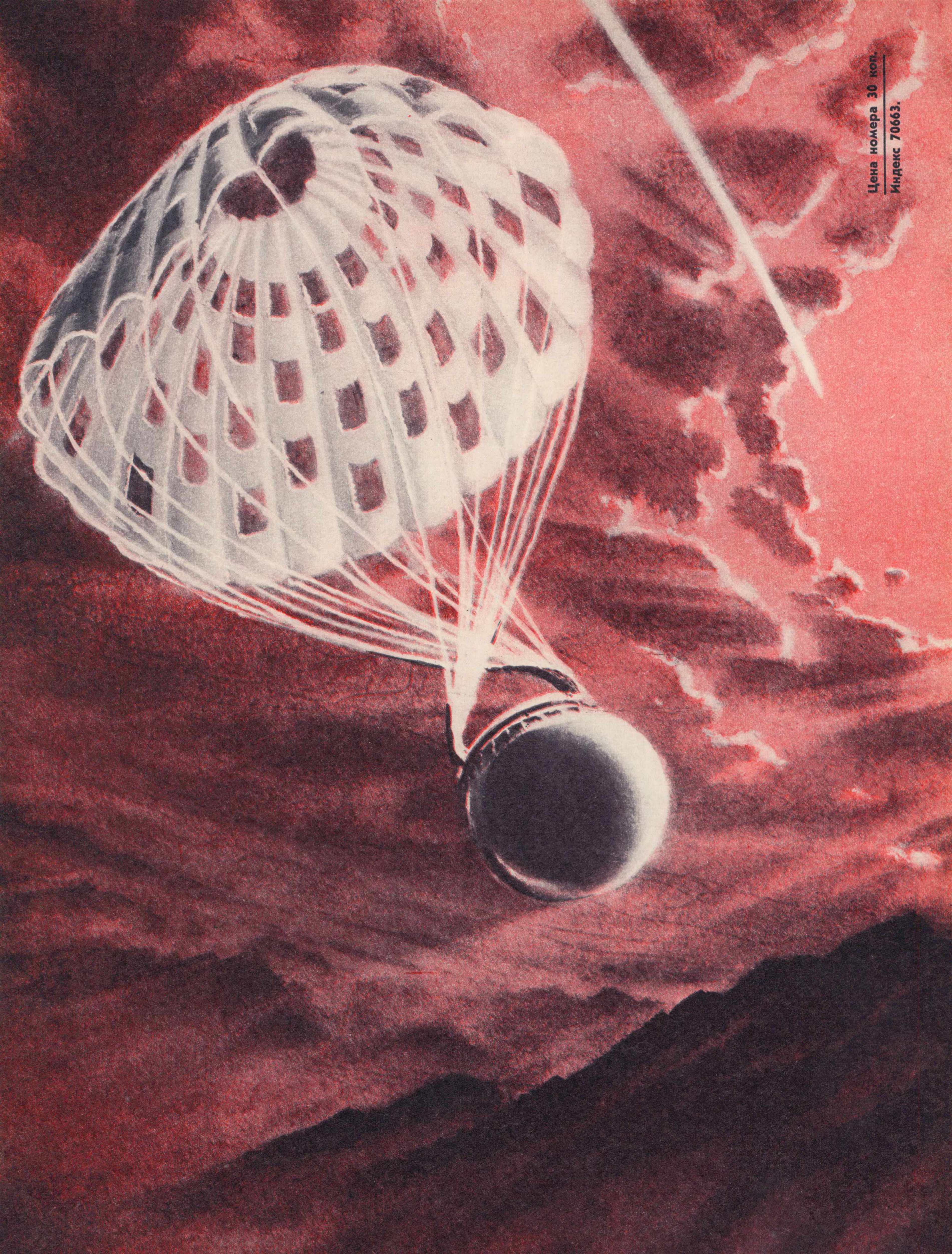
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00113. Сдано в набор 13/V-69 г. Подписано к печ. 28/V-69 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 1006. Заказ № 1332.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КИЕВ. КРЕЩАТИК ▶

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.